

М. БЕЛЛЕР

САМОВАР

Михаил Веллер

Самовар

«АСТ»

Веллер М. И.

Самовар. Б. Вавилонская / М. И. Веллер — «АСТ»,

ISBN 978-5-17-040579-4

Роман «Самовар» – пожалуй, самая резкая и шокирующая из всех книг М. Веллера. Дикая фантазия неотделима от жуткой правды: тайный госпиталь, укрытый в лесах, где вершатся судьбы мира и нарушаются все мыслимые законы. Включенный в этот же том роман-антиутопия «Б. Вавилонская» является продолжением лишь одной из линий «Самовара» – темы катастроф.

Содержание

Самовар	7
Часть первая	7
Глава I	7
1. 1-е апреля 1994 года.	7
2. Автор	8
3. Книга	9
4. Название	10
5. Эпиграф	11
6. Посвящение	11
7. Предупреждение	11
8. Интродукция	12
9. Портрет и пейзаж	12
Глава II	15
Глава III	19
Глава IV	28
1.	28
2.	31
3.	36
4.	39
5.	43
6.	44
Глава V	47
1.	47
2.	50
3.	53
4.	58
5.	62
[6][8]	65
7	65
Глава VI	67
1	67
2.	69
3	74
4.	76
5.	77
6.	83
7.	88

Михаил Веллер

Самовар

Часть первая Семерка

Глава I

1. 1-е апреля 1994 года.

– Да!

– Ну?

– Именно тебя я и ждал.

Хоть вы не знаете меня, а я не знаю вас, – друзья, садитесь у огня: послушайте рассказ... Про любовь и про бомбежку, про большой линкор «Марат», как я ранен был немножко, защищая Ленинград. Чего ж тебе надобно, старче?

– Чтоб было интересно.

– Обижаешь, начальник. Фирма веников не вяжет. Начнешь – забудешь, что в туалет хотел. Когда-то парижские ажаны, конвоируя по городу опасного преступника, всаживали ему в нежную плоть межножья рыболовный крючок, а леску наматывали себе на палец. И головорез шел как миленький, на посторонний взгляд – добровольный спутник. Примерно так должна действовать завязка настоящей истории.

– И про любовь.

– Любовь волнует кровь и вместе с голодом правит миром; а как же. Наше политическое кредо: всегда!

– А счастье: сбудется обещанное счастье?

– Непременно. Только ради этого разговор и затеян. Держи карман шире: уже катится, катится голубой вагон.

– И – стрельба, погони, опасности.

– Если ты предпочитаешь «бентли» «ягуару», а браунинг «хай пауэр» кольту-«питон», и слышал, как тяжелым басом гремит фугас, – нам найдется о чем потолковать.

– Очень хочется быть богатым.

– О том и речь. Я бы убил того, кто придумал бедность.

– Еще должна быть жуткая тайна, и в конце она должна раскрыться.

– Ты не представляешь, какая эта тайна жуткая, душа моя. И раскрыть ее нам под силу только вместе – и только под самый конец.

– И посмеяться, ага?

– Поржать – это святое. Смех бывает разный: «ха-ха-ха», «хо-хо-хо», «хе-хе-хе», «хи-хи-хи», «гы-гы-гы», «бру-га-га»; и от щекотки.

– Уж больно много всего, а. Во всем этом нет дешевого рекламного зазыва?

– Отнюдь, сказал граф, и повалил графиню на рояль. На центральной площади Тель-Авива стоит памятник Юрию Гагарину: это он первый сказал: «Поехали!» – и началась еврейская эмиграция из СССР.

Помолясь – поехали.

Сорок веков смотрят на нас с высоты египетских пирамид. Ослов и трубадуров – на середину!

2. Автор

Главный герой этой книги – юный романтик и авантюрист, переживший трагическую любовь. Вернее, он ее не пережил, потому что его расстреляли.

Он был обвинен в убийстве и шпионаже, и вина была полностью доказана. Причиной убийства послужила вспыльчивость, шпионажа – любовь, а ареста – глупость. То есть, как обычно и повелось, одно не имело к другому никакого отношения.

Он жил в городе, которого больше нет, под названием Ленинград, в стране, которой больше нет, под названием Союз Советов. Это была самая большая и грозная империя в мире, которая просуществовала всего семьдесят лет, провела несколько огромных войн и уничтожила четверть своего населения. У нее была самая могущественная в мире армия, самые лучшие танки и автоматы, и самые красивые женщины.

Все ее жители были государственные рабы. Они были обязаны всю жизнь трудиться на государство и не имели собственности. При этом они были патриоты, любили свою Родину и считали ее лучшей в мире. А для веселья пили сорокаградусный раствор этилового спирта в воде, называемый «водка».

Тех, кто не хотел работать, ссылали на каторгу в Сибирь. В Сибири бескрайние дремучие леса, снег и лютые морозы.

Под страхом каторги им запрещалось иметь оружие, чтоб они не могли оказывать сопротивления властям, и запрещалось ездить за границу и вообще общаться с иностранцами, чтоб они случайно не узнали, что в других странах люди живут лучше.

По праздникам они пели Государственную песню из веселого кинофильма «Цирк»: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек». Диктатор империи приказал, чтобы важнейшим из искусств для них являлось кино.

Но поскольку огромная империя занимала шестую часть всей земной суши, некоторые молодые крепкие мужчины ездили с одной окраины на другую, в пустыни, горы, тундру и леса, жили там среди местных народов и часто меняли работу. Так они удовлетворяли тягу к путешествиям, переменам и экзотике.

Представителей властей там почти не было, и люди сами решали споры по своим собственным законам.

Однажды летом наш герой работал скотогоном в диких горах Алтая. Скотогон – это нищий безоружный ковбой на плохой лошади.

И случилась ночевка близ селения, попойка с местными парнями у костра, ссора и честный поединок на ножах.

А зимой, вернувшись в родной Ленинград, он встретил девушку и впервые в жизни полюбил. Она была похожа на итальянскую кинозвезду. У нее была стройная фигура, высокая грудь, красивый голос, золотые волосы, детское лицо и огромные сияющие карие глазищи в мохнатых ресницах.

Она заканчивала университет. И она согласилась выйти за него замуж. И даже повезла его познакомиться со своими родителями в Москву.

Ее отец был двухзвездный адмирал. Он был командующим морской авиацией Советских Военно-Воздушных Сил. Он был похож на знаменитого киноактера. Он жил в огромной квар-

тире, где в холле со шкурой белого медведя стояли четыре телефона. Зеленый телефон каждые шесть часов докладывал, как проходит боевое дежурство в воздухе советских стратегических бомбардировщиков с водородными бомбами близ американских границ.

Наш герой удивился радушному приему. Ведь он был невыгодный жених: юн, нищ, безработен, и вдобавок еврей.

Невеста оказалась лесбиянкой. Она жила с любимой подругой. Ее родители придерживались отсталых гетеросексуальных взглядов. Они страшно переживали и пытались их разлучить, и уже мечтали выдать ее за любого нормального мужчину.

Они хотели посадить подругу за сексуальные отклонения в сумасшедший дом. Девушки придумали оборонительный план. Во-вторых, выдать красотку для отвода глаз замуж. А в-первых собрать на папу компрометирующий материал, чтобы в случае чего тайно переправить его в американские газеты. Тогда скандал, адмирала выгонят из армии и отдадут под трибунал.

Это была драма для всех причастных лиц. Жених был готов устранить соперника, но перед соперницей чувствовал себя бессильным. Он потерял свой нерв: плохо соображал, плакал и был готов на все.

Невеста шпионила за папой, а жених относил бумажки одному знакомому подруги, у которого были родственники за границей. Так придумала осторожная и предусмотрительная подруга.

Но знакомый был завербован как 2-м отделом ЦРУ, так и 4-м ГУ КГБ. Получив ценную часть информации, американцы затем в своих целях приказали ему сдать компанию русским. Арестовали всех.

Но жених сумел скрыться. Он скрывался три месяца. Контрразведка оказалась беспомощной.

Потом он сам явился и сдался. Он взял всю вину на себя и рассказал о себе все. Жить без любимой он не хотел и не мог.

За эти три месяца он успел написать эту книгу.

3. Книга

В этой книге ровно тысяча страниц. Она была перепечатана на портативной механической пишущей машинке «Элита», сделанной из крупковской стали в 1942 году на народных предприятиях Роберта Лея в Германском III Рейхе, с русским шрифтом для Восточных Территорий.

Толщина пачки была десять с половиной сантиметров, и весила она четыре килограмма восемьсот граммов.

Незаметно переправить такой кирпич через советскую границу было невозможно.

Автор одолжил у приятеля фотоаппарат «Зенит» с объективом «Гелиос-IV», а у знакомого газетного фотографа с уговорами купил пять метров пленки чувствительностью в 1000 единиц, с очень мелким зерном, что допускает сильное увеличение снимков. Такая пленка применялась в аэрофотопулеметах и продавалась летчиками за водку.

Он переснял рукопись, раскладывая по 9 страниц в кадре, и получилось 112 кадров. Проявить пленку пришлось просить того же фотографа: сам, не умея, заперешь, а в ателье такую не возьмут, а и возьмут – переснятый текст вызывает опасные подозрения, типичные шпионские штучки, и потом – за всеми фотоателье приглядывало то же 4-е ГУ КГБ. Фотографа пришлось подпоить, тонко соблюдая меру: перед работой – до потери подозрений при сохранении полной работоспособности, после работы – в хлам до полной потери воспоминаний.

Получился рулончик диаметром в 2,5 сантиметра и весом в 60 граммов.

Окончив книгу, автор испытал прощительный и кратковременный прилив любви и жадности к жизни. В грезах явились слава, богатство и счастье свободы в Америке. Но книгу надо переправлять и издавать скорее! А сам выберешься ли еще, и когда?..

Смешно: в розыске КГБ – он боялся публикацией под своей фамилией в США осложнить жизнь себе и родным. А если анонимно – боялся, что кто-нибудь (особенно в случае его смерти) припишет другому (или украдет себе!) авторство его шедевра.

Поэтому на один промежуточный кадр он сфотографировал перекидной табло-календарь над посетителями в Центральном Почтамте: открывшийся в будущем автор должен доказать, что мог быть там в указанный день. А на другой – кусок поверхности зернистого гранитного парапета невской набережной в косом солнечном свете. Такой рельеф в деталях неповторим, как дактилоскопический отпечаток. Только автор сможет указать, где этот участок – таких гранитов в Ленинграде сотни километров.

Таким образом авторство книги было скрыто – но застраховано.

Вскоре оно раскроется.

А рулончик пленки был вложен в ручку дамского зонтика, что на просвет-экране таможенного телевизора выглядело естественным устройством крепления стержня в ручке, и через третьи руки благополучно пересек границу.

Доказательство чему вы сейчас читаете.

4. Название

Красивое имя – высокая честь. Сколько я ни встречал собак с затейливыми кличками – все они никуда не годились.

Имя – обязывает, многое определяет, и даже властвует. Скажем, есть несчастливые имена кораблей; а переименовывать корабль опасно, это давно известно. Самый большой линкор в мире «Юлий Цезарь» однажды переименовали в «Новороссийск», и в результате он взорвался и утонул прямо в порту, и с ним погубило семьсот моряков. Кесарю не судьба умирать своей смертью.

Сначала эта книга называлась «Соблазнитель». Автор задумал захватывающий роман об искусстве и науке любви: каждый, прочитав его, мог научиться покорять любимого человека.

Потом она стала называться «Заговор Сверхдержав»: как ФБР и КГБ взаимно договорились убрать своих президентов, которые мешали им работать: в результате Кеннеди застрелили, а Хрущева всего лишь свергли и отправили под домашний арест до конца жизни.

От этого любовно-политического триллера отпочковался еще один: «Заговор по-русски». В нем детально исследовалось, как именно будет уничтожена советская власть в России, и приводился всесторонний план переворота. Самое потрясающее, что пятнадцать лет спустя такой переворот был совершен в действительности.

Подобные темы наводят на обобщающие размышления, итогом которых явился заголовок «Все о жизни». А вот так! Ни больше ни меньше. «Все о жизни», ясно? Прочти эту книгу – и другие тебе уже не понадобятся. И так все узнаешь.

Но поскольку это все-таки не философский трактат, а роман, то и название желательно такое... художественное и броское. И оно было придумано: «Русская матрешка». В нем содержится указание на шкатулочный эффект: примитивная на вид кукла, затейливо раскрашена, а внутри раскрывается бесконечное множество подобных, других размеров и расцветок. Плюс колорит а'ля рюсс: навроде «русской рулетки».

Толстая книга с такой надписью на обложке может быть принята за каталог упомянутых матрешек. И в конце концов названием стало служить простое и краткое слово – «Самовар».

Самовар – сам варит, характерный предмет русского быта. Внутри – огонь, окруженный водой. Корпус – зеркало: ясное, но искажающее. Сверху идет дым из трубы. Самодостаточная система. Снизу – крантик.

А кроме того, слово «самовар» имеет еще одно значение, важное в этой книге.

5. Эпиграф

Вообще-то по-гречески «эпиграф» – это любая надпись на любом предмете. Поскольку придумывался он в период названия «Все о жизни», то хотелось засадить что-нибудь такое всеобъемлющее... Если заборы и стены тоже счесть предметами, то самый распространенный эпиграф нашей действительности вам хорошо известен. Первая из трех букв короткого слова косым андреевским крестом перечеркнула грудь императорского орла. Символика, конечно, богатая, фаллическая символика, корень жизни. Но от грубоватого эпатажа было решено отказаться.

Эпиграфом часто как бы воздается честь автору, из которого он взят. Но на хрена Боливару нести двоих, честь не резиновая, и так все потеряно, кроме нее, так береги смолоду.

Конечно, на разные случаи жизни хороша Библия. Но у читателя могут быть собственные отношения с религией, да и религий на свете много. Грех всеу раздергивать Священное Писание на цитаты к украшению собственных выкладок.

Итого остаются из сокровищницы мировой литературы более или менее крылатые и бородатые фразы да всеобще-ничейный фольклор.

Теперь оцените стойкость задрванного пацана, который скрывается на свалке среди трущоб и, присмолив окуроч, сидя на пустом водочном ящике в позе роденовского мыслителя в тени развесистого куста клюквы, хрипло произносит миру:

– Я Мишка – вашему терему крышка.

6. Посвящение

Сервантес посвятил «Дон-Кихота» герцогу Броглио.

– Кто такой? Почему не знаю?! В академию бы мне после войны, подучиться малость...

Посвящение Хине Члек после деликатной борьбы в редакции выкинули. Хотя есть, всегда есть искушение посвятить что-нибудь эдакое неким таким образом, чтоб много опосля кружок некогда прекрасных дам целил плюнуть друг другу в глаз.

Начищенные плевательницы сияли девственной медью, но при взгляде на чудный изразцовый пол становилось ясно, почему южане проиграли битву при Нэшвиле.

Посвящать книгу кому-нибудь из родных – бестактно по отношению к остальным не менее родным. Посвящать по такой книге каждому невозможно, потому что такая книга и всего-то одна. А если посвящать ее всем сразу, такие случаи в истории бывали, то это уже какое-то семейное письмо, которое неловко и незачем читать посторонним.

Да и как посвящать другим то, во что посвятил тебя Господь?.. Представьте себе посвящение на Библии: «Нашему Богу». Или того лучше: «Римскому Папе». Святотатственный бред какой-то.

.....

Да провалитесь вы все пропадом!

7. Предупреждение

Не влезай – убьет.

Это очень неприличная книга. В ней много неприличных слов, неприличных сцен, а главное – неприличных мыслей. Поэтому ее нельзя давать читать детям, и лучше бы не читать

людям с неустойчивой психикой. Также ее не должны читать люди, не любящие всякие неприличности.

Честно говоря, возможно лучше и вам ее не читать. Возможно, ее вообще писать-то не следовало.

8. Интродукция

Она же преамбула, введение, предуведомление, пролог, зачин и предисловие.

Окончены.

Тихо-тихо совлекайте с древних идиолов одежды.

А молитву сотворя, третий нож – на царя...

Господи, помоги мне удачно отбомбиться!

9. Портрет и пейзаж

Береза вписывалась в небосвод так, что утреннее солнце, поднимаясь над кроной, просекало светом листву. За лугом курчавился дымчатый подлесок, перераставший в крепкую чашу, а ближняя кромка травостоя обрезалась желтым обрывом. Под обрывом шуршала волна, шлифуя тонким накатом песчаный пляж.

Сдвигающее прозрачную перспективу марево, слоеный клеверный пар, было проткано четким стрекотом кузнечиков и виолончельной вибрацией пчел.

Из-под корней березы выбрался шмель-трубач и, упершись мохнатыми лапками, зажужжал, вентилируя струей ветерка свою норку. Проветрив жилище, он оторвался от земли и басовой струной ввинтился в пространство. Без внимания к крапящим зелень ромашкам и василькам заложил вираж и с упругой тягой повесил курс на мощный запах пищи.

– Да будет свет! – возвестил владетельный сочный голос. И его обладательница распахнула окно. – Красота какая!

Окно служило, похоже, и дверью: двустворчатая большая рама размыкалась ключом, упираясь в низкий широкий подоконник, истертый наподобие порога; с наружи стены к нему были приставлены деревянные ступени.

Дом мягко врисовывался в пейзаж: желтый двухэтажный коробок под белым шифером. По сторонам подъездного крыльца выступали ложные дорические колонны, уподобляя сходство с дворянской усадьбой, где отставной офицер со вкусом проживает на лоне природы наследство жениных предков.

– Гулять! гулять! – запела женщина на разные голоса, как хор барышень-помещиц. Из глубины помещения ей вторила оживленная мужская переговорка.

– А что у нас, ребята, в рюкзаках... – мурлыкала женщина, совершая невидимые сборы. – Кто сегодня мой первый кавалер? Мм?

Из окна до березы блестела стальная проволока, натянутая на высоте человеческого роста.

Проволока напряглась, поскрипывая, и по ней выехал из окна весомый застиранный рюкзак. Лямкой он висел на крючке, вдетом в раздвоенный ролик, проворачивающийся с веселым писком.

Белая фигура возникла в темном прямоугольном проеме. Женщина спустилась по ступеням на траву и повезла рюкзак через луг. Медицинская шапочка была пришпилена к вороной гриве. Обтянутый халат круглился на откровенных формах. В плавном движении тело под халатом дышало.

Довезя рюкзак на певучем ролике до березы, она потянулась и пошла обратно, запустив:

– Следуши-ий! кричит заведущий!..

Синяя лаковая стрекоза прервала свой полет, спланировала на предмет и уселась, двигая прозрачными крылышками.

Из рюкзака торчала стриженная мужская голова.

– С благополучным приземлением, – пожелала голова, скосив глаза вверх. Выпятила нижнюю губу, дернулась и фукнула: – Пшла на хуй, сука.

Стрекоза переступила по волоскам, оскорбленно снялась и исчезла.

Визжа и раскачиваясь, как выползающая на-гора вагонетка с рудой, близился второй рюкзак. Медсестра остановила его метрах в двух, оценила интервал и двинулась за очередным.

– Доктор Ливингстон, если не ошибаюсь? – приветствовала первая голова, церемонно кивая. – Как вы перенесли путешествие?

– От этого скрипа уши закладывает, – пожаловалась вторая голова. – Телега-то опять немазаная.

– Это входит в программу. Звуковой фон – разнообразие: дополнительные раздражители.

– Вот именно, что раздражители. Колесо – оно требует смазки. Каши маслом не испортишь.

– Это ничего... главное – чтоб обувь была разношена и гвоздь в пятку не лез!

И оба подсмеялись привычной шутке.

Третья голова выглядела вовсе древней, ископаемой. Лысо-седая, водянистые глазки запрятаны среди коричневых пигментных островков, и ее единственный зуб, длинный и желтый, торчал из-под верхней губы, как щуп. Рюкзак ей достался плохой, последнего срока, слинявший и застиранный до белесости, и с грубой заплатой на месте кармана. Она смачно харкнула, едва не пришибив божью коровку, хлопотливо сновавшую вверх-вниз по травинке в охоте на глей, и прохрипела:

– Курить-то когда?

– Некомпанейский вы народ, гринго! Обождите, пока замыкающие подтянутся. Эй, в хвосте, шире шаг!

– Висельники...

– Великолепная семерка!

– Семеро смелых.

И туловища, оснащенные головами, разместились на дистанции променада. Не то десант пришельцев на воздушной подушке, не то кладовая сорокопуга. Покойно улыбались, жмурясь солнышку.

Медсестра обошла гирлянду с пачкой «Беломора», вставляя каждому в рот папиросу и поднося спичку. Семь струистых дымков пихнулись в воздух, как пробный выдох отдыхающей гидры.

Назрел момент приятной, необременительной беседы, которая выразила бы все очарование бытия в простых и небанальных словах.

– Не тот стал беломор, – сказал один, закусив мундштук в углу рта.

– Дрянноват, – согласился другой.

– Да, был когда-то знаменит ленинградский, первой фабрики имени Урицкого, – вздохнул под березой крайний.

– Ага, Моисей Соломоныча, начальника питерской чеки.

– Да при чем тут Соломоныч!..

– А все испаскудили.

– Кубинским табаком набивать стали, – донесли с другого конца проволочного телеграфа.

– Фиделю его в зад набить, пусть сам курит.

– Что б ты понимал, гаванские сигары самые дорогие в мире. Их там девушки на ляжках катают.

– И высоко катают? А если волосок попадет? Им что, больше нечего на ляжках катать?

– Да погодите вы! При чем здесь какой табак, если там веревочки и щепки попадаются.
– Вот и я думаю, откуда бы у кубинских девушек между ляжек щепочки с веревочками?
– Слушайте сюда, вы. Просто стали табак кидать в мельницу прямо с упаковкой, если только веревочки и бумажки, так это хоть тюки из ящиков вынимают, а если щепочки – так прямо вместе с фанерными ящиками. Смелет – и ладно. Точно!

– Естественно. Экономия труда и сырьевые резервы.

– А навар – в карман.

– Не нравится – не кури. А другим удовольствие не порть.

– А ты что – цензура? Или да – у тебя ж это единственное удовольствие.

– А нечего на все критику наводить, – назидательно отвечала старая голова. – Болтается тут на всем готовом – и туда же.

– Теперь еще про партбилет скажи, – подначила соседняя голова № 4.

– Пацан ты еще. Жизни не видел.

– Вот из-за таких, как ты, и не видел.

– Из-за таких, как я, ты устроен тут, как рождественский гусь на откорме. А то б уж давно подох.

– Да уж, таким как ты я своим счастьем и обязан.

– Ну и виси тихо, обрубок.

– От старый обосрух!

– Э, э, мужики, вы чо? кончай лаяться!

– Щенок лается, – спокойно цыкнул старик.

Ответно стараясь не унижаться раздражением, № 4 повернул лицо и с видом равнодушия сплюнул окуроч, не попав в его рюкзак.

Старик пожевал собственную скурившуюся папиросу, потянул во рту слюну, обведя ее языком вокруг мундштука, и с пневматическим звуком послал в рюкзак соседа. На тонком теплом брезенте затемнело влажное пятнышко.

– Попал, – констатировали из цепи.

Слегка побледнев, оскорбленный плюнул на рюкзак обидчика. Зрители тянули головы, следя за поединком. Ссора взорвалась. Ругательства кипели на трясущихся губах врагов. Плевки, единственное доступное оружие калек, поражали воздух мимо лиц.

– Тцть-цфу!..

Они резко, в неумелом уподоблении удару змеи, выбрасывали головы, стремясь увеличить скорость и меткость. Раскачивались, ловя помогающий момент инерции.

Наконец, старик выждал паузу, с вязким храпом потянул в рот из носоглотки, собрал внутри щек, и с отрывистым щелчком метнул в цель. Противник не сумел уклониться, и над правой бровью ему вlepился комок зеленоватой слизи.

Победитель еще секунду не верил – смотрел: вспыхнул счастьем и торжествующе захотал, разевая черную пасть, злорадно, упоенно.

Оплеванный помертвел. Челюсть его отвисла, веки прикрылись. Зловонная харкотина медленно сползала со лба через бровь. Теперь смеялась вся прогулка и обменивалась комментами.

Потом рот его сжался, зубы скрипнули, кадык дернулся и задавил короткий скулящий кашель. Под ресницами блеснуло.

Безрукий и безногий людской огрызок висел с плевком на лице под ласковым солнышком и бессильно плакал, беззвучно, безнадежно.

Этот человек – я.

Глава II

Ночью в саду поет соловей.

У человека, который придумал, что утро вечера мудреней, наверняка был при себе полный комплект конечностей и устойчивая психика. Наше утро начинается как раз с вечера.

После отбоя (если не дают снотворного) мы полудремлем, дожидаясь первого извещения: тихого присвиста, краткой трели – настройка голоса. Увертюра крепнет, развивается в мелодию; мы открываем глаза и лежим, дыша тихо.

Луна сияет над миром и льет серебряный свет на недвижные ветви. И чарующая музыка улаживает наш слух. Приятно думать об этом именно так. Полноценностью жизни сейчас мы уравнены хоть с флибустьерами: кроме слуха все равно ничего не нужно.

Понятно, большой камень в пустоте отражает излучение комка огня в той же пустоте. А серый маленький птичек, пока его самка насиживает яйца, издает свои птичьи звуки. А все-таки приятно. Всю зиму мы ждали, когда прилетит наш соловей.

Кстати о соловьях. Маша прихлопнула на кухне нашего шмеля. Сама проболталась. Зараза... хочется уснуть с умиротворением, вспоминая хорошее. Но не всегда это удается.

...Пробуждение начинается с того, что Старик – Лев Ильич – кашляет. Он клекочет, как орел, и булькает, как лягушка, бронхи его трещат и поют на манер гармошки под сапогом драчуна. Ну и, спрашивается, с какими чувствами должен встречать человек новый день под такую сонату зверинца? Что называется, были б ноги – ушел бы на фиг куда глаза глядят. Курить он хочет. Курить ему пока не дадут. Могли б, конечно, и дать. Тут все курящие, протестов насчет заботы о здоровье товарищей не поступит. Да и на хрена товарищам такое здоровье. Больше удовольствий – короче мучение. Кому охота внимать его руладам. Пусть лучше заткнется папиросой.

Мы однажды поставили вопрос, что такое пробуждение с самого утра портит нам настроение, а это, как известно, отрицательно влияет на пищеварение и сказывается на отношениях внутри коллектива. И Старика смастерили кальян. Это был, конечно, не кальян, просто мы так его прозвали. Не такое уж хитрое устройство: по краю тумбочки вровень с подушкой закрепили зажигалку со шнурком и широкую пепельницу, на козырек которой клали несколько папирос. И Старик мог самостоятельно дотянуться ртом до шнурка, дернуть, зажигая огонек, взять в губы папиросу, прикурить, положить на место, снова дернуть шнурок, гася зажигалку, – и спокойно сосать себе и дымить сколько влезет. На дно пепельницы наливали чуток воды, чтоб окурок верней гас, если сдвинуть подальше.

Старик балдел не столько от курения, сколько от привилегии. При улыбке он выставлял свой зуб так, словно это был бриллиант «Орлов». Палата раскололась завистью. Жора и Мустафа потребовали себе тоже курения в любое время. Чех произнес речь о равенстве. А Каведе возбух, что должен быть порядок, мы все-таки не в курилке живем.

Маша тоже была против: она на ночь проветривает помещение и отвечает за наше хорошее самочувствие. А чего ж тут проветривать, если все равно спать в дыму, а у нас и так часто головные боли (гиподинамия, горизонтальное положение). Но начмед питает к Старика слабость, они любят порассуждать о романтике революции, и приказал вопрос закрыть.

Через две недели Старик, разумеется, заснул с папиросой во рту и прожег дыру в подушке. Он вскинулся и заорал от того, что прижгло щеку, пытался скатиться с койки, поднялся переполох, вбежала разъяренная заспанная Маша, злобно застегивая халат на все пуговицы, ликвидировала очаг загорания и дала Льву Ильичу по морде. Он затрясся и хотел в нее плюнуть, но она перевернула его мордой книзу и добавила звонкого леща по затылку. Мысленно мы ей аплодировали! «Есть взрыв! Третий аппарат – пли!» – вопил Жора. «Вот тебе кишки-то штыком в семнадцатом году не выпустили», – прохрипел из подушки Лев Ильич.

На этом курительный эксперимент кончился. Льва Ильича на неделю оставили без сладкого. Это было жестоко, он извелся и даже плакал, а потом какое-то время вел себя как шелковый. С тех пор прошло уже несколько лет. И по утрам нас будит его кашель.

– Рота, подъем! – Это означает, что Мустафа проснулся не в духе. Опять ему война снилась. Иногда он помнит свои сны, иногда нет, иногда орет ночью благим матом. После удачной же ночи он мурлычет: «Господа офицеры – простите-с: утренняя побудка. Желающие на зарядку – выходи строиться: форма одежды – с обнаженным торцем».

И только Гагарин просыпается не раньше, чем Зара включает радио. Черная коробочка на белой известковой стене пищит «последний, шестой сигнал» и исполняет Гимн Советского Союза, переходя к последним известиям. Известия извещают, что все сеют, пашут, строят и производят, страшно при этом радуясь. Зара открывает форточку и вносит стопкой эмалированные судна. Судна мечены, она подкладывает каждому свое.

(Когда-то из-за этого возникали скандалы. Смешно, однако у нас обострены брезгливость и чувство собственности. Ходить на чужой горшок неприятно. Мы стремимся максимально обставить свой быт какими-то личными приметами и вещами. Мелочи приобретают огромное значение. Через них мы утверждаем свою индивидуальность. Это знакомо всем прошедшим армию или тюрьму. Для нас личный горшок – как для кого-то личный автомобиль.

Поэтому, когда в палате делали ремонт, Жора сговорил за обеденный компот и две папиросы солдатика из спецстройбата. И тот отлил ему в жестянку коричневой эмали, которой покрашен пол, и дал самую маленькую кисточку; тайком приволок горшок и установил все на обеденный столик. Два часа Жора, держа кисточку в зубах, трудолюбиво рисовал на синей эмали коричневую подводную лодку.

Как всегда в таких случаях, вспыхнула повальная эпидемия. Гагарин зеленой краской, ею покрывали нижнюю треть стен, изобразил себе на своем судне космическую ракету. Всех переплюнул Кавед: на него снизошло вдохновение, и желтоватой «слоновой костью» он создал профиль Дзержинского, добившись сходства. Лицо у него при этом было серьезное и торжественное – это с кистью-то в пасти! Чувства юмора он лишен напрочь: мы хохотали до колик.)

Под бодрую музыку, в свежем дуновении из форточки, мы завершаем утреннюю оправку. У Кавед опять не получается. Зара ставит ему клизму.

– По самые гланды, – удовлетворенно комментирует Чех. – Да задвинь ты ему разок туда паяльник – узнает, как скрывать что-то внутри от советской власти.

– Учись, пока я жив, – обращается Жора, и с раскатистым упругим звуком опрастывается. – Примерно так. Можно лучше.

– Жорка, перестань хулиганить! – притворно ворчит Зара. – А вот оставлю тебя без горшка, будешь у меня терпеть до обеда. Или под себя.

– Это дело нам привычное, – подмигивает Жора. – В подводном положении – галльон продуть и закрыть.

– Вот и будет тебе... подводное положение.

Мустафа с деланой озабоченностью сообщает:

– Няня, я уже.

А Профессор выступает с заявлением:

– Что у нас сегодня на подтирку? Снова «Красная Звезда»? Никакого уважения к правам пацифиста. Требую «Литературную газету»: я должен отправлять также свои культурные потребности.

– Тьфу... жлобы... – сипит Старик. – Кто-нибудь из вас хоть был знаком с туалетной бумагой?

– А как же. На танцы ее водили, шупали.

– Это в которую туалеты заворачивают?

– А первое место в конкурсе заняла японская туалетная бумага: глотаешь таблетку – и все уже выходит упакованным в целлофан.

– Гагарин, расскажи, как ты в космосе в санче-моданчик валил. Вот где мы впереди планеты всей: ни нянь, ни подтирки, сплошная гигиена.

Что естественно – то не безобразно, что не безобразно – то прекрасно. Стеснение давно забыто. Оправка – одно из наших главных дел, оно же развлечение и удовольствие – или проблема. Неподвижность ведет к атрофии мышц, слабеет гладкая мускулатура кишечника, кровь и лимфа застаиваются: атония кишечника, затруднение проходимости и геморрой с колитами обычны у лежачих. Так что день открывается процедурой ответственной, и если все прошло гладко и удачно – сразу повышается жизненный тонус. Организм приятно ощущает освобождение от лишнего, здоровую легкость.

Нам бы, конечно, кисломолочно-овощную диету, но она уставами не предусмотрена. Не кинозвезды. Зара рвет газету и подтирает нас мятыми обрывками.

– Зарочка, извини уж... понос. Ну плохо я перевариваю этот рассольник. Может, огурцы подгнившие были?

Переходите к водным процедурам. Тазик, губка, – синее армейское одеяло откидывается на спинку кровати, рубашка снимается – в изголовье: влажная прохлада проходит по телу, по складкам. Переворот на живот – и по спине. Хребет и под лопатками – вообще полный кайф. Если б я был миллионером, я бы нанял банщицу, и она терла бы мне спину два часа ежедневно. Увы, движения Зарины экономно отработаны: десять минут на всех... И великое спасибо. По распорядку нас положено мыть раз в десять дней. А могут хоть вообще не мыть. Правда, тогда мы будем им же вонять.

Подушки – к спинкам, сидячее положение, рубашки – на торс, одеяла – на место, полотенце – на веревку.

Чистка зубов. Семь тумбочек, семь стаканов, семь щеток, вода из чайника: поточный метод. Полощешь горло, отхаркиваешься в подставленное ведро, капля пасты из тюбика – несколько движений щеткой во рту. Полощи; плюй. Следующий.

Сидим, разговариваем. Хорошо. Зара бегло швабрит пол, из окна аромат, атмосфера делается свежей. В хорошем настроении Зара может прикурить сигарету и дать каждому по две затяжки. Такое нарушение как бы не замечается, тем более что сигареты ее собственные, она сама курит – «Опал». Вроде поощрения нам за приличное поведение.

– Ну, мальчики, сдаю вас в полном порядке. Не хулиганьте тут без меня.

– Зарочка, когда ж нам и похулиганить, как не без тебя!

– Ой, разбаловала вас Машка.

– Так и ты побалуй. Мы ж со всей душой.

– Ну, уговорили. Завтра.

Захлопывается форточка, прикрывается дверь: день двинулся, потянулся.

Маша входит ровно в восемь: сияет и пышет.

– Доброе утро! – хором скандируем мы.

– Ах!.. – пугается она и пересчитывает по головам, – опять кто-то сбежал! Ну дезертиры... Бауман!

– Я!

– Матросов!

– Я!

– Юровский!

– Здесь.

– А куд-да вы на фиг денетесь.

Завтрак: овсянка, ломоть белого хлеба с маслом, стакан чая с сахаром. Армейская норма для ран-больных, первый стол. А каков стол, таков и стул. Если персонал не ворует – жратвы

достаточно. Витаминов, может, маловато, зато калорий – завались. Съедай мы все положенное, разъелись жирней бы рождественских гусей. Нормы-то рассчитаны в обрез, да на солдата, молодого и здорового, его гоняют в хвост и в гриву. А тут – уполовиненный лежащий организм. Поперли бока шире кровати – пайку могут урезать.

Это трагедия. Аппетит все равно плохой, но нарушение прав болезненно. И жаловаться некому. Мотивируют пользой: сердце будет хуже работать, жидкость застаиваться, склонность к отекам, воспаление легких... Э. Пока жирный сохнет – тощий сдохнет. Жуешь – живешь.

Кушаем мы так. Сценарий первый:

С ложечки. Руки у Маши ловкие, аккуратные... Одно плохо: она одна на семерых, поэтому глотать надо быстро, подчиняясь ее темпу. Завтрак и ужин – три минуты на рыло, обед – пять. Еще голоден, чувство насыщения не успело прийти – а уже губы вытерты и в желудке кирпич. И даже с такой скоростью – первый обжигается, а последнему достается простывшее. Поэтому ревностно блюдет очередь: семь дней по кругу.

Сценарий второй:

В гнезда кроватной рамы втыкается аэрофлотовский столик. К нему привинчены кустарные стойки-зажимы для миски и жестяного чайничка-поильника. Хлеб кладется рядом. Лакай, кусай, соси: хоть полчаса. Мы так поднаторели, что даже борщ убираем до капли, не пачкая щек и подбородка. Но можно поперхнуться, а закашляешь – забрызгаешь постель, за это Маша наказывает.

Закономерности – какая пища дается на самообслуживание, а какую суют прямо в рот – нам уловить не удалось. Может, тут дополнительный умысел: чтоб нам было чем разнообразить ожидание ближайшего будущего – гадать. А может, просто Машина прихоть.

Иногда спрашивают, как мы хотим есть. Мнения обычно разделяются, и вопрос решается голосованием. Старик предпочитает лакать: он помешан на тщательном пережевывании (чем?), хотя чаще других закашливается. А Жора и Мустафа всегда за кормление: лишний раз Маша подсядет под бочок.

После завтрака и в хорошую погоду мы гуляем. А зимой – ближе к обеду, и только полчаса. Зимой нас кутают в ватники и шапки, а в рюкзак стелют сложенное одеяло. Шарфов, как везде в госпиталях и больницах, не полагается, и шеи заматывают нашими вафельными полотенцами с клеймом, как и на всех вещах: «в/ч 55418».

А в дождь или мороз мы читаем. Книга ставится на тот же столик, прислоняясь к стойкам. Страницы перелистываешь карандашом, держа его в зубах. Все книги старые, корешки размяты, и перелистывать легко.

Сегодня после прогулки нам включили телевизор. Чтоб быстрее отвлеклись после ссоры. Ссоримся мы часто. Естественно: замкнутый коллектив, однообразная жизнь, ограниченное пространство. Тут вопросы психологической совместимости играют роль острейшую. А откуда ж у нас такая особая совместимость. Иногда жизнь готов отдать, лишь бы не видеть соседей. А порой – ближе родных.

По телевизору показывали «Сельский час», и Гагарин, конечно, стал разоряться, что загубили показухой целину, а начинание было хорошее! После отрывания четвертой лапки блоха не теряет патриотизм. Больше всего мы любим американские сериалы.

Маша велела нам мириться, не то накажет и оставит без сладкого. Такой угрозой можно добиться чего угодно. Наконец, Старик пробурчал, что был неправ и извиняется... Даже предложил после обеда сыграть в шахматы. А поскольку он у нас чемпион, это следует расценивать как крайнюю степень раскаяния и миролюбия.

И после обеда Маша посадила нас в его кровати друг напротив друга, заложив мне за спину табуретку, и расставила на столике шахматы. Мустафа поспорил с Чехом на сахар к вечернему чаю, что я проиграю до тридцатого хода. Старик отдал мне белые и избрал защиту Каро-Канн. Это медленный гамбит: он явно поощрял меня держаться подольше. Я продер-

жался два часа сорок минут, и получил уважительный мат на тридцать шестом ходу. А мог бы раньше.

Фигуры мы двигаем тоже карандашами. Сгрызенные меняют.

Телек начал «Вести», и мы с дрожью подгоняли часы, хотя Маша со сладким никогда не задерживается.

.....

Мы самовары. Самоваром называется инвалид, у которого по самый корень нет рук и ног. Это, наверное, потому, что получается такая чурка с краном внизу.

Мы здесь уже много лет. Наши родные думают, что мы давно умерли.

Это секретный госпиталь для таких калек. Мы не знаем, где мы находимся. Их довольно много по стране. Они расположены вдали от жилья и дорог, укрыты от людских глаз и совершенно изолированы от внешнего мира. Они не фигурируют ни в каких сводках и отчетах и не упоминаются ни в каких докладах. Люди делают вид, что нас нет. Хотя любому понятно, что мы есть.

Когда-то нас здесь было много. С годами делалось все меньше. Теперь осталась одна наша палата. Иногда мы строим предположения, куда девают остальных. Но говорим об этом редко, вполголоса и с опаской. Трудно сказать, откуда появилось чувство, что разговоры на эту тему запретны и опасны, но мы знаем это совершенно твердо.

Через неделю нас всех ликвидируют.

Глава III

Первой опустела палата № 6.

Их сформировали в 59-м году. Этому предшествовал XX Съезд, разгон антипартийной группы с примкнувшим к ним Шепиловым, Молотова загнали послом в Монголию, и мининдел курировал первый зампред Совмина Микоян.

Двадцать седьмой бакинский комиссар, удачно увильнувший от знаменитого расстрела, продержавшийся на плаву от Ильича до Ильича без инфаркта и паралича, знаменитый умением проходить в дождь без зонта сухим между струй, славный сын армянского советского народа Анастас Иванович Микоян был очень умным, очень хитрым и очень предусмотрительным. Именно при нем иностранные дела пришли в наилучшее состояние – советская экспансия достигла своего апогея: алый знак доблести взвился в сердце Французской и Португальской Экваториальной Африки, подаривший Индонезии 2-ю эскадру Тихоокеанский флот бункеровался в Джакарте, атомные подводные ракетноносцы базировались на Каир, а советские специалисты в неброских серых костюмах закусывали говяжьей тушенкой в Бомбее. Именно тогда восходящий красавец-молдаванин Брежнев со свойственной ему чеканной дикцией сформулировал: «Нам нужен мир! И желательно – весь».

Королёвская команда уже сделала баллистическую ракету под водородную бомбу. Ракета была огромна, сложна и дорога. Выведенные ею на орбиту Белка и Стрелка отпищали свое. Коэффициент удачных пусков на коэффициент реальной точности попадания давал 0,21. Несравненно надежные Б-52 висели вдоль наших границ с термоядерным комплектом на борту. Сменивший на Минобороны Жукова маршал Малиновский неистовствовал. После очередного разноса Королёв запивал пузырек валерьянки бутылкой коньяка и шатался меж щитовых домиков Байконура, сотрясая ночную пустыню воплями: «Космос не терпит импотентов!!». Летучие взводы его любовниц дополнительно бесили сторонника единоначалия и моногамии Малиновского, с военной прямоотой желавшего сосредоточения всех сил и средств исключительно на заданном направлении.

Но генералы похаживали, как Наполеон перед брюмером. Уравновесить небезопасные амбиции было нечем: чистка абакумовско-бериевского КГБ выкрошила слоеную зубчатку грозного аппарата.

Хрущев побаивался военных. И правильно делал. Он знал кое-что о довоенном Заговоре маршалов. Армия не одобряла шельмования Сталина и сожалела о снятом Жукове.

Хрущев призвал на дачу Микояна. Они сели в плетеные креслица за стол в тени яблони. Хрущев пил водку и закусывал нежнейшим украинским, в розовых прожилках, салом, шпиготанным чесноком. Микоян смаковал коньяк, отделяя мандариновые дольки.

Генералов следовало осадить. Чтоб знали свое место. И были на этом месте заняты и довольны: преданны!

– Не отдал бы муд-дак царь Аляску американцам – проходили бы Канаду танками в пять дней, – сказал Хрущев, промакивая губы тыльной стороной ладони. Микоян понимающе шевельнул смоляными, без седины, усиками.

– Мексиканцы не любят гринго, – продолжил он тему, опуская ясные логические звенья и подходя к предмету с противоположной стороны. Как бы помогая замкнуть врага в клещи.

– А ты кто? Впрочем, ты армяшка... А я, хохол, тоже гринго. Эх, двинули бы им в сорок пятом! Кто нам тогда в Европе мог противостоять? Разве была у кого-нибудь еще такая армия – огромная, закаленная, с таким опытом? И ведь было, было же такое негласное указание – прощупать слегка союзничков на вшивость!.. под марку выравнивания демаркационной линии. Разок-другой сунули им слегка... разве это немцы! ты что... не вояки.

– Говорили ж тогда военные. И какой момент был...

– В две недели докатывались до океана! И никакого Франко!

– Вся Европа была бы сейчас наша. Эх, если бы хозяин еще слушал иногда кого-нибудь – цены б ему не было. Громя огнем, сверкая блеском стали... – напел Хрущев. – В огонь и в воду!

– Бомба, – деликатно напомнил Микоян.

– Хиросима, – согласился Хрущев. – Бомбардировщик на двенадцати километрах дошел бы до Москвы спокойно. М-да. Засели за океаном! суки зажавшиеся.

Подавальщик в крахмальной куртке, беззвучно вдавливая штиблеты в газон, принес дымящуюся гречневую кашу со шкварками и сменил степлившийся графинчик на запотевший.

– Фотозонды запускают над нами с Турции, – наябедничал Хрущев, жуя гриб.

– Штык-то русский им не выдержать, – с артистичной искренностью произнес Микоян и, подумав, под кашу, налил себе тоже полрюмки чистой.

– А ты дотянись им, штыком. – Хрущев зло шлепнул комара на лысине и хлопнул две подряд. – А вискарь дерьмо рядом с водкой, носками пахнет.

– А не пригласить ли нам третьего, для компании, так сказать, Никита?

– Два ума – хорошо, а три – уже пьянка. Ты кого имеешь в виду?

– А кого-нибудь помоложе, пообразованней нас, стариков. Хоть того же Шурика Шелепина.

– Сноровистый пацан... ну-ну. Он тебе, значит, уже удочки закидывал? Лих.

«Железный Шурик», сорокачетырехлетний Шелепин ломился наверх. Студентом проходя с демонстрацией через Красную площадь, он сказал друзьям, кивая в сторону вождей на Мавзоле: «Я еще буду там стоять». В 38-м, секретарь Краснопресненского РК комсомола, он вручал билет Зое Космодемьянской. В черном ледяном декабре 41-го, уже глава МГК РКСМ, он лично организовал похороны героини и создание легенды. В 58-м был поставлен вместо убранного генерала Серова руководить КГБ.

Всегда готовый ко всему Шелепин захватил с собой начальника ПГУ – пусть посидит за дверью, вдруг понадобится конкретность. Начальник ПГУ захватил с собой начальника аналитического отдела. Начальник аналитического отдела захватил с собой портфель с картами.

Карты были раскрыты, карты были сданы.

К закату Хрущев пришел в приятное возбуждение. Глазки его искрились. Энергичный ум, быстрый и цепкий, взвешивал детали.

– Соображаете, значит, что-то... молодежь! – Поощрительно улыбаясь, залеснул водочной волной Аргентину, утвердил локоть на Атлантике. – А мулаты все эти – несерьезный народ, шепутной, им бы только бабу за жопу и плясать под гитару... налей им, Шурику налей, заслужили. Будь здоров, генерал!

Хлопнул по Панаме:

– Завтра в десять – ко мне. Свободны. Анастас – Устинов тоже пусть будет. Вояк не надо. Им потом скажут.

Работать вечером он не любил. По старой крестьянской привычке, вставал рано. Кто рано встает, тому Бог подает. Память о ночной жизни под хозяином была ему несносна.

Решения принимались по утрам – трезво и резко. Через сутки он подписал директиву. Деньги рачительно взял из бюджета МО. В четверг на еженедельном рабочем заседании Политбюро утвердило создание Кубинского отдела, засекретив протокол высшей категорией в шесть ромбов.

В Институте военных переводчиков объявили дополнительный набор на испанское отделение. Одновременно создали группы переводчиков на испанской филологии Московского и Ленинградского университетов. Форсированную, с практической направленностью, программу склепал старый интербригадoveц, зав романской кафедрой ЛГУ одноглазый профессор Плавский.

Со скрежетом ГРУ передало КГБ законсервированные досье на семь испанских эмигрантов в СССР. Шелепин наматывал вожжи.

И стал, наконец, вспомнят, срочно обменян и вытащен из мексиканской тюрьмы, награжден Героем Советского Союза и приписан консультантом при «пятерке» ПГУ непроизносимо-легендарный и как бы не существующий полковник Меркадор.

Если бы в американской контрразведке работали столь же знающие свое дело ребята, как восхитившие Хрущева невадские кукурузоводы, то они бы (и контрразведчики, и кукурузоводы) покрылись холодным потом. Но они сидели под своими кондиционерами в своем Вашингтоне, вальяжно спустив узлы галстуков, и самодовольно расчерчивали графики полетов высотных разведчиков У-2 над СССР, за госзаказ на каковые самолеты «Локхид» и совал баснословные взятки Пентагону. Только наивные отпрыски технократии могли полагать, будто фотоаппаратура с высокой разрешающей способностью способна фиксировать боевые приготовления бульдогов под ковром.

Куба их не колыхала. Бордель с бухлом и казино: банановый остров расслабухи. Если Кастро хочет сесть на место Батисты – это их проблемы. Режиму полезно освежаться. А у латиносов, склонных понимать демократию исключительно как отмену платы в борделе с дармовой выпивкой, перевороты – единственная форма освежения заворовавшегося госаппарата. Ну, пусть постреляют друг в друга, кому с того вред: житье у них скучное, развлечений мало – работать они не любят, читать не умеют. Новая метла хоть поначалу выметает немного мусора.

Тем более что Батиста – жадный проходимец, а Кастро – образованный молодой человек из хорошей и уважаемой семьи. Меньше нищих, возможно, будет приставать к туристам, меньше триппера будет у проституток.

Так докладывали информаторы, и докладывали они сущую правду. Двадцатилетний Фидель был полон самых благих намерений, чистых и безвредных.

Таким образом, очередной переворот в очередной банановой республике завершился всенародными плясками самбы, приветствовавшими нового диктатора, молодого и красивого, образованного кабальеро и огненного оратора.

– Вива команданте Фидель! Вива команданте Камило! Вива команданте Че!

Что вива, то вива.

Вот тут-то, хрен им всем в глотку чтоб голова не болталась, со вторым из возобновленных рейсов «Канадиан Аирз», с паспортом аргентинского бизнесмена Бенхамин Сормьенте, прибыл в Гавану лично генерал ГБ под крышей секретаря МИДа СССР Верижников.

У него были серьезные предложения о крупных поставках дешевого мяса и закупках сахара. Из намеков можно было понять, что в преёскуранте найдутся и более полезные для режима продукты различного калибра и скорострельности.

Бизнесмен заботился о конфиденциальности. Новое правительство еще не было признано Аргентиной. Он поселился в пустом «Хилтоне» и грамотно вышел на встречу с не самым заметным лицом молодого государства – братом Фиделя Кастро Раулем. Братец ведал порядком и внутренней безопасностью. Информация об его ведомстве была собрана в Москве наиболее полно. Не один наш человек в Гаване трудился на благо славной революции; естественно.

Юный министр отвел для встречи полчаса и закончил ее через двое суток. Сеанс коррекции политико-экономических взглядов прошел успешно. Маленькие глазки министра разинулись шире пределов, назначенных природой. Безбрежность перспектив не вмещалась в окоем. Широкие карманы маскомбинезона явственно оттопырились.

– Вы понимаете, как занят сейчас команданте Фидель, – значительно сказал он. – Он работает по двадцать часов в сутки. Я постараюсь, чтобы для нас он нашел время.

Спесивая блоха, хмыкнул про себя Верижников. Вы слышите: нет времени протянуть руку за безразмерной халявой... еще будете у меня в приемной в очереди сидеть.

Верижников поехал отсыпаться. Рауль рванул к родственничку.

После съесты черный батистовского гаража крайслер вкатился под охраной виллиса с автоматчиками в раздвижные ворота правительственной резиденции. Несерьезно-гордые барбудос в пропотевших зеленых куртках эскортировали визитеров через мозаичный двор и паркетные коридоры в необозримый кабинет и затворили белозолоченые лепные двери.

Фидель работал за столом. С затыжкой он воздвиг свои сто девяносто два сантиметра и протянул загорелую лапу. Поставленный взгляд Верижникова выражал величие миссии.

Этим взглядом он обвел помещение, пока хозяин лично, у народных вождей слуг нет, смешивал хайболлы и раскрыл ящик огромных черных сигар своей любимой марки «Партагас Эминентес».

– Мои люди все проверили, – гарантировал Рауль отсутствие аппаратуры прослушивания, которую американская разведка могла всадить в кабинет еще Батисте.

«На природу бы, на морской бережок... да не тот уровень, статус не позволяет».

– Простите гостю, – извинился Верижников. Кивнул на телефоны, светильники.

Фидель шевельнул бородой, заорал. Вошедшие барбудос деловито вырвали провода, унесли люстру. Фидель нахмурился. Сказал, улыбнувшись:

– Нам не нужна роскошь.

Он начал раздражаться, глядя на обнюхивающего взглядом картины и выключатели Верижникова, и только мысль, что подобная дурацкая бесцеремонность чревата чем-то необычайно сверхважным, удерживала его, чтоб не вышибить гостя за дверь пинком рифленной армейской бутсы сорок шестого размера.

Строго говоря, Рауль его уже окучил: информировал. Но Фидель был прирожденным лидером: не верил никому, и во всем должен был убедиться лично.

Верижников начал с оружия. Революциям всегда нужно оружие. Поставки в любых количествах и на самых льготных условиях. Беспроцентная рассрочка, в обмен на сахар-сырец.

– Какое оружие?

– Из легкого стрелкового – чехословацкие автоматы «26» под маузеровский патрон и чехословацкие пистолеты под тот же патрон.

Рауль кивнул. На боку его болтался короткоствольный «боло»-маузер, предпочитаемый всему другому.

– Я не люблю пистолеты, – сказал Фидель. – Их часто заедает. Это городское оружие для чистых квартир. Народным бойцам нужны простые, неприхотливые машины.

– Чехословацкие оружейные заводы «Шкода» – лучшие в Европе. Во время II Мировой войны они производили всемирно знаменитые немецкие пистолеты «парабеллум» и автоматы «шмайссер». Сейчас они делают и револьверы, точно как у Кольта, но лучше и дешевле.

– Какого калибра?

– 38 спешл и 357 магнум.

Этот, начальный момент переговоров, зацепка, тщательно проигрывался аналитиками. На выбор могло быть предложено аргентинское, бразильское, испанское оружие – дешевое, но ненадежное (плюс приходилось тратиться на перекупку-продажу). Советским оружием светиться не следовало.

«Пацаны-революционеры – их главное: купить красивыми трещотками, на это они клюют сразу, как дети на мороженое. Это ж латиносы, им дай только попалить вволю».

– Образцы доставят самолетом в любой день.

– Маузеры у них тоже есть, – сказал Рауль. – Точно такие.

– А патроны?

– В любых количествах. Нет проблем.

– Откуда? Чьи?

– Чехословакия, Польша, Китай, СССР. Под этот патрон сделан советский автомат ППШ и знаменитый пистолет ТТ, стоящий на вооружении многих стран. Максимальная пробивная сила.

Регион, лагерь был обозначен. Без лишнего акцентирования.

Спокойно, со вкусом профессионалов они побеседовали о пулеметах, о легких минометах, столь незаменимых в горной войне; о вертолетах для патрулирования и десанта, о легкой бронетехнике и необходимом ей горючем.

Верижников плавно развивал взаимное вежливое понимание:

– Дешевле обойдется сырая нефть с переработкой прямо на Кубе. Строительство нефтеперерабатывающего завода даст новые рабочие места, поднимет благосостояние населения. А собственная промышленность позволит не зависеть от других государств.

Разговор естественно перетек в следующую фазу: благо народа.

– Становление новой власти всегда связано с трудностями. Уничтожение коррупции вызывает саботаж старых кадров, а новые еще не обрели квалификацию и опыт. Период экономического спада тут неизбежен – через это прошли все государства. А люди хотят есть каждый день. Сытый желудок – он лучше всего убеждает простых людей в преимуществе строя.

– Мы – народная власть, – сказал Фидель. – Все, что делается – для народа. Он это понимает и поддерживает нас.

– Безусловно. И реальные плоды вашей правоты могут быть очевидны уже завтра. Важно быстрее пройти первый этап, наладить хозяйство. Хлеб и мясо могут быть уже сейчас. В количествах, достаточных для нормального питания всех.

– Аргентинские? – выдерживая видимость игры, спросил Фидель.

– Экономически выгоднее советский хлеб и китайское мясо.

Фидель кивнул, подумал. Сложил морщину на лбу:

– Это потребует хранения... переработки. Надо произвести расчеты.

– Безусловно. А после расчетов – строительство мукомольных и мясокомбинатов. Это требует как минимум времени... и средств. Пока можно поставлять готовую муку и тушеное мясо в консервах. Хранение – в любых портовых складах без всякого специального оборудования и дополнительных затрат.

Фидель помахал сигарой. «Во что же, в конечном счете, может вылиться стоимость этого всего? Мы им нужны... насколько?» Холодок кондиционера сдувал с огонька пряный дым.

Он поднялся и заорал в сторону двери. Решил:

– Мы все устали! Давайте-ка прокатимся и перекусим.

Втроем сели в лимузин – Фидель на заднем диване, Рауль с Верижниковым напротив. Джипы охраны замкнули кортеж.

Вечерняя Гавана веселилась на улицах. Попугаи трещали в резных пальмах, контрастный закат сдвигался за горизонт. Теплый морской воздух шевелился в окнах, не освежал.

С освещенной набережной свернули в трущобы. Включенные фары выхватывали из фиолетовой мглы фантастический пейзаж: жесть и картон.

– Вот так живут у нас простые люди, – показал Фидель. – Нужно много сил и много денег, чтоб стало иначе. Мы только начинаем.

Верижников вздохнул; отозвался:

– У вас хоть нет страшных северных зим. Кое-где... бедняки рыли жилища в земле, как звери. А сейчас живут в светлых квартирах со всеми удобствами. Простые трудящиеся.

– Вы знаете, сколько стоит жилье в Гаване?

– Были созданы самые дешевые в мире домостроительные комбинаты. Дома делают на конвейере – быстро, как автомобили. Бетон, никакой лишней роскоши. Но – электричество, канализация, ванная с горячей водой. Да еще центральное отопление: дома плюс двадцать – когда на улице минус сорок. А на Кубе не нужно отопления – обойдется куда дешевле.

Фидель хмыкнул в темноте салона, пахнувшей дорогой кожей.

– Это прямо как сказка.

– Есть у одного народа такая песня, – Верижников стал переводить на испанский: – Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...

– Это у какого народа?

– У русского...

На перекрестке остановились у жаровни – толстая негритянка замерла над ней. Выскочившие из машин солдаты выстроились кругом. Фидель сел на сломанный ящик, жестом пригласил Верижникова на соседний. Тот лишний раз позавидовал практичности комбинезона: его белый костюм промок под мышками, а теперь еще задница будет грязной от этого ящика; а в запасе остался последний, третий, костюм, а прачечная в отеле не работает; и не факт, что завтра где-то удастся купить новый... причем на собственные деньги. Черт бы подрал эту игру в народность.

Ели жареные на решетке ломти марлина, дую на пальцы. Рыба была жесткой. «Ладно, нет канализации, но сортиры-то можно элементарно выкопать? жрать и такой вони...» Доев, Фидель вытер жирные пальцы об ящик. Верижников достал уже платок, но последовал его примеру, а платком вытер лоб.

За оцеплением уже звенела гитара, чумазые дети, сверкая глазами в отсветах огня, плясали пачангу:

– Приятного аппетита, Фидель!

Верижников раздал им мелочь. Самому старшему подарил авторучку и погладил по голове. Пустил по солдатам полпачки сигарет, в благодарность приняв похлопывания по плечу.

На обратном пути он с дозированной сентиментальностью рассказал о бесплатной медицине и самой низкой в мире детской смертности. Подташнивать перестало.

В кабинете Фидель отпил кофе, отставил чашечку – рубанул воздух: произнес речь. Он гремел о справедливости и всеобщем процветании, этой единой и святой цели революционеров всех стран.

Он ораторствовал сорок восемь минут. Пыл и речистость были известны. На митингах говорил по четыре часа, прославленный оратор самовозбуждался, заводя толпу – единый крик поддержки! единый выброс кулаков вверх! – оцепление пропускало на площадь всех, не выпускающая обратно до конца речи никого.

Верижников расслабился, отдыхал. Рыба повела поплавок. Учитесь, как ловить большую рыбу, хемингуи! Это вам не акулу с лодки удить.

Дождавшись конца водопада, серьезнейше коротко поаплодировал, поправил галстук и встал. Эмоциональная кульминация:

– Мы приветствуем не только кубинскую революцию и ее лидера! – объявил он. – Мы приветствуем авангардный отряд революционной борьбы всего американского континента! Новую, знаменательную победу – неостановимого социального прогресса человечества! Да здравствует Остров Свободы!

Речь его составил специалист по латиноамериканскому фольклору. Редактировал доктор психологии. Он был грамотно подготовлен к переговорам. В случае неуспеха его ждала, вероятно, отставка.

Он сказал о Боливаре, об альбатросе, о грудях всего мира, теснимых восторгом. На грудях на миг он представил грудастую голую мулатку с раздвинутыми стройными ногами, изгнал импульсом воли неуместное видение – и с тем же накалом перешел к счастью трудящихся, гибели врага-империализма и поддержке всех честных стран мира.

«Не пересолите с патетикой. Доходчивы – контрасты».

«Остров Свободы» – это прозвучало хорошо, произвело впечатление: эффект. (Назавтра же было перенято Фиделем, пущено в революционную фразеологию в речи на двухсоттысячном митинге на площади Марти.)

Вехи были обозначены.

Договаривающиеся стороны перешли к делу.

Куба получит все. Оружие, топливо, продовольствие, промышленность. Благодатнейший климат, неограниченная поддержка всего соцлагеря – уникальные условия: именно здесь можно построить коммунизм за несколько лет. Маяк планеты. Фидель войдет в историю. Варшавский договор, ООН, мировая политическая элита.

Буэно. Но бесплатных завтраков не бывает. Сегодня мы бедны, неплатежеспособны. Пора поговорить об условиях.

Вы – сказочно богаты. Долгосрочные беспроцентные кредиты, погашение – только продукцией: сахар, табак, кофе, мандарины – возьмем целиком по верху мировых цен, более того – по фиксированным ценам, это страхует вас от любых кризисов. Рыба. Аренда рыбного порта и консервного завода под базирование советских траулеров. Аэропорт – обслуживание советских самолетов.

Но это пахнет полной экономической зависимостью лет на сто.

Экономическая независимость определяется условиями договора. Другу – все, врагу – только закон. (В самую точку вставил Верижников заготовленную испанскую поговорку!) Все знают – друзьям мы помогаем бескорыстно. Почему? Потому что с победой коммунизма во всем мире – все богатства всех стран будут принадлежать трудящимся. И осталось недолго! С нами – пол-Европы, Китай, Северная Африка, Корея, Вьетнам, Индия и Индонезия свернули на наш путь. Вот наша цель! И вот почему нам с вами по пути.

Но пока наша программа... была не совсем коммунистической...

Революционная ситуация меняется ежедневно и диктует новые – смелые, верные! – решения.

Еще неувязка: на Кубе уже есть коммунисты... мало, правда. Кажется, они еще даже не выпущены из тюрем... Делить с ними власть?!

Ерунда. Народ – за вами, и мы – с вами. А те – ревизионисты, леваки, раскольники... предатели. Провокаторы. Потому что скрытый, внутренний враг – опаснее явного, внешнего. Что делает революция с врагами и провокаторами? (Рауль задумчиво почесался.)

Но. Но. Америка не позволит строить коммунизм у себя под носом. А силы наши слишком неравны.

Вот поэтому вы и не объявляли себя коммунистами раньше, чем возьмете власть – из тактических соображений, мудро улыбнулся Верижников. А в договор взаимопомощи можно включить военное сотрудничество – равное и обоюдное.

(«Мягко, очень мягко, на тормозах...»)

«Военные базы. Наконец-то произнес.»)

При первой опасности мы можем поставить здесь такой ударный кулак, что Америка надевает в штаны! Кстати, аренда земли и зданий под... это дело... может идти в зачет кредитов.

Опасность – постоянна... Кто и как определит момент?

По вашей просьбе. Или при первом явном признаке агрессии.

(Через четыре месяца кучка «гусанос» пыталась десантироваться в Заливе Свиней, что послужило к началу строительства советских ракетных площадок и размещению контингента на Кубе. Знали бы обреченные «мятежники», что акция планировалась Лубянкой!..)

(Во исполнение статьи договора за последующие двадцать лет более тридцати тысяч кубинских солдат-негров погибли в «гражданских войнах» в джунглях Анголы и Мозамбика – по нашим планам за ихний коммунизм. Взаимопомощь так взаимопомощь.)

Никто не посмеет вас тронуть за нашей спиной!

– Такие вопросы требуют обсуждения только на высшем официальном уровне.

– Я представляю правительство моей страны. Для официального подписания договоров может прибыть министр иностранных дел СССР. Далее вы будете приглашены с официальным визитом и приняты в Кремле как глава дружественного государства.

Во рту саднило от выкуренного. Часы с маятником в виде простертого орла пробили два. Верижников выказал намерение откланяться:

– Дальнейшие детали мы можем обсудить завтра.

– Завтра у нас обсуждение законов. Большая работа, – возразил Фидель. – Завершим основное сейчас. Зачем терять время?

(Хорошо, хорошо, хорошо работали аналитики ГРУ и ГБ!!!)

– Тогда – рюмку рома и еще кофе. – Верижников достал из нагрудного кармана трубочку бензедрина и кинул таблетку в рот: вздернуть мозги.

Вот так Фидель Кастро стал коммунистом.

«Уф-ф... Каждый банановый молокосос – мнит себя Наполеоном. Я бы правил этой страной по вторникам после обеда – без отрыва от службы».

...Вернувшись в Москву, он получил по второй звезде на генеральские погоны и Золотую Звезду Героя на грудь.

Министерства и ведомства советской махины начали наворачивать обороты: приступить к осуществлению плана «Коралл».

Темпераментные кубинцы резво повернули к социализму.

Первым делом, ночью же после исторической встречи во дворце, Рауль Кастро со взводом охраны лично расстрелял кубинских коммунистов. Две компартии для одной Кубы – это излишество.

Раулю нравилось расстреливать. В первые же дни дружбы он получил в подарок от советского коллеги-советника портрет Дзержинского, испанский перевод «Истории ВЧК» и новый маузер – с перламутровыми щечками и надписью на золотой пластинке. Портрет он повесил в кабинете над столом, книгу положил на тумбочку при кровати, а из маузера тут же расстрелял забастовку гаванских докеров.

Получив известие, Рауль примчался в порт. За черным крайслером въехали два грузовика с автоматчиками. Докеров выстроили на пирсе.

Рауль подошел к шеренге. В отличие от старшего брата он выглядел задохликом – хилый, узкий, рыжеватый, со скошенным подбородком и совиными глазами.

– Ты будешь работать для революции? – ласково, дружески спросил он крайнего докера.
– Мы бастуем! – гордо сказал докер.

Рауль достал маузер, подышал на золотую пластинку, потер ее об штаны, полюбовался игрой солнечного зайчика и выстрелил докеру в середину груди.

Докер вздрогнул, переступил с ноги на ногу и упал в воду.

Рауль сделал шаг вбок и улыбнулся следующему.

– Ты будешь работать для революции? – мягко повторил он.

Докер побледнел, косясь на маузер, и посмотрел на товарищей.

– Мы только хотели бы получить плату за прошлую работу, – сказал он, всячески показывая готовность договориться. – Нам ведь надо кормить се...

Рауль выстрелил и переступил шаг вправо:

– Ты будешь работать для революции?

– Да! – быстро и громко ответил третий докер. – Я хочу работать! Все хотят работать!

Это было просто недоразумение!

– Я так и подумал, – согласился Рауль, подул в ствол и убрал маузер в кобуру. – Возвращайтесь к работе. Комpañерос! – обернулся он к солдатам. – Мы уезжаем. Предатели наказаны. Это наши люди, и они хотят работать для революции.

Суда шли в гаванский порт под разными флагами, но общий фон флагов был красный. Выгружались венгерские лекарства и белорусские тракторы, уральские станки и чешская обувь, качалась румынская нефть и сыпался польский уголь.

А из Одессы шли транспорты с механизаторами – комбайнерами и трактористами. Трактористы строились на причале и колонной маршировали через город. Это были молодые стройные ребята в одинаковых сереньких дешевых костюмах. Свободные пиджаки болтались на них. Иногда из-под пиджака падал со стуком на асфальт короткий десантный «Калашников». Приветствующее население встречало инцидент энтузиазмом.

Трактористы жили отдельно и с кубинцами общались мало. В городе показывались только группами по выходным. Их главным развлечением были поездки в такси. Таксистками работали девушки. До революции они были проститутками. Указ Фиделя искоренил позорное наследие империализма и дал им новую рабочую специальность. Пассажиров было мало, и цены упали до смешного: флакон одеколona, пара чулок, банка консервов. Кубинцы имели партнерш бесплатно, а денег на такси не имели вовсе. Симпатии таксисток к трактористам носили скорее политический характер.

«Не уважают... – жаловались, отслужив срочную, трактористы. – Говорят: вы бедные, и не умеете. Предпочитают негров».

А ночами в Калининградском порту грузились в трюмы и на палубы танки в контейнерах, истребители в пеналах, и еще сверхсекретные габариты генгрузов, о содержании которых портослужбы и вовсе не догадывались.

«Хрен ли эти америкашки, – говорили потом, когда все вскрыл карибский кризис 62-го года, калининградские грузчики. – Мы месяцами грузили ночь за ночью оружие на пароходы, и ни хрена они не знали... тоже, разведка у них, называется!..» – посмеивались презрительно.

И при загадочных обстоятельствах был убит в Камагуэе команданте Камило Сьенфуэгос, любимец народа и герой революции. Фидель умел политграмоте. Лидеру не нужны конкуренты. Один народ! – одна партия! – один вождь!

Успел скрыться в подполье последний герой, образованный и фанатичный Че Гевара, чтобы через время вынырнуть в Боливии и начать там все сначала, но был сдан американцам, которые теперь-то поняли, что к чему, и шлепнули его на месте.

А советский народ гневно требовал на митингах руки прочь от Кубы и восторгался: «Пальчики с маникюром гладят щечки нагана: такой мы тебя увидели, юность мира, Гавана!»

Скрытно и спешно оборудовались ракетные стратегические и зенитные дивизионы, а переводчики-испанисты получали офицерские зарплаты в учебно-диверсионных лагерях под Серпуховым.

Но к тому моменту ребята из шестой палаты, которые все это придумали и провернули, которые впервые в истории осуществили прорыв социализма в Западное полушарие, уже исчезли, и никто не спрашивал, что с ними стало.

Глава IV

1.

Адам родил Сифа. Сиф родил Еноса. Енос родил Каинана. Каинан родил Малелеила. Малелеил родил Иареда. Так оно и шло до поры до времени.

Но велик был год и страшен год от Рождества Христова 1918. И 19 не хуже. А также 20, 21, 22, 23, 24, и так далее; а хоть и в другую сторону – 17 был хорош, и 16, 15, 14, – что за чудо, просто прелесть этот грегорианский календарь. Кто такой Грегор? как сподобился создать календарь такой, что страшен, как вся наша жизнь? так, видно, никогда уже и не узнаю – спросить-то не у кого.

Но был год – начало нового, рубежного, дважды косым крестом по миру, века: и малиновый звон колоколов в метели, огни рождественских елок и визг снега под полозьями лихачей; и родился мальчик.

С днем рождения, старая сволочь, убийца.

Вощенный паркет, тепло голландских печей, седенький доктор, хлопотливая акушерка.

Горничная, Юсуповский сад, гимназическая форма, гирлянды над катком, дуксовский велосипед, надушенные записочки.

И – «Прощание славянки», в газетах списки павших, Распутин, Дума, сестры милосердия, посылки на фронт: Февраль! Отречение! Хлебные очереди! Красный цвет!

Свобода.

Равенство. Справедливость.

Кто в семнадцать лет не шел драться за это – тот дерьмо и ничтожество. Тот не был молод, того не жгла горячая кровь, глаза не блестели, не пела жажда жизни. Жалок тот, кто в семнадцать не имел идеалов. И не имел решимости стремиться к ним.

Лева Бауман ушел в революцию.

Советы, партии, социалисты, дезертиры: ветер. Был образован – писал обращения и листовки, разъяснял программу текущего момента, был втянут маховиком Гражданской войны: мандаты, разбитые поезда, вобла с кипятком, пулемет в тамбуре штабного вагона. Комиссарствовал, был ранен, кормил тифозных вшей, водил продотряд, командовал ЧОНОм.

Семья подалась из голодного промерзшего Петрограда на хлебную Украину, к родственникам, и сгинула в дыму Гражданской войны – а либо вырезали в погроме, либо успели откатиться в Польшу, Чехословакию или далее.

Товарищ Бауман был поставлен партией на хозяйственную работу, поднимал страну и рос вместе с ней, восстанавливал железнодорожный транспорт, за руку здоровался с Кагановичем и Орджоникидзе, ездил в Швецию и Германию закупать локомотивы, получил орден Красного Знамени, личный пакард, портрет Сталина в кабинете, стал директором Коломенского паровозостроительного завода.

Проснись, вставай, кудрявая, на встречу дня!

Поездки в Германию ему и намотали в тридцать восьмом. Неделя на конвейере, сапогом в пах, табурет по почкам – подписал: немецкий шпион. Десять лет.

Поставили его в лагере, новичка-дурачка, бригадиром на общие, и в первый же день благные, которых гнал он с дурным директорским понтом работать, перебили ему ломом ручки-ножки, чтоб не докучал. Такое было бригадирское место.

Ну что. Организм истощенный, раздробленные кости не срастаются, обморожение, инфекция, гангрена – и отчекрыжили в больничке сердяге конечности под самый корень.

А за стенкой, в клубе, как специально, дети начсостава новогодний хороводик водят и поют:

– Срубил он нашу елочку под самый корешок.

И тогда только, впервые за много лет, залился Лев Ильич неудержимыми слезами. Плачь не плачь, а что еще делать... Жена в ОЛЖИРе, сын в детдоме под другой фамилией, и сам считай уже не существуешь.

Но тут как раз пошли обмороженные с финской войны, тысячами и десятками тысяч, зима знаменитая, и стали появляться первые спецгоспиталя для самоваров. А вначале всегда бывает неразбериха, вдобавок еще справедливый нарком Берия реабилитирует невинных жертв Ежова, и оказался Лев Ильич первым пациентом нашего заведения. Отец-основатель.

И вот ведь что типично: сидел в лагерях – и ничего не понял! Ничего. Комиссар в пыльном шлеме – и все тут. Кличка «Старик» ему даже льстит – мол, как же, как у Ленина в подполье.

Особенно его ненавидит Жора.

– Ведь мы же в пионерах на вас молились! – шипит он. – Герои Революции и Гражданской войны!

– Молиться не надо. А без идеалов нельзя. Правильно верили.

– Что – правильно?! В тылу спецпайки жрать правильно? А мы: «Комсомолец – на самолет!» «Комсомолец – в военкомат!» А ты знаешь, что Жданову, жирному борову, в сорок втором году, в подышающем с голоду Ленинграде, клизму ставили, делали кислородное орошение толстого кишечника – еду в говно не успевал переваривать!

– И тебе клизму ставят, так что.

– Что?! А то, что я свой колит с геморроем на подводных лодках нажил. Профессиональное заболевание: в подводном положении галюн не продувают. Все и терпят. Днем, по крайней мере. Можешь демаскировать позицию, если кто сверху висит, и вообще воздух высокого давления на это расходовать запрещено. Его и так в обрез, потом нырнешь поглубже – и не продуешься, там и останешься.

– Вот то-то ты, видно, до сих пор не продулся. А лучше б там и остался.

– Я там и так остался. А что спасся – так моей вины в том нет.

Как нам осточертели наши наизусть известные истории. А куда от них денешься.

Жорину лодку утопили в сорок третьем в Баренцевом море. Немецкий эсминец загнал их на банку и разделал на мелководе, как Бог черепаху. Глубинной бомбой разворотило корму, но переборки задраенных отсеков выдержали давление небольшой глубины, центральный пост и носовое торпедное уцелели.

В гробовой темноте затонувшей лодки живых осталось одиннадцать, оглохших и задыхающихся. Была надежда – аварийный запас сжатого воздуха для носовых аппаратов. Корпус тек, по пояс в ледяной воде, хрипя и считая время, дождались ночи и стали выбрасываться через торпедную трубу – по двое. Спасение кинули жребием, тянули спички из командирского кулака в пятне фонарика. Жора, старшина торпедистов, шел седьмым, в паре со штурманом. После них не вынырнул никто – воздух кончился.

– А одиннадцатый номер кому достался, а? Сашке Ермолаеву, моему младшему торпедисту, первогодку! салаге! Ему восемнадцать всего исполнилось! Крышку-то кто задраит, рычаг кто нажмет? последний нужен, смертник. А почему не командир – ведь морской закон, послед-

нему покидать корабль? Ладно командир – а замполит? Он на что еще нужен? «За Родину, за Сталина, не щадя жизни!» С-сука... И ведь не постыдился – во второй паре.

С сотого пересказа возникает такой эффект, что перестаешь слышать голос рассказчика, просто идет вообразительный ряд. Теснота – только протиснуться, железные переборки всегда мокрые от фильтрации и конденсата, свет тусклый – экономия, от вечного холода коченеешь, лодка-то не отапливается. Зато у мотористов, когда идешь в надводном под дизелями – баня преисподняя, грохочущие дизеля раскалены (потом их же, списанные с лодок, ставили на первые советские тепловозы ТЭП-1). Все грязные, заросшие, на походе никто не моется не бреется, пресная вода – только для пищи. Вентили и гайки – в слое тавота, от неизбежной ржавчины, заденешь ненароком – и сам в жирной смазке. Влажная койка еще хранит тепло и вонь чужого тела – одна на троих, лежит в них только сменная вахта, нет места: по-английски эта система так и называется – «теплая койка». В дизельном они наварены прямо на блоки цилиндров: гром, тряска, духовка. Зато торпедисты все напяливают под ватники – градусов восемь, почти температура забортной воды. Торпеды в тавоте, мелом на них пишут только в кино; в щелях боеукладочных стеллажей – койки... У электриков из аккумуляторных ям – пар хлора глаза и глотку ест, на качке соляная кислота выплескивается. И поверх всего – густой сортирный дух: по боевому расписанию мочатся прямо на месте, под рифленой палубой на закругленном дне внутреннего корпуса – все равно всегда дрянь плещется. Туда же, подняв мостки настила, оправляются и по-большому, если терпеть невмочь. Всунут ты меж механизмов, и за клепаной сталью – черная бездна со всех сторон. Одно слово – гроб.

– У немцев как было? Неделя – на позиции, неделя – отпуск домой! неделя – в ремонте. А у нас? Вернулся живой, попил спирта в базе, заправил-загрузил лодку – и назад в море! Вот и сходили с ума братки. Он – тронулся, ему – симулянт? – в штрафбат!

– Вот ты и тронулся.

– А мне было от чего.

Это верно. Выстрелиться через торпедный аппарат – спасение сомнительное. Это для лодки тридцать метров не глубина, а человеку – вполне достаточно. Всплыть-то на поверхность ты всплывешь, нагрудник пробкой вверх выбросит, да при таком мгновенном подъеме кессонная болезнь тебе обеспечена – когда в лодке течь и воздушную подушку подперло до тех же четырех атмосфер. Об этом уже как бы не думают, тут лишь бы спастись из своей могилы на дне. Азот в крови вскипает, закупоривает сосуды, и помрешь ты в страшных муках... да на белом свете, на свежем воздухе.

Обмазались густо солидолом, чтоб дольше хранить тепло, честно разделили уцелевший у командира спирт по кружке: и пошли.

Жоре повезло неправдоподобно, прихоть войны – его подобрал утром плавучий госпиталь с английского конвоя, единственного живого; благо было лето и море было чисто. И доставил в Архангельск уже без рук без ног. Кессонка, некроз тканей.

И лет прошло черт-те сколько, а он все не успокоится. Следит, чтоб Маша утром не забыла завести его часы, которые висят на цепочке на спинке кровати: «Старшине первой статьи Георгию Аркадьевичу Матросову от командира 2-й дивизии подплава за отличную стрельбу». Как он их сохранил, как нигде не сперли?

Он остался в своем времени. Оно и понятно. Жизнь еще продолжается, а судьба уже кончилась. Это к нам ко всем относится.

– Знаешь, почему тебя Львом назвали, облезлого?

– В честь Льва Толстого.

– Как же. Он-то был христианин, непротивленец. Русский. А тебя назвали в честь Троцкого. Ты и по паспорту Лейба.

– Зря тебе союзники голову не ампутировали. Да его тогда и не знал еще никто, думать надо.

– А отчество – в честь Ленина, – глумится Жора.
– А твое отчество в честь кого? Гайдара? Порядочный Матросов давно жизнь за Родину отдал.

- Порядочного Баумана еще раньше водопроводной трубой по башке наверху.
- Трубой наверху, зато станция московского метро – его имени.
- Вот видишь. Он давно превратился в метро, а ты все еще здесь.

Дались им их фамилии. Но в нашем здесь пребывании можно действительно усмотреть какую-то дикую конструкцию. Словно сценические колосники в театре марионеток. Сюда тянутся все невидимые нити. Сыграно очередное представление – и рабочие разбирают под потолком очередную несущую конструкцию, раскидистую паутину тросов и штанг, отслужившую свое.

2.

По российскому телеканалу идут «Вести». Ведет сегодня Светлана Сорокина, наша любимая дикторша. Ее мы ждем всегда с особенным нетерпением.

– Губернатор Нижнего Новгорода Владимир Немцов отказался принять прибывшего туда с пропагандистским визитом лидера ЛДПР Владимира Жириновского, – сообщает она. – А вообще все это ерунда. Хотите лучше я покажу вам свою пизду.

Она встает за столиком – оказывается, на ней клетчатая плиссированная юбка из шотландки. Ее нижняя половина, ниже талии, неожиданно крупная, полная, тяжеловатая по сравнению со стройными плечами и небольшой грудью, с милым овальным личиком. Когда она сидит за столиком, то не кажется такой корпулентной.

С легкой своей улыбкой чуть обозначая очаровательные ямочки на щеках, она медленно, глядя нам в глаза, поднимает юбку до пояса. Под ползущим вверх подолом обнажаются полные, золотисто загорелые бедра. Узкие черные трусики, ажурные, прозрачные, туго обтягивают выпуклый треугольник, открыто просвечивает поросль внизу живота. Животик нежный, гладкий, с глубокой звездочкой пупка.

Придерживая задранную юбку локтями, она большими пальцами поддевает с боков трусики и тихо стягивает вниз.

Показалась верхняя граница пушистых темно-русых волос, они освобожденно курчавятся над сползающей полоской ткани, и вот уже весь запретный мохнатый холмик явлен, выставлен.

Тонкая линия молочной кожи над ним отчеркнута от загара узорным отпечатком резинки. Трусики покрывают волосы на треугольнике лишь на сантиметр выше. Прикрывают только самую е ё.

– Правда же так лучше, – с шелестящим придыханием говорит она, прогибаясь бедрами вперед и подавая свой тенистый треугольник. Край столика чуть вдавливаясь в мягкость бедер.

Бедра большие, плавные, плотно и круто округленные к талии, перехваченной собранной в жгут юбкой. Блики света играют на их выпуклостях.

Светлана покачивает бедрами из стороны в сторону, они движутся мягко и весомо. Искорки ярких электрических ламп вспыхивают в пушистом солнечном кусте между ними.

- И попку, – говорит она. – Она у меня большая и красивая.

Она поворачивается боком и отставляет зад. Нежный изгиб живота сбегает к лохмотому профилю ее женской поросли внизу. А незагорелое полушарие попы круглое и большое.

Теперь она поворачивается задом, объемистые формы пышных булок безупречны, шелковистые, теплого розоватого цвета. Глубокая ложбинка между ними делит две половины вниз

и вглубь, и там, в глубине ровного ромбика, отделяющего накачанные обводы ягодиц от ляжек, виден завиток сухих волос.

Светлана любовно шлепает себя по попке, и податливая плоть колеблется волной дрожи.

Мелко переступая в спущенных трусиках (слышен стук каблукочков внизу), она снова поворачивается передом. Глянцевые блики оглаживают ее крупное красивое тело, ладные массивные прелести молодой спелой дамы.

– У меня здесь такой локон, прикрывает начало щелочки, – говорит она. Придерживая юбку левой рукой, правой гладит живот вниз, опускает ее между ног и, слегка прижимая там раздвинутыми наманикюренными пальчиками, опустив голову и глядя, тянет вверх. Полускрытый вьющимися волосами холмик начинает сдвигаться, постепенно раздвигаясь, и в раскрытом промежутке ласковых настойчивых пальцев показывается и вылезает двойной краешек розовато-смуглых лепестков с маленьким темноалым бугорком между ними.

– Сейчас я расставлю ножки пошире, – говорит Светлана, – и все будет видно как следует.

Тут падает заставка «Вестей», потом вспыхивает таблица настройки, дурной голос Леонтьева вопит: «... чему, почему, почему был светофор зеленый?», мы переводим дух и сглатываем, судорожно вдыхаем воздух глубоко и шумно, дружно, свободный вздох. И появившийся на экране Михаил Огородников, как ни в чем не бывало заслоня фон безразмерными ушами, произносит:

– Мы приносим извинения за технические неполадки в студии¹. Продолжаем выпуск последних известий. Борис Немцов заявил, что в его рабочем расписании эта встреча не была предусмотрена, политические же дискуссии с лидерами партий и думских фракций не входят в его задачи.

– И в наши задачи тоже, – ворчит Каведе и кричит Маше выключить телевизор, чтоб не мешал. – У нас свои задачи, товарищи. А времени осталось не так много.

Это он прав.

Со стороны может показаться, что мы существа ненужные, бесполезные и беспомощные. Но это только со стороны.

Как вы уже, наверное, давно догадались, мы – специалисты по заговорам. И будьте уверены – суперы высшей квалификации.

Заговор – это наука. И это искусство. Гармония, расчисленная алгеброй.

Эту науку и читал нам когда-то, еще в начале, Каведе.

– Наука о планировании, организации и проведении операции, имеющей целью частичный или полный политический переворот в отдельной стране или группе стран, – заскрипел он с первого дня, – называется кудетология. В переводе с французского, восходящего к латыни, это означает буквально «наука об ударе».

Когда-то на Высших курсах НКВД им читал эту дисциплину преподаватель, появляющийся на занятиях в парике и темных очках. Подобные курсы читаются во всех высших разведшколах мира.

– Кудетология является по сути важнейшей и определяющей из общественно-прикладных наук, поскольку она включает в себя все, что составляет специфику деятельности политика, ученого и солдата.

Кудетология подразделяется на историческую, аналитическую и практическую.

¹ История прямого эфира чудесна и чревата. Как когда в 65-м году, комментируя футбольный матч СССР – Португалия, несравненный Вадим Синявский в раже заорал: «Го-ол!!! Хуй!!! Штанга!!!». Или в 67-м на закрытии фестиваля песни в Сочи пьяный по обыкновению Соловьев-Седой произнес сюрреалистическую речь, в долгий засос перецеловал и общупал всех финалистов, силком отобрал у растерянно сопротивляющегося Юрия Силантьева дирижерскую палочку и, маша ею мимо музыки, в конце концов свалился в оркестровую яму, к восторгу и экстазу зала и всей страны, пока не дали заставку. Вот поэтому в сталинское время гарантированного порядка в радиостудии Шаболовки, ведущей передачу в эфир, всегда находился вооруженный сотрудник госбезопасности. И даже когда Левитан читал сводку Совинформбюро, в углу сидел особист с обнаженным стволом, направленным ему в живот. Мало ли что.

Историческая, как явствует из названия, изучает историю всех заговоров и переворотов, происходивших когда-либо во всех странах с древнейших времен, как успешных, так и неудачных. Она вскрывает и обобщает их закономерности и обогащает возможности знанием всех приемов, применявшихся ранее.

Совершение и профилактика переворотов зародились как учение в Древнем Египте и Месопотамии более трех тысяч лет назад. Такие правила, как вербовка агента влияния в правящей верхушке, определение желаемого претендента на власть, предварительные тайные договоры и финансирование преподавались жрецами Тутмосу III, который в XV веке до нашей эры практически бескровно присоединил к своему государству соседнее царство Куш после того, как «внезапно умерщвленного волей богов» воинственного царя Бирсу сменил его безвольный племянник; об этом упоминает Геродот в VI книге.

Аналитическая кудетология рассматривает и учитывает данные экономики, географии, статистики, а также политологии, этнологии и психологии. Промышленный потенциал, рельеф местности, социальная структура, мировоззрение и идеология населения – все это должно быть увязано в цельную и исчерпывающую картину, внутри которой и надо определить ход требуемого действия по линии наименьшего сопротивления и наибольшей, гарантированной, с дублирующими подстраховочными вариантами, эффективности.

Практическая кудетология, на базе всестороннего анализа обстановки, с учетом всех средств, есть собственно технология переворота.

Первое: постановка цели. Это захват и удержание власти. Задача двуедина, без обеспечения удержания захват бессмыслен.

Что надо изменить? Политический курс. В какой мере? Необходима смена режима, или достаточно сменить лидера?

Заменить человека несложно. С такой локальной акцией всегда справится небольшая группа квалифицированных специалистов. Положительный образец – блестяще проведенное устранение Кеннеди.

А образец разгильдяйства – задуманный французами переворот в Гвинее в 1974 году, который не удался просто потому, что рота парашютистов элементарно не сумела ночью найти президентский дворец. Сначала заблудились в джунглях, потом в переулках, и утром их уничтожил наш спецназ из охранного батальона. А пятерых уцелевших власти повесили в воскресенье на центральной площади.

Замена всего режима требует серьезной проработки и больших расходов.

Первыми вступают в дело аналитики. История страны, состояние экономики, характер народа – все изучается: а вдруг они непримиримые головорезы, как курды? Им сменишь лидера, они его убьют мигом, и дальше будут свое гнуть. Для немца любой закон свят, а баск – прирожденный анархист. Почему рассосались результаты наших удачнейших акций в Африке? Этнографов и психологов не послушали, не учли традиции и психологию населения.

Аналитики опираются на данные разведки. Плюс книги, газеты, телевидение, все доступные источники информации. И выносят рекомендации: на какие силы ставить? кто выиграет? кто проиграет? кого нейтрализовать? каков эффект домино? какой метод предпочесть? сколько это будет стоить?

Безупречно проведенный бескровным парламентским путем переворот в Чили закончился провалом по двум причинам. Во-первых, не сменили армейскую верхушку, хотя аналитический отдел Генштаба и настаивал. Во-вторых, Андропов не сумел вырвать у старых маразматиков из Политбюро достаточно денег на поддержку режима Альенде. наших кретинов пугало, что Чили станет такой же бездонной дырой, как Куба. А чилийцы – народ цивилизованный, трудолюбивый, за несколько лет встали бы на ноги: страна набита ценнейшим сырьем, и какая база в важнейшем юго-восточном регионе Тихого океана пропала!

...Каведе склонен отвлекаться для доходчивости на всякие примеры, а я словно вижу перед собой эту книгу: в черном переплете из плохого лидера, с аляповатым золотым тиснением угластных букв «Кудетология». С грифом на титульном листе: «Секретно. Конспектированию не подлежит». И лиловый штамп в верхнем углу, чуть вкось: «Высшие курсы НКВД. Экз. № 7».

...Первоочередные узлы контроля: масс-медиа, транспорт, энергетика, узлы связи армии и полиции.

...Заранее подготовленные пакеты законов, привлекающих на свою сторону главные силы, основную часть населения.

– Обязательный принцип единоначалия!

Жесточайшая координация! А то вечная неразбериха. И в результате «Зенит» штурмует дворец Амина в Кабуле, а батальон спецназа КГБ его же защищает, и палят они друг в друга. И удивляются, как здорово воюет другая сторона. Это называется – перетончить: пересекретили операцию от самих себя... блллядь!

– В Афганис-та-не, в «черном тюльпа-не», с водкой в ста-кане мы молча плывем над землей, – под нос поет Мустафа. Упоминание Афгана затрагивает его душевное равновесие.

Он у нас свежачок, его прошлое еще не улеглось, не стало отдельным от него. Он все еще пытается иногда найти смысл, просечь логику в том, к чему пришла его жизнь.

Он из Забайкалья, «гуран»², как с гордостью прозываются коренные. Казаки давно обжили манчжурскую степь, когда в те края, в нерчинскую каторгу, слали декабристов. Сполняли государеву службу: резались на рубежье с хунзузами. Хлеб сеяли, овец пасли, лампас по форме носили зелено-желтый: Забайкальское казачье войско.

Кровь мешалась с монгольской, ветвились фамилии: Голобоковы, Мясниковы, Прасолы. И был Витек Мясников невысок и цыганист – кость узкая, да жила выносливая: что мороз, что жара, – гуран.

Дрались пацаны в селе свинчаткой, бляхой, голицей – обледенелой кожаной рукавицей. А плавать не умели – в степи негде.

Школа – тьфу... ветер в щели. Девочку щупали, в сортире подглядывали. После восьмого класса переходили в вечерку: девки беременели, пацаны шли учениками в ремонтные мастерские и полевые бригады. Обношенные учителя выводили мертвым душам тройки в табелях, чтоб самих не сократили.

Призыва в армию ждали с равнодушием людей простых, живущих как заведено. Последнюю неделю попили, погуляли, подожимали девочек: на прощание очень важным ощущалось, чтобы она тебя ждала. Хотя для себя возвращение обязательным не полагали: мир велик, судьба впереди. Дальше Читы и Хабаровска никто не бывал.

Одетые в старье – хорошее все равно украдут или дембеля отберут – помахали из автобуса, и в райцентр. А там в военкоматском дворе цыкнули, рыкнули, построили по четыре, и погнали команду два сержанта на станцию.

В вагоне пили, пока деньги не кончились; за окнами мелькало бесконечно; на седьмые сутки приехали в Ульяновск, в учебку.

В учебке чистили картошку, зубрили уставы и маршировали. Жрать и спать хотелось. Разок гоняли на кросс – вокруг гарнизонного забора. Разок – на стрельбище: первый раз берешь настоящий автомат в руки – ого! – а через неделю провались эта дура, чистить да таскать, деталь обрыдлого быта.

² Степной козел.

Задники сапог нечищены – наряд. В сорок секунд подъема не уложился – наряд. А кто возбухнет – сержант загоняет отделение в сортир и командует валить мимо дыр, вот те наряд: кусок тряпки в десять квадратных сантиметров, и чтоб через час все было вылизано.

А чему еще мотострелка учить? Технику он не обслуживает, спорт и рукопашную, как десантуре, ему не дают... так, дурь выбить, а выправку вбить, чтоб службу понял – и хорош, давай под присягу.

И остаются в памяти – подробности и слухи.

Вот хэбэ стираешь шваберной щеткой, с песочком, пусть вытрется и высветлится, разложив на полу в умывалке. В кухонном чане миски заливаешь кипятком и крутишь в гремящей гряде городошной битой мытье. По подъему («Оправиться и выходить строиться на зарядку, форма одежды – с обнаженным торцем!») – в сортире по семеро в затылок дышат отлить в очередь, и с парного духа теплой чужой мочи в знобящем воздухе начинается день.

Слухи живут в поколениях: как солдат-грузин сделал жену полковника, когда тот был в командировке, и полковник, узнав, хотел его застрелить, но влюбленная в юного трахальщика-красавца жена пообещала уйти, писать генералу, министру, истерика, и командир комиссовал грузина, отправил из армии вон домой, а жена сбежала за ним, и они поженились и стали жить у грузина дома на Кавказе. Или еще: двое за полгода до дембеля угнали в карауле «газон», загрузившись патронными цинками, и месяц гоняли по лесам, заправляясь у проезжих машин, а жратву и водку беря под автоматом в сельмагах, и не могли их поймать, пока не обложили в роще ротой внутренних войск, те отстреливались бешено, накрыли их только минометом – в ключья: вот так-то бывает – не выдержали, так хоть погуляли.³

И вся армия. Коечку заправлять внатяг, чтоб комкастый тюфяк – прямоугольной доской. В столовую – руки не мыть, но обувь чистить, проверят. В увольнение – пройти изнутри складку брюк куском сухого мыла, и навести стрелку ходом расчески меж зубцов.

По присяге – разрешали у них усы. И выхолил Витек шелковые черные кисточки. Они его и сгубили.

Прибыли представители частей разбирать салабонов. Увидел его в строю один летёха, приостановил взгляд:

– Фамилия?

– Рядовой Мясников. – Скуластый, смуглый, черноглазый.

– Русский?

– Так точно.

– А по виду – тóчно азиат. Мустафа такой.

Витек стал Мустафой – пришлось в масть.

Внешность – это, конечно, ерунда, но иногда и она может значить. В Афган!

Про Афган рассказывали ужасы, снижая голос. Зато дедовщины нет и кормят хорошо. Никакой строевой и нарядов, и офицеры добры и осторожны – чуть что не так, и получишь в бою пулю в спину.

Ни хрена. Жрали сухпай не досыта, деды мордовали до тупости и отчаянья, спали по три часа – все работы на молодых и ночные охранения. Застанут спящим – бьют в смерть.

Ну че. Пошли на операцию. Горы раскалены, прешь под солнцем сорок кг – НЗ, патроны, вода, спальник, с пулеметчика или радиста еще что-нибудь на тебя навесят, ноги дрожат и с камней срываются, язык сбоку. А душман скачет наверху, как козел – калоши на босу ногу, халат и автомат через плечо. А тебя через пару суток марша бери голыми руками, бобик сдох...

«Крокодилы» встали над горой, ошетились вспышками, протянули дымные ленты – отработали по кишлаку, как на гигантской совковой лопате перетряхнули склон. Пошли вперед, где что – не понять, дым, треск, тут как даст под ногами!..

³ Статистика самоубийств в Советской Армии не была засекречена, но п росто запрещена: не существовала.

3.

Гагарин опять сбивается, считая ресурс десантных Ан-12 на одну дивизию до Москвы. Полк на Кремль, батальон на телевидение и радио, батальон на дачи, по роте на вокзалы и аэропорты, по роте – оседлать кольцевую и шоссе.

– Телефонная станция – взвод, – бормочет он. – Подземный узел связи – рота... Генштаб – две роты. Дежурный по гарнизону – взвод...

Считай-считай, парень. Учти еще по отделению – запечатать депо метрополитена и автобусные парки, по отделению на электростанции – это сразу вырубит типографии и редакции, иначе их не пересчитать, и ради Бога, обеспечь прежде всего командующего ПВО, который под автоматом даст на запросы с постов, без его решения обойтись не захотят, добро на проход эшелона. А иначе получится вечная русская хреновень: хотели как лучше, а получилось как всегда.

Нет, теперь он маху не даст. На собственной шкуре научился, взять хоть его самого. Вот, скажем, родился Гагарин в 1935 году. Старик в том году уже был директором завода, Каведе – молодым сержантом НКВД, Жора вступил в КИМ – Коммунистический Интернационал Молодежи, как тогда назывался комсомол. Прямо-таки преимущество поколений, только интервал был упрепсован обвалом времени с двадцати пяти лет, как обычно считают историки поколение, до десяти, от силы двенадцати. Десяток и дюжина – одна, в сущности, единица в разных системах счета.

Поэт Багрицкий неслучайно (и не для рифмы, писать он умел) настаивал, что именно «десять лет разницы – это пустяки», и неслучайно это именно «разговор», и с «комсомольцем», и о «войне». Сознательно он, надо полагать, никакого особого глобального смысла в то, что именно «десять лет», в виду не имел. Но тем поэт и характерен, что через него эпоха являет свои истины.

– Едем мы, друзья, в дальние края, станем новоселами и ты, и я! – Сколько жизни звучало в громах над нами.

Сорокалетие освоения Целины не очень отмечалось, не до него тут; и Гагарин это переживал. На войну он не успел, а в подвалах и полуподвалах ребятишкам хотелось под танки! и, стало быть, в юности понял, что смысл его жизни в том, чтобы поднять Целину. Распахать бескрайнюю нетронутую степь – заколышет тучная нива золотое литье до горизонта. Встанут белые города, задымят заводы, давая счастливое изобилие стране.

В теплушках ведь ехали, под кумачовыми лозунгами. Под ледяным ветром гремели палатки в мартовской степи. В землепашестве смыслили, как свинья в апельсинах.

Это он здесь уже досоображался, что мирно сопящий рядом Каведе за двадцать лет до того всех природных крестьян, кто понимал землю, выморозил в Арктике, выморил в лагерях. Ну, кого не сам, тех коллеги-товарищи, почетные чекисты, серебряные щиты. И чем больше знаешь, тем меньше во всем смысла.

В смысле Целины Гагарин – которого тогда Гагариным, естественно, никто не звал, за отсутствием к тому причины и повода, а звали Юрой Белкиным – разочаровался довольно быстро. Он как-то самостоятельно, не формулируя, пришел к чеховскому выводу об идиотизме сельской жизни. Не, ребята, пахать и сеять и жать не по погоде, а по команде – это кайф. Это нечто.

Но результат – это одно, а моральный смысл его достижения – это другое. Как это там у Бернштейна (или это ренегат Каутский?): «Движение – это все, конечная цель – ничто». Понял-нет? Конечной целью оказались песчаные бури и, через восемь лет всего, пожизненные закупки зерна в Америке – но моральный смысл ощущался в том, чтобы реализовать силы молодости для мощи и процветания Родины. Радуюсь (радуюсь!) я – это мой труд вливается

в труд моей республики. Однако запас сил даже у молодости ограничен все-таки, в отличие от пути к процветанию Родины, который ну решительно же бесконечен, бьешься-бьешься – не цветет, собака. Может, дустом попробовать?

И еще не Гагарин, стало быть, а Юра Белкин, попав в армию, решил поступать в военное училище. Пусть он разочаровался в Целине, но не принципиально в романтике как таковой. Романтизм ведь качество внутреннее, и требует внешней точки приложения.

Это был тоже, знаете, конфликт эпохи. Романтизм поощрялся одноразово: бросить город, удобства, родных, все, – и уехать по зову Партии в степь (пустыню, тундру, тайгу, нужное подчеркнуть). После этого романтизм надлежало сбросить, как муравьиная самка сбрасывает одноразовые крылья, и пахать дисциплинированно на одном месте. А крылья сдать в Музей трудовой славы, чтоб на их примере учить новую молодежь героизму.

А которые имели нерегламентированный, сверхлимитный романтизм вечно менять местожительство в жажде нового – для тех был отрицательный термин «летун», и их пресекали сниманием с очереди на квартиру и лишением прочих социальных благ, льгот и надбавок.

Романтизм Юры Белкина жаждал крыльев, на крыльях ях нарисовались красные звезды, порыв обрел военную ипостась, и он, стало быть, решил стать защитником Родины, воином. Офицером. Есть такая профессия – Родину защищать. Лучше всего – летчиком. Романтика в квадрате.

Ближайшим летным училищем было Кокчетавское, и военком выписал ему проездные документы – была разнарядка, и он стал курсантом-летчиком.

Махну серебряным тебе крылом.

Все выше, и выше, и выше.

А вместо сердца пламенный мотор.

А город подумал – ученья идут.

Среднестатистический советский военный летчик – это старший лейтенант или капитан двадцати девяти-тридцати лет. Основное рабочее звено.

Перегрузки при высшем пилотаже реактивного истребителя достигают 9g. Некрупный человек весит шесть центнеров. Литр крови весит 9 килограммов – тяжелее железа, близко к свинцу, и сердцу это проталкивать. Мышцы под своей тяжестью оползают с костей. Истребитель уходит в воздух в противоперегрузочном скафандре – упругая шнуровка держит тело в целости.

При посадке на скорости под 300 км/час напряжение таково, что пульс строчит под 200, давление прет к 240 на 160. Это у молодых тренированных ребят.

Поэтому военный летчик изнашивается быстро, к сорока годам большинство летать бросает. Подыскивают наземную службу. Кто дорос только до капитана – в сорок увольняются из армии, выслуга позволяет; нет перспектив, хорошо б только дотянуть двадцать пять календарных до полной пенсии.

Так что когда Юра, много лет спустя, прочитал о действующем немецком летчике нашего времени, капитане и командире истребительной эскадрильи, который летает в 50 (!) лет – он даже понять не смог, как тот в 50 (!) лет держит такие перегрузки. А реакция? А зрение?

Характерно, что летчики (наши) после окончания училища ни черта своим здоровьем не занимаются. От природы есть пока? и ладно. Квасят водку, как прочие граждане. От давления с похмелья жрут лимоны перед медкомиссией, чтоб снизить до нормы. Главный авиационный фрукт – это лимон. В дефиците их доставали где могли, привозили ящиками. Огурцы сами солили, чтоб натуральный рассол был, с укропчиком, – тоже способствует.

Эти отвлеченные подробности есть в сущности Юрина жизнь. Хотя в истребители он не попал, а попал в вертолетчики.

Вертолеты летают медленнее и ниже, а бьются чаще, особенно в те времена, когда КБ Миля было приказано в срочном порядке копировать вертолеты Сикорского. Детали-то

копировать несложно, технологию труднее... у разведки спины дымились. Технология своя. Вот и бились.

А падающий вертолет с вращающимися винтами – это что? это мясорубка в свободном поиске. Вырубишь движок, загонишь лопасти во флюгирование – а они все равно вращаются. Ты выпрыгнешь – и летишь, согласно закону притяжения, рядом с ним.

Когда-то на испытаниях пытались лопасти отстреливать стационарными пиропатронами, но это оказалось капризно, опасно, ненадежно, и идею отставили.

Юра получил уже старшего лейтенанта и летал командиром звена, когда в космос запустили Гагарина! И в восторге и энтузиазме первых недель всех летчиков-старлеев по имени Юра стали невольно как бы слегка сравнивать с Гагариным – оглушительный блеск его славы, карьеры, удачи, обаяния как бы отсвечивал в первую очередь именно на них. Старшие лейтенанты авиации на долгий миг стали героями эпохи. Гагарин слопал лимон из чая на файв-о-клоке у английской королевы – она, аристократически разряжая конфуз, сделала то же самое, и с того прецедента они по этикету могут жрать лимон из чашки. У Гагарина развязался шнурок ботинка на ковровой дорожке к Мавзолею с встречающим Политбюро – с тех пор космонавты тщательно затягивают шнурки перед церемонией официальной встречи.

Гагарин разбился через семь лет на тренировочной спарке в прах. А тезка Юра Белкин, тоже маленький улыбчивый крепышок, успевший написать заявление в отряд космонавтов (каждый третий лейтенант его тогда написал), разбился тем же летом 61-го года.

Добро бы разбился.

Двигатель вертолета расположен сверху, прямо под несущим винтом. В воздухе вертолет как бы подвешен к своему двигателю с винтом. Центр тяжести у него высоко. Поэтому в падении он норовит перевернуться вверх брюхом. И огромный винт работает под тобой.

Вероятнее всего, у них полетело от дефекта или усталости металла одно из креплений ротора (заклучение аварийной комиссии), и ротор разрушительно загрохотал в своем кожухе. Брызнули осколки, машина клюнула и застряла вразнос, борттехник и штурман прыгнули сразу, а Юра не успел, рвал ручку, блокировал питание, а сам уже валился колесами кверху, и винт рубил воздух между ним и землей, ни фига было лопасти не зафлюгировать, потеряно управление.

Падая внутри машины и вместе с ней, Юра сумел долезть открыть заднюю створку и пополз, как муха по булавке, в воздухе по хвостовой трубе к вставшему стабилизирующему винту, его вращало вместе с хвостом, гладкий заклепанный металл уходил из-под него вбок, а он цеплялся, вцеплялся в него, стремясь выбраться за черту свистящего сверкающего круга работающих лопастей внизу и тогда оттолкнуться, вращение добавит, стряхнет в сторону, но его стряхнуло чуть раньше, винт рубанул, подбросил, добавил и откинул прочь.

В шоке первых секунд не ощутив боли, он сумел ошметками руки выдернуть кольцо парашюта. Боль пришла с ударом приземления – ад, который не передашь, по сравнению с которым смерть – рай.

Дело было над тайгой. Через час штурман и борт-техник нашли его – рядом. Он был уже без сознания. Ужаснувшись, они наложили жгуты и посылно перевязали – не спасти, конечно, но чтоб хоть что-то сделать, не смотреть же так. Через полсуток дым их костра нашел в розыске вертолет из полка. Поскольку Юра все еще дышал, его тем же бортом с аэродрома, в сопровождении младшего полкового врача, доставили в окружной госпиталь.

Жене с дочерью сообщили, как он понимает, что – погиб, не спасли; а хоронили закрытый гроб, что у военных летчиков вполне в порядке вещей.

«Вышли вы – за обычных, не гуляк, не монахов, думали – лейтенантов, вышло – за космонавтов.»

– И вот я здесь, господа! – закончил он по прибытии знакомство палаты со своей эпопеей.⁴

Фраза эта пошла гулять с фильма «Мичман Папин», где играл совсем молодой красавец Тихонов. В конце пятидесятых его крутили до дыр во всех гарнизонных клубах. Удравший с царского броненосца в Бресте по революционной надобности мичман, тайный большевик, по партийному приказу возвращается на корабль – партии нужны свои люди на флоте. Грядет трибунал, предваряемый судом офицерской чести. Добрый командир с намекающим прищуром снабжает обаяшку-дезертира бульварными романами. И на суде он, к зависти и стону всей кают-компании, излагает сногшибательную историю со слов: «Роковой случай завел меня в игорный дом!..» – через гору золота, дворцы, оргии, хищных красавиц, неверных друзей и мошенников, разорение, нищету, горе – до рыдающей концовки: «Тяжелым трудом скопил я денег на возвращение с повинной головой в родную офицерскую семью... И вот я здесь, господа!» Аплодисменты, снисхождение, разжалован в матросы.

Завершая этот рассказ, Юра – уже «Гагарин» – верил, что скоро его подлечат, отправят домой с пенсией, жена его заберет отсюда, с дочкой он увидится. Сокрушался, что, трезво рассуждая, жене он такой, конечно, ни к чему, молодая еще женщина, так что жить ему, видимо, придется с матерью, вот ей обуза...

4.

Мы хохочем. Чех подвизгивает, Каведе подхрюкивает, Старик подкашливает. Нет, есть в жизни веселье!

По радио какие-то большие умники, гуманисты и политики, рассуждают о Чечне. Голоса пикейных жилетов исполнены сердечной мудрости и государственной ответственности. Бриан – это голова!

Банда идиотов. Почему этот народ всегда назначает на должность головы жопу?

– Вот чего, ребята, я не знаю, – передыхивает Каведе, – это оставил ли великий Парвус после себя какие-нибудь теоретические труды.

Ход его мыслей понятен. Чеченская история развивается полностью по схеме, разработанной Парвусом для России в 17 году. Во был гениальный мужик. Прожил бы подольше – украл бы всю Европу. Ататюрк был просто его управляющим по Турции. Но тут-то случай, конечно, гораздо мельче, так, прореха в карте.

– Зимой они его накроют, – говорит Чех, разумея Дудаева, и, просунув в губы язык, издает глумливый звук, более характерный для тех уст, которыми Уленшпигель не говорил по-фламандски.

Боже, какая жалость, что я уже никогда не узнаю французского языка... Какой музыкой звучат, с каким галльским изяществом сыплют фонемы и ноты дивные поговорки, вульгарные в русском переводе, – как о человеке, тщившемся блеснуть сверх своих возможностей: «Так случается с каждым, кто хочет пернуть громче, чем позволяет дырка в жопе».

– И как всегда, левая рука не будет знать, что делает правая, а ноги наступать друг другу на пальцы, – добавляет Мустафа, скептик и спец по части именно координации практических действий в переворотах.

⁴ «С четвертой главы романа обнаруживается явная параллель с конструкцией Моста короля Людовика Святого «Торнтон Уайлдера. Ряд разных судеб ничем не связанных между собой людей объединяется общим и совместным, заведомо случайным и трагическим итогом. В чем смысл, где логика, как угадать Божественное провидение? Вслед за простодушным монахом Юнипером тщится автор разрешить вечную задачу. Разница в том, что опыт как бы продолжен: представьте себе, что путники, свалившись с мостом в пропасть, не погибли, а, скажем, переломали позвоночник и доживают свой век, не вставая с коек, в одной палате, допустим, монастырской больницы, и проводя время в разговорах и воспоминаниях. Ремейк? Постлитература?» Михаил Золотоносов, «Казус Веллер». «Московские новости», № 49, 1994 г.

Кто спорит? Мы со вкусом прокачиваем ситуацию. Это ведь относится к нашим главным развлечениям. Зачем вообще люди играют в придуманные игры, когда на свете столько *настоящих* игр.

– Слушатель Матросов!

– Я!

– Паш-шел на амбразуру! Приступить к разбору задачи!

– Есть!

Итак, пункт первый. А кто, собственно, позволил командиру дивизии стратегических бомбардировщиков генерал-майору Дудаеву бросить вверенную часть, свалить домой в Чечню, возглавить ее движение за независимость, организовать (а финансировал кто?!) выборы себя в президенты? Кто, где, когда подписал приказ об увольнении его из кадров? – вопрос начальнику Главного управления кадров МО. Кто наложил резолюцию на рапорт об отставке?

Никаких сведений. Генерал, и все тут, и отныне пусть все называют меня генерал Буэндиа.

Стоп, братцы. Если генерал – должен соблюдать дисциплину. За самовольство генерала полагается сдать под трибунал. Если же он не гремит под фанфары – значит, есть на то какая-то негласная установка.

– Дальше – больше. Чечня объявляет независимость. Россия не согласна: грозит вводом войск и чрезвычайным положением. Кто есть в такой ситуации генерал Дудаев? Мятежник, изменник, предатель, бунтовщик! Присяга! родина! долг! Всеми имеющимися в распоряжении армии и государства средствами он должен быть схвачен, арестован с санкции Главного прокурора армии, судим за измену и вооруженный мятеж и однозначно расстрелян. Причем лучше и логичнее – военно-полевым судом.

Но три года Дудаеву дают дышать. Зачем? Почему? Для чего? С какой целью?

Пункт второй. По фальшивым авизовкам «чеченской мафией» получены в российских банках астрономические миллиарды и триллионы. Ах, какие трагические неожиданности, какие бессовестные обманщики... Ежу понятно, что любой банк, прежде чем выдать или перевести от себя десять миллионов долларов – раз сорок проверит, кто ж такие бабки хочет снять, да почему, да зачем, да нельзя ли обойтись без этого, ведь банк выгребается допуста, – ан нет, давали деньги без звука. Значит, что? – значит, имели основание и свой интерес. А какой при деньгах интерес? – в карман отслупить.

Было открыто хоть одно уголовное дело? Нет – концы в воду, искать некого, корреспондент самоликвидировался.

Да Госбанк и Минфин должны были простачков-банкиров на кол вздеть за такое головотяпство, да так, как на востоке умели: чтоб кол тот в зад вошел и через кончик языка вышел, на радость султану и в назидание богатенькой публике. По десять, двадцать, тридцать лимонов зелени за раз крали, мировой масштаб! Нет, никто не наказан, никто не пострадал.

Это что значит? Значит, дело было согласовано с самым верхом. Значит, российская верхушка имела свой интерес, чтоб было так.

Какой интерес? Деньги – раз, политические цели – два. С деньгами ясно, время реформ – большой хапок; а что до политических целей...

Пункт третий. Политический. А: Дудаев поддерживал Ельцина, его голос отнюдь не был лишним при развале Союза и становлении Ельцина как президента. А где есть «а», там есть и «б»: буферная зона. Ельцин выступал пред миром как миротворец, хороший. Дружба. Нет больше советской военной угрозы, Любовь с Америкой. Но а'д аржан – а'д амур: нет денег – нет любви. Любовь придумали русские, чтоб не платить за нее. Кредиты! – денег дайте, господа, что вы, ей-Богу, ну денег-то дайте, мы же хорошие, видите. И – так что теперь, сдавать весь Средний и Ближний Восток американскому влиянию? А как оружием торговать, если

америкашки и прочие сильно против? А заводы технику штампуют, а ВПК жрать хочет, а с ним шутки плохи, пасть крокодила, в нее что-то кидать надо.

А почему б не переталкивать оружие через Чечню? Через ее полугосударственные и вовсе частные структуры? Расположение ее удобное, спрос с нее никакой – непризнанное криминальное микросоударство, причем мусульмане: и вот калитка в Иран, Ирак, Ливию и куда угодно.

Прекрасно: через Чечню продолжаем влиять и вооружать. А русскими деньгами чеченцы расплатятся с русскими за русское оружие через подставные русские структуры. Получи, армия, получи, ВПК. Тоже мне, бином Ньютона.

А тут нефтепровод с Каспия на Запад через Чечню. А тут Чечня слишком о себе возомнила и много хочет, преувеличили, бандюги, роль своих небритых личностей в истории.

Пункт четвертый. Нефть! Нефть! Грозненский нефтеперегонный завод получал тюменскую нефть бесперебойно – и ни копейки отдачи в Россию официально. Где та дыра?! Где та гора золота?! А чем больше золота, тем труднее бандитам его поделить. Российская нефтяная мафия во главе с компанией «Лукойл» (владыки!) – Черномырдину: Витя, сука, в натуре – мы для того тебя в премьеры поставили, чтоб теперь чеченцы наши интересы ущемляли? Да ты что, шутишь!.. миллиарды долларов в игре!

Дудаев: не нравится? а мы можем и с Западом договориться. Знает, сволочь, что он нужен большим людям, столпам, Кремлю. С ним хоть как-то дело иметь можно, он хоть как-то ситуацию контролирует. А то ведь чечены – самый бойцовый народ среди всех головорезов Кавказа, из всех законов признают только силу и честь – силу ту, которая сильнее всех, а честь только свою собственную. Это вам не турок-азер, трус с ножом, этот в драке не спасует, в бою не побежит, пока тебя не кончит – не успокоится. Подчиняешься ему – ты шакал, не подчиняешься – враг.

Черномырдин – Грачеву: э? А Грачу это ух кстати, ему свою проблему решить надо. Грачев: одним десантным полком закидаю! Ельцин – стакан для храбрости перед атакой: ну что ж, если иначе нельзя...

– Слушатель Мясников!

– Я!

– Кто вводит в большой и густо застроенный город при штурме тяжелую бронетехнику?

– Кретин!

– Так точно. Почему?

– Потому что с изобретением немцами в 1943 году фаустпатрона бронетехника в городе стала малоэффективна и крайне уязвима. Плохой обзор и малая маневренность делают ее легкой добычей истребителей танков. Еще в конце Второй мировой войны брать город танками означало сжечь на улицах танковую армию. Невидимый фаустник бьет в упор из окна, щели, подвала, с крыши, из-за угла, и бесполезный танк превращается в братский костер. Танкисты не хотели идти вперед, пока перед ними не пустят пехоту, которая выковыряет фаустников.

– Могло ли это не знать командование Российской Армии?

– Никак нет. Этому учат в училищах и академиях. Раздел Боевого устава «Танковые и моторизованные части в наступлении в условиях городской местности». Раздел был переписан в 1970 году, после того, как в 69-м на Даманском китайцы гранатометами сожгли наступающую в строю БТР и БМП пехоту. Слушатель Мясников ответ закончил.

– Садитесь, пять.

– А лечь можно?

– Разговорчики в аудитории! Разболтались... Эго смотря с кем лечь.

– С Машей, естественно.

– Отставить! С Машей я сам лягу.

Пункт пятый. Где умный спрячет лист? В лесу. Кай Гилберт Честертон.

Итак, из Германии в темпе драпа, под президентское дирижирование сводным военным оркестром, вывели ударную полумиллионную группировку. Украли и продали техники и снаряжения на сотни миллионов долларов. Отдельный наивняк из журналистов и недоброжелателей пытаются копать, где не для них зарыли, и пожать на том лавры, где не для них росло.

Война все спишет.

Раз за разом, неделю, месяц, год – штурм за штурмом вдавливается бронетехника в разрушенный сопротивляющийся город и, оставляя на перекрестках пылающие костры, груды рваного железа и трупы, истерзанные остатки штурмовых колонн оттягиваются на исходные рубежи.

Штурмовая авиация списывает боеприпасы и топливо – в любых количествах.

Артиллерия списывает боеприпасы, топливо, тягачи.

Списываются танки, бронетранспортеры, автомобили, ГСМ, палатки, автоматы и гранаты, медикаменты и продовольствие, обмундирование и обувь. А также мины и ракеты, спирт и краска, мебель и одеяла. В составлении отчетности за советское время все поднаторели.

С Тутмоса до Наполеона казнили полководцы армейских снабженцев, и никому никогда не удавалось искоренить воровство в армии. Ну само же в руки идет! А тут – бенефис: «Воруют все!»

Вот и пробирается меж руин к чеченцем майор с белым флагом: «Ребята, БМП не нужна? с комплектом? дешево отдам, я ее все равно спишу, ну?» И прав. Что ж, воровать только московским генералам, а ему лоб под пули подставлять за нищенские деньги?..

– Армия не хочет кончить эту войну быстро. Ей выгодно списывать и красть дальше.

– И финансовой мафии кончать невыгодно. Отпускаются деньги на восстановление, потом авиация получает приказ разбомбить объект, и деньги в кармане: как бы их вложили в стройку, да тут боевики нагрязнули, по ним штурмовики отработали – ну, и порушили вложенные средства.

– Политики и нефтяники давят – им кончать надо.

Яры политики, круты нефтяники, да ВПК никому не уступит: война – доказательство того, что необходимо крепить армию, выделять ей больше денег.

– Разбор полетов окончен! Вольно. Можно оправиться и закурить.

– А что дальше-то будет?

– Дальше? А вот был анекдот: председатель колхоза выписал из Москвы сверхсовременный электродоильный аппарат. Пришел: коробка, наклейки, надписи – люкс! Но стырят ведь, пропьют, если на ферме оставить. И он его к себе домой. Раскрыл вечером: никель, пластик, шланги – блеск. Выпил, смотрит, радуется, как хорошо и современно теперь коровы будут доиться. А дай, думает, попробую... Собрал, подсоединил, надел на свой единственный вроде как коровий сосок, включил... Кайф! Мягко, нежно, массирует, доит – оооо! Кончил. Выключил. А аппарат чего-то не выключается. Доит. Он кнопку тыкает, ручки вертит, а аппарат не унимается. Еще раз кончил. А аппарат не выключается! Он уже скачет, приплясывает, стучит по нему, тычет во все – ни фиги! Еще раз! Орет уже председатель, синееет. Бросился, подпрыгивая, листать инструкцию, подвывает, а аппарат его дергает, дробит! А в инструкции, на последнем листке, в красной рамке – во-от такими буквами: «Пока не надоит десять литров – не остановится!»

– Гы-гы-гы! Это ты к чему?

А пока все не разворуют – не остановятся. Передел награбленного, понял?

– Ма-аша! Дай покурить, а? мы закончили.

Такие развлечения нам – тьфу. Мелкие семечки, детская задачка. Как два пальца об асфальт, тут и напрягаться не надо.

Входит Маша и после наполненной смыслом до краев, аж переплескивается, паузы мурлычет:

– А кто это тут такие гадкие анекдоты рассказывает, а? Вот за это не будет вам покурить, придется часок потерпеть.

Она встряхивает головой, разметывая вороную гриву по плечам, и, медленно облизав губы кончиком розового языка, начинает расстегивать свой натянутый на груди и бедрах халат. И на короткий миг каждый успевает прожить свое.

Под халатом у нее ничего нет.

5.

Автомат Калашникова АК-47 (штурмовая винтовка).

Прототип: штурмовая винтовка вермахта МП-43 («Штурмгевер-44»).

Заимствовано: верхнее расположение газоотводной трубки, ложа с pistolетной рукоятью, сближенный со спусковым механизмом магазин рожковой формы, принципиальная схема, размеры и внешний вид, ослабленный винтовочный патрон с бутылкообразной гильзой.

Изменено применение патрона классического русского калибра 7,62 вместо укороченного 7,92.

Улучшено: увеличение емкости коробки кожуха затвора, что повышает стойкость к загрязнению; уменьшено количество подвижных частей затвора, запираение осуществляется не перекосом затвора в вертикальной плоскости, а боевыми выступами поворачивающегося вокруг продольной оси затвора, что снижает количество задержек и увеличивает надежность работы в реальных условиях; облегчение конструкции с 4,9 до 3,8 кг.

Длина: 870 мм.

Длина ствола: 414 мм.

Емкость магазина: 30 патронов.

Темп стрельбы: 600 выстрелов/минуту.

Начальная скорость пули: 715 м/сек.

Масса пули: 7,9 г.

Масса заряда: 1,67 г.

Прицельная дальность: 800 м.

Дальность убойного действия пули: 1500 м.

Применяемые пули: обыкновенная, трассирующая, зажигательная, бронебойно-зажигательная, разрывная, со смещенным центром.

Гарантия: 20 000 выстрелов.

Модификации: со складным прикладом, АКМ, АКМС, АК-74, АКС-74, АКС-74У.

Полная разборка: без инструментов.

Страны-изготовители (под разной маркировкой): СССР, Венгрия, ГДР, Польша, Румыния, Финляндия, Чехословакия, Югославия, Аргентина, Бразилия, США, Индия, Индонезия, Турция, Северная Корея, Китай.

Общее количество изготовленных экземпляров: не менее 80 миллионов.

Основные достоинства: простота технологии, дешевизна производства; простота в обращении, высокая практическая надежность, большая убойная и пробивная сила.

Самый массовый образец огнестрельного оружия в мировой истории.

Единственный из всех образцов оружия удостоился помещения на государственный флаг: флаг Сомали представляет собой изображения баобаба и автомата Калашникова в венке зеленых листьев на красном прямоугольнике.

Конструктор: Калашников Степан Тимофеевич, 1919 г. рождения, русский, в 47 году – сержант Советской Армии; всю последующую жизнь работал конструктором на Ижевском оружейном заводе; к 75-летию был удостоен звания Героя России, получил Золотую Звезду из рук специально прилетевшего в Ижевск президента Ельцина.

Рыночная стоимость в 1995 году: от 200 до 2000 долларов в зависимости от страны производства и места приобретения.

Излюбленное оружие азиатских и африканских партизан, террористов при серьезных операциях, а также некоторых элитных спецчастей всех стран.

Стоит на вооружении многих армий в течение 60 лет.

С одной или с обеих сторон применялся во всех войнах мира второй половины XX века.

6.

Чуча-муча, пегий ослик!

Вот видишь, все-таки я написал тебе письмо. Много-много лет я собирался это сделать. С тех самых пор, как мы с тобой расстались, и навсегда. Чтоб никогда больше не увидиться.

Меня нет больше на свете, милая. То, что еще осталось – совсем не тот я, которого ты любила и помнишь. Только вместилище – память и чувство. Прошло много лет, и я понял это. И ты тоже поняла, правда? Потому что тебя, той, что была, тоже нет больше. Мы стали другими, по отдельности друг от друга, без смирения и сроднения с переменами любимого, на разных дорогах, в разных жизнях.

Время обточило нас на разных станках, и наши миры стали разными.

Если даже предположить сумасшедшее, невозможное, что мы встретимся – это не будет иметь никакого значения. Мы будем искать и желать друг в друге то прежнее, что знали и чувствовали когда-то. Стараться увидеть и обрести то родное, чем мы были.

Это странное ощущение. Как будто не было всех этих огромных прошедших лет, прожитых вдаль и по-разному, как будто годы и годы прошли в некоем параллельном, другом, нереальном измерении, не имеющем отношения к тому, что жило внутри нас и между нами, и вот сейчас мы встретились – и продолжаем жить вместе с того самого момента, когда расстались. Словно расстались совсем недавно, вчера, неделю назад.

И когда мы расстанемся вновь, то в памяти друг друга снова будем теми, что когда-то, молодыми, здоровыми, красивыми и веселыми, в полете и силе жизни, даже когда она боль, потому что еще огромность впереди, – а эта встреча, она останется так, сбоку, маленьким боковым ответвлением, ничего не меняющим.

У меня было когда-то так много слов для тебя, так много, что я не мог остановиться говорить их. Это не от болтливости, и не от того, что мне было легко и неважно, бездумно, говорить их – а от того, что мы были вместе так мало, так мало, считанные дни, милая, а я думал о тебе так много, всю жизнь, и разговаривал с тобой – без тебя – всю жизнь, и при встречах мне не хватало времени сказать тебе все, что так хотелось, так надо было.

Не было дня, когда я не разговаривал бы с тобой. Вся моя жизнь состоит из двух половин: первую я тебя ждал, вторую я тебя помнил.

Я писал это письмо много лет, очень много. Ночами, глядя в темноту, и в поездах, куря в тамбуре, и в толчее улиц, и просто в свободную минуту. Так странно: и пел гондольер в Венеции, и играл скрипач в Иерусалиме, и светилась Эйфелева башня, и в бессонницу в тундре под храп бригады доносил разбитый транзистор: «Лишь о том, что все пройдет, вспоминать не надо». Тогда еще я умел плакать.

Ты плачешь по мне, милая? Ты меня помнишь?

Всю жизнь я пытался понять тебя, и понять себя, и в тысячный раз вспоминая давние события находил в них новые детали, открывал новые мотивы и тайные причины.

Я очень любил тебя, милая. Я и теперь люблю тебя. Но теперь это уже точно не имеет никакого значения. Вот уж теперь-то точно поздно.

Когда-то, в той жизни, ты сказала – лето, и Ленинград, и тополинный пух: «Поезд ушел». И я ответил: «Ну, такой поезд я на пальце поташу за веревочку».

Когда-то – лето, комнатуха, простынь, плед на окне завязан сыромятным ремешком скотогона на калмыцкий узел – ты спросила: «А тебе надо, чтоб я тебя любила? Или – тебе и так... устраивает?» Я не нашел ответа, было слишком много верных и все про одно, они промелькнули мгновенно, каждый главный и единственный, не выбрать, так больно, и печально, и быстро колотилось сердце, и я сумел только на выдохе: «Господи, дай мне любви этой девочки, и больше мне от жизни ничего не надо».

С тех пор я всю жизнь отвечал на этот вопрос. Из всех в мире вариантов «да» я искал один, чтоб ты поняла, *как* мне это было надо.

Я сказал тебе: «Ты любишь меня. Когда ты сходишь по мне с ума, и прибегаешь, бросив все, и обнимаешь, прижимаясь в отчаянье, и глаза твои сияют, и ты моя, и ты стонешь со мной, и ты делаешь каждым касанием навстречу то же, что делаю я, и чувствуешь то же, что чувствую я, – ты любишь меня, и знаешь это, всем естеством, и я это знаю и чувствую всем собой, потому что нет *этого* иначе».

Ты боялась попасть в плен. Ты боялась поверить до конца, до последнего дюйма. Ты не могла жить в мире ни с кем, потому что никогда не жила в мире с собой. Жизнь кипела, искрилась, брызгала в тебе, и всего хотелось, и всего было мало. Ты была такая светлая и радостная. С тобой было *светло*.

Никого в жизни я не понимал так, как тебя; не чувствовал так, как тебя; не читал, как открытую – для меня одного! – как тебя.

– Какие у тебя сияющие глазищи!..

– Это только для тебя...

В унисон, в фазу, в масть. Я оборачивался и открывал рот, и ты говорила: «Ага, какая весна, да?»

Ты жутко боялась остаться одна, состариться без мужа, без семьи, и поэтому произносила речи о скуке и однообразии семейной жизни, в защиту свободы и приключений. Ты предчувствовала свое будущее и боялась признать поражение хоть в чем-то. И так ясно слышались в твоём голосе слабость и желание, чтоб тебя опровергли, уверили, успокоили, что ты будешь надежно и спокойно любима всю жизнь, и при этом будет все, что только можно придумать прекрасного, интересного, необычайного, и ни при каких условиях ты не будешь брошена – даже если сама из самолюбия, противоречия, злости сделаешь все, чтоб – наперекор себе же – остаться одна: не останешься, тебя всегда сумеют понять, принять, примирить, сделать так хорошо и оставить с собой, как в глубине души ты сама больше всего хочешь.

Я научился понимать, правда? А это единственное, что у меня осталось, главное мое занятие, это вся моя жизнь: помнить, знать, понимать. И это – огромная, огромная, нехватная жизнь! уверяю тебя...

В полях под снегом и дождем, мой милый друг, мой верный друг, тебя укрыл бы я плащом от зимних вьюг, от зимних вьюг, и если б дали мне в удел весь шар земной, весь шар земной, с каким бы счастьем я владел тобой одной, тобой одной... вельветовые джинсы, латунный подсвечник, водка от ночного таксиста, гитара, оленья шкура, рукопись и беломор... Письма пишут разные, слезные, болезненные, иногда прекрасные, чаще бесполезные, в письмах все не скажется, и не все услышится, в письмах все нам кажется, что не так напишется.

Мы были очень похожи. Мы были молоды, красивы, самолюбивы, любимы многими, жадны до жизни и веселья, мы мечтали о морях-океанах, собирались напрямиком на Гавай, в пампасы... мэм-сагиб.

«Между нами всегда оставался ну самый последний миллиметр?» – сказала ты. Через много лет я ответил: «Он оставался внутри тебя». Его ты так никогда в жизни и не преодолела, не бросилась в омут очертя голову, не отдала себя всю безоглядно и без остатка, и поэтому не

обрела взамен и одновременно все, совсем все, что тебе так надо было, без чего ты так никогда и не стала счастлива.

Теперь этот миллиметр растянулся в неведомые тысячи километров, в другое измерение. И твой голос, низкий, нежный, грудной: «Здравствуй, заяц. Ну, как живешь?»

Живу.

Твои попытки журналистики, литературы, кино – какая ерунда... Но я так любил, так трясся, так видел в тебе только все самое лучшее, что подыгрывал тебе, подлаживался, льстил – и удивительно, в этом было больше правды, и мы оба, как всегда, точно чувствовали меру правды и фальши в моих словах, и в твоих тоже.

Ах, как просто: тебя устраивала твоя жизнь. Ты сказала честно. Так хотела: и приключения, и надежный базовый аэродром, и свобода маневра, и романтическая любовь с разлукой...

О черт, но ведь главное, на что я купился, главное, что было мне дороже всего в тебе – потрясающая чуткость, отзывчивость, чистота тона: на каждое мое движение, каждое слово, каждый жест – ты поступала именно так, как было *истинно*, как я хотел больше всего, мечтал. До тебя – я полагал, что чувство никогда не может быть полностью взаимно. И вдруг оказалось – может... В резонанс, в такт, в один стук сердца.

Все в тебе – ерунда по сравнению с главным, потрясающим, данным от Бога: ты женщина, каких почти не бывает. Ты рядом – уже свет праздника, радости, любви, счастья. Взглядом, улыбкой, жестом, интонацией, беглым поступком – ты дарила мужчине полное ощущение того, что он – желанен, значителен, интересен, достоин, что он – тебе и всем! – единственный такой, мужественный, сильный, красивый, замечательный. Это не было сознательным воздействием – это шло от твоей сущности, от жадного и радостного приятия жизни, веры в нее, и эту радость и веру ты естественно, как дыхание, разделяла с тем, кого встречала.

Но я – не первый встречный, верно, малыш? Ты меня помнишь? Тоска тебя грызет?

И я раскрылся весь – в изумлении приходящего счастья, которое возможно лишь единжды. И ты испугалась – порабощения собственным чувством. «Я не позволяла себе чувствовать даже тысячную часть того, что чувствовала на самом деле, чего хотела...»

И стала всаживать в меня крючья. Ты очень боялась раскрыться полностью – чтоб не смогли сделать тебе больно. А я был счастлив невыносимому для меня порабощению своим чувством. Вот где произошла несладушка. И боялся, не мог, не хотел делать больно; мне необходимо было – оберегать тебя, а не бороться.

Это я говорил тебе, а всего все равно не скажешь, и все слова столько раз употреблялись в жизни, и что тут скажешь нового, и какой в этом смысл, нет в этом смысла, кроме одного, кроме одного: я говорю – и я с тобой, милая моя, родная, любимая, единственная моя, свет мой, и я вижу тебя, слышу тебя, чувствую тебя, счастлив с тобой, как никогда и ни с кем в жизни. Не было у меня никого ближе тебя.

Тебе было хорошо со мной? Я тебе нравился? Я тебя устраивал?

Малыш, чуча-муча, пегий ослик, чуть-чуть ты смалодушничала, чуть-чуть, и это тот последний дюйм, который решает все.

Я никогда не отделаюсь от истины, что мы были созданы друг для друга. Ты не была самой красивой, или самой умной, или самой доброй – я видел тебя глазами ясно, я не идеализировал: ты была *по мне*, и каждый взгляд, вздох, движение твои – были навстречу, как в зеркале.

Я видел тебя – и прочие переставали существовать, отделялись стеклянной стеной: чужие, отдельные, другие.

Я видел тебя – и был лучше, чем без тебя: был храбрее, сильнее, умнее... нет, это чушь: добрее, тоньше, благороднее... да и это не главное: я был значительнее, крупнее, чем без тебя.

Из беззащитности, ранимости спохватывалась ты казаться стервой – и вдруг поступала согласно этой претензии, а под блеском глаз дрожала робость, потому что суть была доброй и хорошей, и ты боялась быть такой, чтоб не проиграть в жизни, чтоб не выглядеть слабой. А

я настолько знал свою силу, что не боялся поступать как слабый, и в результате ты поступала как сильная, а я как слабый, хотя на деле было наоборот, и на деле получилось наоборот... Господи, милая, как я помню все...

Все кончается, жизнь на закат, финиш отмерен. Не было у меня дня без тебя. Давай напоследок, как тогда, мизинцем к руке, ага.

Твой – Я.

Глава V

Не хочу я больше писать для вас книг. Я вас презираю.

Для кого мы пишем кровью на песке, наши песни не нужны природе.

Сон, сон мне был, тихое видение. Пылала в том ночном видении настольная лампа, зеленым был застлан письменный стол, и была старенькая трофейная машинка, и пачка беломора у медной пепельницы, и черный чай в стакане с серебряным дедовским подстаканником, и сам я был в том сне, тридцатилетний, здоров и красивый, уверен и весел. И было восемь квадратных метров на улице бомбиста Желябова, под самой кровлей, на крыши выходило окно, ветер с Невы задувал в щели; оленья шкура прибита к стене, ветка вербы в снарядной гильзе на книгах, и битая гитара на гвоздике корябана: «Мангышлак», «Таймыр», «Фергана», «Камчатка», «Алтай».

Дрожало горло, ложились слова, сыпали ночной отчет Петропавловские куранты, слала тонкий дым папироса в витое зыбкое пространство, зыбкая ложь, пронзительный мираж.

В сладостном сне плачу я, лежа на казенной скудной койке меж стен моего последнего пристанища. Метельный город, тяжелый иней, ночных прохожих ютить в глазах, твое ли слово, твое ли имя ловить губами и осзывать, мой Петербург, как тесно спится твоим Сенатским площадям, все чаще вглядываюсь в лица: кого из них не пощадят, дороги верстовая поступь, опять – в который век? домой!.. как просто, Господи, как просто мы привыкаем жить зимой. Ничего, ничего у меня нет. Только лживая память, да воспаленное воображение, да мозг мой, жалкий мой ум и больные чувства.

Откуда ж этот самообман, это сумасшествие, в котором я пребываю? С чего я вообразил себя хозяином всего, властным над всем?

А ведь это так. Иначе б меня здесь не держали.

1.

– Профессор, а что б ты делал, если бы тебе вторую-то руку оставили?

– Я бы др-р-рочил!!

Все хохочут. Тема живая.

– «Что ж ты, охальник, такой маленький, а делаешь? – Отойди, бабушка, а то близнет!»

– «Слушай, я слышал, что ты женился? – Да что у меня, руки отсохли, что ли?!»

– «Феликс Эдмундович, а что это вы такой, батенька, негвный? Вы онанизмом часом не занимаетесь? – Ну что вы, Владимир Ильич!.. – А всенепременно попробуйте: преприятнейшая, батенька, вещь, и очень успокаивает!»

– Мальчик плачет на морозе, проходит женщина: «Ты что плачешь? – Пи-исать хочу... – Так пописай за кустиком. – Н-нечем раст-тег-нуть... – Бедный, у тебя ручек нет, сейчас я тебе помогу, вот так... Боже! мальчик, почему у тебя такая писька большая?! – Я н-не мальчик, я карлик. – Товарищ, так почему у вас руки в карманах! – З-замерзли.»

– Ха-ха-ха!

Не, ребята, те, у кого есть хоть одна рука, не понимают, какое это счастье. Стоит у тебя утром, как лом, одеяло – шалашом, ну и что толку?.. Вот танталовы муки: видишь – а прикоснуться не можешь.

- «По трусам текло, а в рот не попало!»
- Уж я бы за Машины дойки подержался.
- Профессор у нас шупач. Романтик.

Кличут собаку – человека зовут; есть такая присказка у тех, кто как бы перевоспитывает блатных. Профессор – кликуха, конечно, банальная, штамп: нотка уважения к знаниям и иронии над их никчемностью, симпатии к доброте и пренебрежения к слабости. Лидера, крутого так не назовут. Тень очков и безвредности. Кличка приязненная, но снисходительная. Поэтому Руслан предпочитает, чтоб его звали по имени. Еще один мифический герой.

Из нашей братии интеллигентом и инакомыслящим был только он: нормальный процент. Любое мыслие было инакомыслием, и в расцвет застоя его выгнали с четвертого курса истфака ЛГУ: дерг хрена из цветника. Мы имеем именно ту историю, которая нам нужна.

По хилости и взглядам белобилетник, в армию он не попал, а пошел в дворники: изна-ночный снобизм эпохи, мода и поветрие. Квартира, пусть полуподвальчик, зарплата, работа на свежем воздухе, график сам себе устанавливаешь, никому не лижешь, на Систему не работаешь, и приносишь людям пользу: мусор надо убирать при любых властях. Он даже книгу начинал писать: «Хочу быть дворником». Манифест.

Интеллектуал-дворники чтили себя духовной элитой. Перепечатывали самиздат, за дешевым вином обсуждали мировые проблемы, носили рваные свитера и презирали конформизм. Отрицание советской власти было не продуктом анализа, а судьбой и символом веры. При этом каждый третий был осведомителем КГБ.

По атрибутике сам диссидент, Руслан диссидентов брезгливо презирал. Отвращала люмпенская истеричность, неопрятность, неумелость и элементарная бытовая лень. Необязательны в речах и ненадежны в поступках. Ни в драку, ни в разведку. Ни в пизду ни в Красну Армию. «Аутсайдеры... – цедил он: – никчемушники.» Да, протест, неприятие стадных правил, и даже гражданственность взглядов, непричастность к злу – но если кого прихватывало ГБ, он мгновенно размазывался, сдавал все и вся, как декабрист Николаю. Исключений было десяток характеров на весь Союз – на каждого по тыще рыл немытого андеграунда. Оправдание любого своего дерьмизма тем, что власть плоха. Как-то все это ущербно...

А что делать?.. Границы закрыты, богатство запрещено, карьеры по анкетам, мысли предписаны. Наливай!

Перестройка и гласность прикончили диссидентство методом растворения: заголосили все. Колонны прозревших страдальцев возопили о покаянии. Диссиденты злобно спились, или спохватились с карьерами, или сумрачно эмигрировали в США и Германию. Среда обитания исчезла.

Верный Руслан, независимый и чистоплотный, обрадовался и озлел. Он нюхнул свободы и возжаждал действия. Поток благоглупостей раздражал слух, кипел разум возмущенный, и ярость благородная вскипела, как волна.

Тут пошел Карабах, и со швов СССР посыпалась штукатурка. Коготок увяз – всей державе пропасть. Ясно было: само не рассосется. Должна же быть справедливость?! Две трети Армении – в Турции, Арарат – в Турции, турки вырезали полтора миллиона армян и огнюдь не каются, теперь снова режут – и отдай туркам-азерам еще Арцах. Это была первая из войн, уничтоживших Империю.

Дело нашлось. Через Ленинградский порт пошло в Карабах оружие, купленное армянами Франции. Руслан вспомнил, что его дед был армянин и носил фамилию Сагабалян. Он списался, созвонился – нашлась родня в Спитаке. Поехать, адаптироваться, выучить согню слов,

армяне родню не забывают, – и в Карабах: за правое дело, отстреляться за все унижения и несправедливости загубленной вами молодости.

Здесь в шесть часов утра 7 декабря 1989 года его и постигло известное вам несчастье.

Бедолага, тогда он ничего не мог знать о недоукомплектованной группе и ее работе. Запрограммирована была Нахичевань, но на стадии притирки промашечка у каждого может случиться...

Тряхнуло знатно, и стотысячный город рассыпался, как карточный. Почти все легли под завалами⁵.

Спасатели дорылись до Руслана на вторые сутки. Он слышал их работу и разговоры и подавал голос. Ноги его были прижаты обломком плиты, левая рука под решеткой перил: сверху образовалась пещерка, сочился воздух; увидев свет, он потерял сознание. Можно высвободить тело, и – кости целы, мышцы не порваны: со вторым появлением на свет тебя, парень.

Откопали бы чуть раньше – и быть ему покойником. Сотни таких спасенных умерли в муках. Но к тому моменту спасатели уже знали, слава Богу, что такое краш-синдром.

Впервые массово с краш-синдромом столкнулись в 40-м году англичане после бомбардировок Ковентри. Откопанные через полсутки-сутки из завалов, которые были живы-здоровы, только придавленные конечности после освобождения чувствительность пока потеряли, не слушаются (ну, вроде как руку во сне отлежал) – быстро и неизбежно умирали от заражения крови. Спихватились разбираться – все просто и давно известно, описано еще в I Мировую. Пережимание сосудов – застой крови в конечности – кислород выработан, зато накапливаются продукты распада, отходы жизнедеятельности тканей, углекислый газ, молочная кислота и прочая дрянь. Без очистки и питания, раз почки не фильтруют, а легкие не вентилируют, клетки начинают погибать: некроз и отравление. Грубо говоря, пережатая конечность стала вместилищем собственного трупного яда. И если его уже много – то с возобновлением кровообращения почки отказывают: не в силах столько очистить. Острая почечная недостаточность. Отравляется мозг, отравляется все, нарушаются все функции – сердце встало, летальный исход.

Так что вынутый невредимым из-под завала, если перележал, в своем счастливом спасении трагически заблуждается. Смерть в его теле запускает стремительный механизм. Лечения нет.

Порог – часов восемь. Или меньше. На передовой санитар, накладывая жгут для остановки кровотечения, обязан сунуть под него записку с точным временем: снять через два часа, а то – вот...

Единственный выход – такому придавленному (знать время!) сначала наложить жгуты выше прижатых мест, а уж потом высвободить его. И напрямик – на операционный стол: ампутация. Вот так.

Руслана привезли к палатке развернутого полевого госпиталя, раненые ждали на носилках, одеялах, на земле, хирурги работали круглосуточно, оступаясь от усталости, и перепутали что в сопроводительном листе, сестра ли не разобрала, врач ли недослышал, но вкатили ему наркоз и отчекрыжили все. И не такого тут навидались...

Всю остальную жизнь он приходил в сознание, можно так сказать. Я-то знаю. Просто с тех пор я иногда вспоминаю свою жизнь в третьем лице. Легче ведь думать о себе, как о другом.

– Эй, Профессор, заснул? Работать пора!

⁵ При аналогичном вскоре – 6 баллов – землетрясении в Сан-Франциско осел один пролет моста, разошлось полотно нескольких дорог и обвалился пяток карнизов. Погибло трое: один под сорвавшейся вывеской и двое опрокинулись в машине. Жертвы и разрушения несоизмеримы: руины Спитака погребли шестьдесят тысяч человек. Причина катастрофы – безмерное воровство строительных подрядчиков. «Экономичные» проекты не отвечали сейсмоопасности зоны, но и их требования не соблюдали. В бетон не клали цемента, редкая арматура еле прихватывалась сварщиками. Песочные пятиэтажные коробочки не выдерживали любого толчка. Приемные комиссии брали взятки у воров и убийц. Эти умышленные преступления, повлекшие за собой массовую гибель людей и полностью подпадающие под статьи Уголовного кодекса, не были наказаны никак и даже официально не названы. Убийцы и воры считают себя патриотами Армении и оплакивают ее страдания.

Я вам устрою козью морду.

2.

Вы что думаете: заговор – это свеча на столе, склонились вокруг мрачно горящие глаза над ван-дейковскими бородами, руки сжимают эфесы шпаг, и тени профилей на штофных обоях; э? Или: одеяло на окне, длинные револьверы в карманах, списки фамилий, защитные подкладкой, план улиц с крестиком и россыпь типографского шрифта. Или: погоны, карта, скрип ремней и решающие для посвященных отрывистые слова в телефон.

Чушь собачья.

Вот вам яркая синь за окном, свежий сквознячок с неистребимой ноткой хлорки в палате и послеобеденная капустная отрыжка. Еще всем отрыгнется, будьте спокойны.

Не так легко объяснить, каков именно механизм нашей работы. Внешне наша роль ясна: мы разрабатываем заговор в подробностях и деталях. Необходимо массу всего учесть, согласовать, увязать. Одной логики и знаний тут недостаточно. Нужно еще вдохновение, воображение, возбуждение всех чувств, страсть... затрудняюсь сформулировать, ведь вся система нашей работы построена на практических наблюдениях и экспериментальных выводах, а теория пытается постфактум посылно объяснять происходящее, как всегда отставая от жизни.

А вот механизм реализации заговора действительно интересен. И ясен не до конца самим создателям. Понимаете, грань между субъективным и объективным, желаемым и действительным – штука тонкая, размытая. Эдакий плавный переход.

Излагать труды Морреля⁶ я не буду, не пугайтесь занудства: обойдемся своими словами, попроще. Вот хоть так:

Что такое пророк? Не просто прорицатель будущего. Это человек с повышенной способностью не только экстраполяции, но и внушения. Он шум производит, на умы влияет, смятение вносит. Пропагандист и агитатор, понимаешь. Пророчество само по себе уже действие – оно подталкивает в сторону предсказанного.

Почему их вечно гоняли и жгли? А это естественная реакция окружающей среды на попытку ее изменения: противодействие рождено действием. Тут все реально.

Прорицание – это уже изменение настоящего и формирование будущего. Запуск процесса и его индикатор. Умы психологически готовятся: знакомятся, примиряются, возникает интерес, желание, активное отношение – и так возникают массы мелких, незначительных поступков, в сумме складывающихся в движение в определенном направлении. А отрицание, противодействие – тоже дает поступки, как бы на той же линии движения, но с обратным знаком. В свою очередь, в реальности это вызывает противодействие противодействию – и тоже активизирует и приближает предсказанную действительность. Поэтому пророки религий отлично знали нужность и силу гонения, запрета, мученичества – чтоб их учение крепло и побеждало. Слово пророка – не просто слово: это желание, оформленное в реальные поступки. Короче: если кто-то чего-то очень хочет – в конечном счете нечто в таком духе произойдет обязательно, будьте уверены.

Кроме того, пророков ведь не с неба на парашютах сбрасывают: он здесь родился и вырос, продукт своего народа и своего времени. Через него наступающая реальность просто впервые являет себя. Вроде приближения рассвета через кукареканье петуха.

Ладно, если кто совершает конкретные действия к своему хотению – ясно, приближает его. А если просто лежит тридцать лет на печи – но хочет? Проще всего сказать, что ничего не будет. Ан практика показывает, что иногда хоть что-то, да все равно происходит.

⁶ Андре Моррель (1759—1821) – французский психиатр, в 1792—1814 годах главный врач Шарантонской клиники, автор ряда трудов. Русский перевод – монография «Видоизменения уровней связей личности». СПб, 1897, т.т. 1—2.

Зайдем для понятности издали. В сказках всех народов мира появлялась волшебница-щука, или лиса, или золотая рыбка, или джинн, маг, чародей, гонец, стечение необыкновенных обстоятельств – короче, деус экс машина. Роль их проста: что должно сбыться – сбывается.

Ю.Тынянов, будучи прежде всего психологом, а уже потом филологом и беллетристом, в комментариях к IV главе классического труда В.Проппа «Морфология сказки», развивая мысль Проппа об ограниченности всей мировой сказочной фольклористики всего 34-мя вечными бродячими сюжетами именно той причиной, что ограничены они математически простым числом вариантных сочетаний базовых событийных линий жизни человека, дополнил, поскольку психология есть именно наука, во многом весьма точная, с обязательными закономерностями, что из верных предпосылок тысячелетия коллективного опыта выделяют линии, верность и вероятность которых следуют из верности предпосылок и корректности анализа с учетом всех причинно-следственных связей. В те годы, когда любой отход от вульгарно-материалистической догмы объявлялся государственной ересью и влек репрессии, он не мог выразиться яснее. (Яснее это тут же вызвало бы вопль Айхенвальда и Ермилова: «Вы что, хотите подменить марксистскую науку космополитической сказкой?!»)

По той же причине самый талантливый и знаменитый филолог уже следующей эпохи, Ю.Лотман, в свой основной труд «Структура художественного текста» не мог включить часть IV, вследствие чего еще по выходе первого издания (1968) внимательные читатели отметили некоторый логический и смысловой провал между III и IV (в оригинале бывшей V) частями. В ней (Архив Тартуского университета, ед. хр. E1214/б – 91) Лотман, структурируя декодирование посылки адресантом, рассматривает степени трансформации реальности в хронотопе. И получается у него та степень достоверности реальности, которая пахла тогда преступным идеализмом.

Но никаких философий не было в статье известного австрийского хирурга Франца Вестхуза «О некоторых побочных явлениях при выздоровлении раненых с ампутацией четырех конечностей», опубликованной в 1808 году в «Ученых записках Австрийского Королевского общества хирургов». В ней сводятся наблюдения за такими ранеными в Венском госпитале в 1804–1807 годах. Статистика подтверждает вечный тезис Гиппократова «Раны у победителей заживают быстрее». Вестхуз фиксирует, что большинство погибает даже при отсутствии послераневого и послеоперационного сепсиса (которые были обычны до внедрения Пироговым антисептической профилактики в военно-полевой хирургии), при уже компенсированной кровопотере и нормальной работе внутренних органов, то есть при отсутствии очевидных органических причин летального исхода. Ослабление функций организма, начиная с защитных, он логично объяснял общей тяжестью травмы, перенесенным организмом потрясением и угнетенным состоянием психики.

У тех же немногих, кто выживал, наблюдалось сосредоточение силы характера – они были очень упорны в своих требованиях и неадекватно сильно реагировали на мелочи, что и понятно в их положении, сродни впаданию в беспомощное детство или заключению в оковы и одиночную камеру, когда все чувства и мыслительные способности человека сосредотачиваются, концентрируются на немногих объектах, подчас ничтожных, но являющихся точками приложения душевных сил и потребностей раненого.

Вестхуз рекомендует заводить в палатах кошек и попугаев для развлечения и любви раненых, в обслуживающий персонал брать женщин из простонародья с циничным и веселым характером, чтоб не подчеркивать поведением жалость к убожеству инвалидов – а также проводить светские беседы, которые позднее назвали бы политинформацией: повышению тонуса и улучшению хабитуса раненых способствуют разговоры о политике страны, возможных исходах сражений, исправлении ошибок в минувших боях – они начинают спорить и рассуждать, подчас высказывая мысли, здравые и точные несоразмерно своему низкому в массе умственному

уровню. Вестхуз констатирует это обстоятельство, не задерживаясь на нем и кратко поясняя тем, что, очевидно, силы организма, расходовавшиеся ранее на работу и физические действия, полностью сосредотачиваются на деятельности мозга.

В подтверждение он приводит лишь незаурядный случай, когда раненый, фельдфебель, прослуживший четырнадцать лет и участвовавший во всех кампаниях австрийской армии с 1792 года, предсказал заговор против Наполеона, его подробности и причину неудачного исхода. Когда в газеты дошли сведения о расстреле Пишегрю, двадцать часов бывшим хозяином Парижа, то те, кто услышали почти точно это за неделю раньше от фельдфебеля, были немало поражены.

Прошедшая незамеченной и канувшая в вихре наполеоновских войн и переделов Европы, статья была вытащена с запыленных полок Библиотеки Австрийской Медицинской Академии почти полтора века спустя. В феврале 1940 года основательная СД Австрийского протектората заинтересовалась утечкой информации из Генштаба III Рейха, просочившейся наружу в госпитале для инвалидов Мировой войны с ампутацией четырех конечностей, расположенном за окраиной живописного городишка Брегенц, на самой швейцарской границе, близ Баденского озера. Лежавший там с 1916 года лейтенант рейхсвера Альберт Раппе вскоре после раздела Польши нарисовал с большой точностью картину французской кампании мая 1940 года. Он утверждал фланговый обход линии Мажино и движение дивизии Гудериана рокадным маршрутом к Дюнкерку, угадав даже, что это будет сопровождаться нарушением останавливающих приказов Генштаба и пренебрежением к действующему Уставу наземных войск, а именно чрезмерным отрывом не только от тылов, но и своей мотопехоты.

В палате Раппе изложил группе сотрудников гестапо, прибывших под видом психологов, план Барбаросса и удачную кампанию 1941 года, попутно предрекая тяжелую зиму, бомбардировку англичанами Киля и африканскую экспедицию Роммеля. Однако доставленный на самолете в Берлин, он начал путаться и сбиваться в своих взглядах на будущее. Настаивал на вступлении в войну США и образовании второго фронта, при этом не опровергая грядущую победу над Англией, оккупацию Турции объяснил как этап выхода к Индийскому океану, а в союзники Японии дал Бирму. Он категорически утверждал, что источников информации не было, и вообще никакой информации не было, а просто он над этим много размышлял и ясно увидел умом, и это будущее так же достоверно, как настоящее. Консультации с астрологами, пользующимися личным доверием фюрера, равно как и применение допроса третьей степени, ничего не дало.

С частью архива РСХА дело Раппе было вывезено весной 45-го года в Шварцвальд, под Фрейбург, где и попало в руки американцев. После фильтра УСС⁷ оно перекочевало в Институт II Мировой войны, откуда копия и поступила в ГРУ в 1951 году.

К тому времени в аппарате ГРУ ничто уже не проходило мимо людей Берия. К тому времени Лаврентий Павлович уже отчаянно боролся с Хозяином за свою жизнь, и умел мгновенно оценивать и использовать любые возможности. Весной 52-го многочисленные инвалиды со своими тележками на роликах и крючками из плеч как-то сразу исчезли с базаров, закоулков и заплыванных скверов у пивных ларьков. Старики еще помнят, как между делом пообсуждали это и бросили за текучкой жизни.

Один из тысяч безымянных «почтовых ящиков» Министерства Обороны – закрытый институт, курируемый Берия – провел первые опыты на Соловках, где в огромном монастыре бывший лагерь для заключенных сменился изолированным от мира госпиталем для самоваров, по всем документам давно уже не числившихся в живых. И довольно быстро выяснилось, что:

1) способность к прорицанию у разных раненых разная – от низкой, практически не отличающейся от таковой у обычного человека – до чрезвычайно высокой, не поддающейся

⁷ УСС – Управление Стратегических Служб, политическая стратегическая разведка, в 1948 г. преобразована в ЦРУ.

никакому научному истолкованию; 2) эта способность уменьшается при одиночной изоляции и может многократно увеличиваться в коллективе себе подобных, прошедших психологическую притирку в замкнутом пространстве, каковым, собственно, всегда является госпитальная палата; 3) это напрямую никак не зависит от профессии, образования, возраста и жизненного опыта; 4) наибольший эффект достигается при совмещении лиц разного возраста, темперамента, интеллекта (как это ни странно); 5) оптимальная численность группы от шести до девяти человек.

И был уже достигнут практический результат. Берия пережил Хозяина. Но, как везде в Союзе, специфика рабочих отношений не позволяла учесть одно: тот, кто ставил задачу исполнителям, слышал от них то, что он хотел услышать, и не слышал того, чего услышать не хотел. Дурачков нема, знает мышка про кошкины когти, и отольются кошке мышкыны слезы. А кто ж Берию любил. Вот его и шлепнули без всяких предупреждений.

Можно подумать, что Лаврентий Павлович не понимал толк в этих играх. 5 марта умер Сталин, 7 марта группа была ликвидирована; разумеется. Такие свидетели не живут, в чем бы ни выражалась их причастность и как бы ее ни объясняли эти ученые. Но процесс был уже запущен, поздно.

А с расстрелом Берия и сменой аппарата эксперимент прекратился – структурные передвижки МВД-МГБ разрушили тонкую и надежно засекреченную нить управления им. Проводимая в спешке, как всегда бывает при катаклизмах, чистка архивов привела к тому, что институт еще год проработал вхолостую, понятия не имея, как и прежде, как ему и полагалось, кому и зачем нужны его результаты. За видимой бессмысленностью его занятий он и был через год закрыт. А госпиталь продолжал жить в рамках спецотдела МО и на его бюджете без всяких там дополнительных значений.

И лишь при Хрущеве референтура роющего землю Шелепина выудила из бумажных гор обрывки странноватых упоминаний, и Железный Шурик пустил КГБ по следу, как таксу в заваленную нору.

3.

А вместо политинформации происходит организованный коллективный просмотр фильма на историко-патриотическую тему.

В серебряном экранном луче льет плавный металлический блеск вращение монумента «Рабочий и колхозница». Мосфильм, Первое творческое объединение, 1991. В трагической громовой россыпи аккордов «Апассионаты», на фоне вспышки бакового орудия «Авроры», лезущих на узорчатые ворота Зимнего матросов с винтовками, бронепоезда под красным флагом в выжженной донской степи, суровой колонны людей с красными бантами на черных кожанках и узкими ремешками маузеров через плечо, рдеет и разгорается багрянец:

РОЖДЕННЫЕ РЕВОЛЮЦИЕЙ

Ленин – Ролан Быков

Сталин – Владимир Этуш

Троцкий – Савелий Крамаров

Дзержинский – Сергей Филитов

Каменев – Владислав Брондуков

и – и

Зиновьев – Семен Фарада

Крупская – Инна Чурикова

Инесса Арманд – Лия Ахеджакова

Натурные планы переходят с до боли знакомых булыжников Красной площади и башен Кремля на пустые, холодные заводские цеха, прокуренные казармы, аскетические кабинеты с бессонными лампами, перемежаясь – крупно – лицами вождей.

Ленин: Блядь, ну же мы и навоготили. Хули теперь делать-то? По этому вопросу необходимо посоветоваться с товагищем Сталиным.

Сталин (*раскуривает трубку*): В бранэвики – и на почтампт, а там вокзал рядом.

Зиновьев: Владимир Ильич, между прочим в Разливе вы были не с чайником, а со мной. А потом историки фальсифицировали, что с чайником. Как материалисты мы с вами понимаем, что материя первична, и как ни изображай художники вас у шалаша, а меня над костром чайником на палке, я не чайник. А если я кипел, так это я вас еще тогда предупреждал!

Арманд: Ах, и вы были у него на палке, товарищ? Володя, это не по-партийному. Устав партии отрицает подобные формы внутривартийной борьбы. Почему ты скрывал от меня?

Ленин: От тебя скгывал?! Наобогот, я пгизывал социал-демокгатов Евгопы не закгывать глаза на геволюционную геальность. Большевики не стыдятся своих взглядов, я готов показать тебе в любой момент. (*Показывает.*)

Сталин (*раскуривает трубку*): Напэчатайте это во всэх завтрашних газетах, пусть ужаснутся враги нашей рэволюции, что их всэх ждет.

Троцкий (*патетично*): Победное шествие революции по всему миру неостановимо, товарищи! Революция не может кончиться!

Дзержинский (*почесываясь*): Кого не может кончить? Пся крев, может.

Ленин: А вы, товагищ Тгоцкий, политическая пгститутка, и чья бы когова мычала. Вы не пгавы. Лейба, холодноковнее, вы не на габоте, пегестаньте возбуждаться. Не тгогайте г'гязными лапами завоевание геволюции!

Крупская: Володенька, зачем тебе еще проститутки? От твоего революционного напора у меня уже и так аж глаза выпучиваются, а это пугает пролетарских детей, когда я о них забочусь и угощаю конфетами фабрики имени себя. Забочусь, а сама думаю: вот сейчас вопрет! конечно тут выпучишься. А ты бегаешь к этой селедке Арманд.

Сталин (*протягивая ей трубку*): На, пасаси, и болше нэ просы.

Ленин: Товарищ Сталин подошел бы на должность генерального секгетага нашей пагтии, если бы не его чгезмегная г'губость.

Дзержинский (*почесывая подмышку*): Быдло, пся крев.

Зиновьев: Я не чайник, лысый хуй!

Дзержинский: А вот у меня чистые руки, Владимир Ильич, давайте я потрогаю.

Ленин: Вы пегепутали, Феликс Эдмундович, это не вам, а мне всех хочется по головке гладить.

Сталин (*хмуро*): Вы по два утюга в день ломаете, товарищ Ленин.

Арманд (*любовно*): Ах, а ведь мог бы бритвой по глазам.

Крупская (*ревниво наступая каблуком ей на ногу*): Самый человечный человек.

Троцкий (*высокомерно, Сталину*): А ты дай ему ледоруб.

Сталин: Мы учтем ваше пажелание, товарищ Троцкий.

Каменев: Совершенно верно. (*Получает от Троцкого затрецину, соглашается.*)

Ленин: А вы что подскакиваете, товагищ Каменев? Нетвегдо стоите на нашей платформе? Агхитгудно габогать с вами, товагищи. Вот и Феликс Эдмуидович шатается! Утегяли геволюционную ориентация, батенька? Вы на ксендза учились или на гаввина? Ну-ка скажите честно товагищам: вы сколько дней не ели?

Дзержинский (*почесываясь*): Кого? А вообще – четыре дня.

Ленин (*заботливо*): Немедленно спать!

Дзержинский: А в какой руке джентльмен должен держать котлету, если в правой руке он держит маузер, а в левой – горло мировой контрреволюции?..

Ленин (*протирая руки*): А вот сейчас чайку гогаченького сваг'ганим!

Зиновьев: Не смейте меня трогать!

Сталин (*хмуро*): Временные трудности с чайком, товарищ Ленин. Врагы народа все выпили с бэзродными космополитами. Как учит нас всепобеждающее учэние, если в кране нэт воды – значит, выпили жида, панымаешь.

Каменев: Не исключен и такой вариант. (*Получает от Сталина тычок, соглашается.*)

Ленин (*растерянно*): То-то у меня струя такая светлая...

Троцкий (*высокомерно*): Нам нужна Новая экономическая политика. Или краска для потемнения струи.

Ленин: А вот тезисы мои воговать не надо, это моя гениальная мысль, а не ваша, а вы как были политической пгоституткой, так ею и останетесь!

Крупская (*взвизгивая*): Володенька, прекрати щипать меня за жопу, мне уже сидеть не на чем!

Ленин: Надежда Константиновна, вы агхинепгавы. По этому вопгосу нужно посоветоваться с товагищем Сталиным.

Сталин (*хмуро*): Будэт сидеть – я сказал! А партия прыкажет – и лежать будэт.

Дзержинский (*недослышав, стреляет из маузера в потолок*): Ложись, контра! пся крев...

Каменев (*ложась, соглашается*): Возможен и такой подход.

Троцкий (*патетично*): У вас тут ни мира, ни войны, никакого поступательного движения железных когорт нестигаемых борцов мировой революции! Вместо того, чтоб вылезать из жопы, вы ее щиплете, ревизионисты. Массы нужно вдохновить па борьбу, вот посадить голой женой на кактус!

Ленин (*показывает язык*): Пгоститутка! Пгоститутка! Пгоститутка!

Сталин (*ныхает трубкой*): А ви поезжайте куда-нибудь в Мексику, товарищ Троцкий, а кактусы вам Политбюро обеспечит.

Зиновьев: А чайника ему с собой не давать!

Арманд: Ах. Меня радует отношение партии к проституции...

Каменев: Хорошее дело.

Арманд: Революция раскрепостила женщину, но пока не дала ей средств к существованию...

Дзержинский (*почесываясь*): Дать ей пизды, пся крев.

Сталин (*хмуро*): Наша партия нэ бляд, чтобы каждому давать.

Арманд: ...кроме упомянутого товарищем Дзержинским партийного органа. Это революционно-артистическая профессия, ведь именно актеры и проститутки не имеют ничего, даже цепей, только собственное тело...

Каменев (*соглашаясь, ошупывает ее*): Хорошее тело.

Сталин: Что значит «собственное», товарищ Арманд? Вы член партии?

Арманд: Не надо пугать меня членом партии!

Сталин: Я – член партии!

Арманд: Ах... И к этому телу пролетарская революция должна протягивать руку в первую очередь, опираясь на истинных пролетарок упомянутого товарищем Дзержинским органа преобразования действительности.

Каменев (*соглашаясь*): Хороший орган.

Ленин: А из золота мы будем делать гондоны!

Троцкий (*высокомерно*): Кремлевский мечтатель.

Каменев (*соглашаясь*): И нужники. (*Подпрыгивает от грохота.*) Что это загремело?

Троцкий: Им, гагарам, недоступно наслажденье счастьем битвы, гром ударов их пугает! (*Ударяет Каменева.*) Это Железный Феликс споткнулся.

Ленин: Дочесался, стукач проклятый. Что вы все чешетесь? Забыли мыло геквизиговать?

Дзержинский: Вы же сами говорили, Владимир Ильич, что у рыцаря революции должны быть чистые только руки. А тут вот беспризорных детей собирали по подвалам, окружали заботой, ну и конечно...

Ленин (с интересом): И много подвалов освободили? О! Немедленно посадить туда всю контрреволюционную сволочь и гастрелять!

Сталин (раскуривая трубку): Мнэ адну девочку оставьте, я ее буду на руках держать.

Ленин: И мне штукек десять... нет, семь... ну, пять доставьте в Горки на Новый Год, я с ними буду хоговод водить. *(Присаживается на ступеньку трибуны, быстро пишет.)*

Крупская: Володенька, что ты там все пишешь?

Ленин: Мандаты, Наденька, мандаты.

Крупская (вытучивая глаза, обиженно): Сам ты лысый хуй.

Каменев: Да, укатали сивку крутые Горки...

Звонит телефон.

Сталин (берет трубку): Ленин и Сталин у прямого провода. Нэт... Нэт... Нэт.. *(Кладет трубку.)* Ходоки пришли. Фэликс, разбэрьсь.

Дзержинский (выходя с обнаженным маузером): Ну, кто еще хочет комиссарского тела? *(Слышны выстрелы.)*

Зиновьев: Хуй им, а не чаю!

Ленин (читает написанное): Социалистическая геволуция, о необходимости котогой так долго и упогно говогили большевики – свегшилась!

Сталин: Вах!

Ленин (продолжает читать): Из всех искусств для нас важнейшим является вот такое кино.

Арманд: Ах, только для тех, кто не знаком с высоким искусством любви...

Крупская (вытучивая глаза): Когда же прекратится это блядство!

Сталин (хмуро): Заткнитэсь, бляди, когда джигиты говорят. Товарищ Ленин, партия может найти вам другую вдову. Чтоб она нэ пучила глаза на товарищей по партии.

Дзержинский (входя с мешком): Владимир Ильич, это вам от ходоков *(достает из мешка водку, хлеб и сало).*

Ленин (вертит в руках пустой мешок, отдает обратно): Все лучшее – детям!

Дзержинский (примеривая мешок): Вот наловим по подвалам – хоп! – а мешок уже есть.

Сталин (пьет водку, разглаживает усы): Жить стало лучше, товарищи, жить стало веселей.

Троцкий (высокомерно): А сало кошерное?

Ленин: Пгоститутка. *(Ломает каравай):* Я же говогил, что должен быть хлеб в стгане, товагищи.

Троцкий (высокомерно): Гусь свинье не товарищ.

Ленин: Да? Тогда я полетел. В Цюгих.

Троцкий: Из вас товарищи, как из моего хуя оратор: встанет – и молчит.

Дзержинский (не расслышав, стреляет в потолок): Стоять!!! Молчать!!!

Ленин (выпив, мечтательно): Помню, батенька, в апгеле семнадцатого выпил я водочки из чайника, потом забгался на бгоневичок, и тако-ого наговогил...

Зиновьев: Из какого чайника?! Мы же вместе писали апрельские тезисы!

Сталин: Грамотный очэнь, да?

Крупская (пуча глаза): Так вот почему мне пришел тогда счет за вытрезвитель!

Ленин (*хмеля*): Выйду я на хуй из такого ЦК! Тут геволуция в опасности, а они о каких-то счетах, каких-то чайниках!

Сталин: Рэволюция нэ целка. Патэрпит.

Ленин: Обгашусь к нагоду!

Сталин: И что ты ему скажешь? «Снимай штаны, вставай раком, еще эбать буду»?

Троцкий (*патетично*): Рак, этот символ мелкобуржуазной стихии мещанства, пятящийся в смертельном страхе от рокового меча карающего гнева угнетенных масс!.. Дайте чаю горло промочить, пересохло...

Зиновьев: Пошел на хуй!

Ленин: Проклятый чайник, ты завалил всю скобяную промышленность! (*Дает пинка Каменеву.*)

Каменев: Мы выступаем против необдуманных шагов.

Ленин: Коба, блядь, я жив не буду, стгеляй!!!

Крупская: Вовка, прекрати истерику, не шлялся бы в Париже по блядям – не подцепил бы сифон. Ну пойдем в туалет, я тебе подрочу, успокоишься.

Ленин: Феликс Эдмундович, а вы никогда не пгобовали заниматься онанизмом?

Дзержинский (*почесывая пах*): Ну что вы, Владимир Ильич...

Ленин: А пгепгитнейшая, доложу я вам, батенька, штука! И очень успокаивает.

Троцкий (*патетично*): И вечный бой! Покой нам только снится! Бегут рабочие от нас через границу!

Сталин: Кармить нэ надо, они и нэ пабегут.

Дзержинский (*чешет ухо*): Расстреляем хамов, пся крев, в чем вопрос.

Троцкий (*высокомерно*): А в том, что мы еще не все взяли.

Арманд: Так возьмите ж меня все!

Дзержинский: Это ничего, что у маузера мушка острая?

Арманд: Ах... шпанская? Революция раскрепощает все виды сексуальных отношений, и если у вас, кроме маузера, ничего не стоит...

Дзержинский: Я с ним живу. У рыцарей нет времени на личную жизнь.

Зиновьев: Хуй тебе, а не чаю, гомосек проклятый!

Троцкий (*овладевая сзади Арманд*): Родятся новые поколения неустрашимых борцов за счастье трудового народа!

Арманд: Ах, почему обрезанные такие шершавые?..

Ленин: Пгоститутка! Вводи шегшавого! (*Овладевает сзади Троцким*).

Сталин (*хмуро*): Учение Ленина-Сталина всеильно, потому что оно верно. (*Овладевает Крупской.*)

Крупская (*вытучивая глаза*): Что вы делаете, товарищ секретарь!

Сталин: Эбу, нэ слышишь, да?

Крупская: Я пожалуюсь товарищу Ленину!

Сталин: Лэнин сегодня – это я.

Крупская: Тогда, пожалуйста, немножечко левее... и немножечко ниже... и чуть-чуть быстрее... и чуть поглубже...

Сталин (*раскуривая трубку*): Надежда Константиновна, в конце концов, я нэ понимаю: кто кого эбет – вы меня, или я вас?

Каменев: Совершенно верно (*получает трубкой в лоб*). На тернистом пути мы обретем согласие. Должны же мы его когда-нибудь обрести????!!!

Дзержинский (*чешет яйца*): Как рыцарским шлемом-то натерло!..

Крупская: Усатенький, дай хучь на пиво.

Сталин: Золотой запас кончился.

Ленин (*растерянно*): Да? А из чего мы будем делать нужники?

Сталин: Зачѐм? Хлебный запас тоже кончился.

Троцкий (*в телефон*): Пожалуйста, один билет бизнес-классом до Мексико. Да, пусть товарищ Сикейрос встретит.

Каменев (*глядя на гармошку совокующихся, с облегченным вздохом*): Партия – это монолит!

Дзержинский (*кашляет*): Ебется ЦК, а чахотка у ЧК.

Арманд: Ах!.. Ах!..

Крупская: Уф... Уф...

Зиновьев (*Каменеву*): Пойдем чай пить. Мы их предупреждали.

Блям-блям-блям! Рекламная па-ауза:

Рота залегла в чистом поле – строчит пулемет из дзота, не давая поднять головы. Командир приказывает солдату – тот лежа отдает честь и ползет к черной щели амбразуры, где пульсирует огонек. Подобравшись, солдат достает что-то из кармана и ловко затыкает дуло пулемета – стрельба смолкает. С облегченной улыбкой солдат гордо показывает зрителю коробочку:

«Тампакс – это полная безопасность!»

Урра! – рота встает и ликующе наступает.

Блям-блям-блям!

Морское сражение: надутые паруса, мачты рушатся, борта клубятся дымом залпов. Ядро проламывает корпус корабля, внутрь хлещет вода, корабль кренится, тонет. Внутри матросы пытаются заделать течь, но доски и брусья выбивает из дыры потоком воды. Старшина делает успокаивающий жест, достает что-то из аптечного ящика и затыкает дыру. Течь прекратилась! Все в восторге смотрят на коробочку:

«Тампакс – это ваше спасение в любой ситуации!»

И корабль с реющим вымпелом гордо удаляется к закату.

Блим-блим-блим!

Дым извергающегося вулкана застилает небосвод, всё гибнет в копоти. С небес простирается рука и чем-то затыкает кратер. И под лазурным небом сияет радостная и нарядная жизнь.

«Тампакс – вот чего не хватало мне при сотворении мира!»

4.

...ЖАРА в Москве вначале была незаметна. То есть, конечно, еще как заметна, но кого же удивишь к июлю жарким днем. Потели, отдувались, обмахивались газетами, в горячих автобусах ловили сквознячок из окон, страдая в давке чужих жарких тел, и неприятное чувство прикосновения мирилось только, если притискивало к молодым женщинам, которые старались отодвинуть свои округлости не столько из нежелания и достоинства, но просто и так жарко. «Ну и жара сегодня. – Обещали днем тридцать два. – Ф-фух, с ума сойти!» Хотя с ума, разумеется, никто не сходил. Дома отдыхали в трусах, дважды лазая под душ.

Так прошел день, и другой, и столбик термометра уперся в 33. Ветра не было, и в проклятом воздухе стояли городские испарения. Одежда пропотевала и светлый ворот пачкался раньше, чем добирался от дома до работы. Расторопная московская рысь сменялась неспешной южной перевалочкой: иначе уже в прохладном помещении с тебя продолжал лить пот, сорочки и блузки размокали, и узоры бюстгалтеров проявлялись на всеобщее обозрение – откровенно не носившие их цирцеи сутулились, отлепляя тонкую ткань от груди, исключительно из соображений вентиляции.

По прогнозам жара уже полагалось спастись, но к очередному полудню прогрев достиг 34. Это уже случалось в редкий год. Скандальный «Московский комсомолец» выдавал хронику сердечных приступов в транспорте и на улицах, и в метро врубили наконец полную вентиляцию, не работавшую из экономии энергии лет пять. Ошалевшие граждане в гремящих вагонах наслаждались прохладными потоками.

Суббота выдала 35, и на пляжах было не протолкнуться. Песок жег ступни: перебежали, поухивая. В тени жались вплотную; энтузиасты загара обтекали на подстилки, переворачиваясь. Парная вода кишела.

Воскресные электрички были упрессованы, будто объявили срочную эвакуацию, тамбуры брались с боя. Москва ринулась вон, на природу, под кусты, на свои и чужие дачи; под каждым лопухом торчала голова, и в глазах маячило извещение: хочу холодного пива.

Продажа пива и лимонада действительно перекрыла рекорды. Главным наслаждением манило глотнуть колющееся свежими пузырьками пойло из холодильника, фирмы сняли с телевидения рекламу прохладительных напитков: и так выпивали все, что течет.

С каким-то даже мазохистским злорадством внимали:

– Метеоцентр сообщает: сегодня в Москве был зафиксирован абсолютный рекорд температуры в этом столетии – в отдельных районах столицы термометры показали +36,7 С. На ближайшие сутки ожидается сохранение этой необычной для наших широт жары, после чего она начнет спадать. Падение температуры будет сопровождаться ливневыми дождями и грозами.

Дышать стало трудно. Солнечная сторона улиц вымерла. Плывая в мареве по мягкому асфальту, прохожие бессознательно поводили отставленными руками, стремясь охладиться малейшим движением воздуха по телу.

Июль плыл и плавился, и солнце ломило с белесых небес.

И долгожданные вечера не приносили облегчения и прохлады. Окатив водой полы, спали голыми поверх простынь, растворив окна, и утром вешали влажные постели на балконах, где уже жег руки ядовитый ультрафиолет.

Дождей не было, а поднялось до 38, и это уже запахло стихийным бедствием. Примечательно, что те, чьей жизни непосредственно жара не угрожала, не болело сердце и не подпирало давление, воспринимали происходящее не без любопытства и даже веселого удовлетворения: ох да ни фига себе! ну-ну, и долго так будет? вот да.

Сердечникам было хуже. Под сиреной летала «скорая», и десяток свалившихся на улице с тепловым ударом увозился ежедневно.

Вентиляторы – настольные, напольные, подвесные и карманные, с сектором автоповорота и без, простые и многорежимные – стали обязательной деталью быта; вращение, жужжание, комнатный ветерок вошли в антураж этого лета.

А явно заболевший паранойей градусник показал 39, и его приятель и поделник барометр мертво уперся в «великую сушь».

– Ниче-го себе лето!..

Полез спрос на автомобильные чехлы, и только белые, отражающие солнце. Оставленная на припеке машина обжигала, сидение кусало сквозь одежду – рвали с места, пусть скорей обдует. Богатые лепили автомобильные кондиционеры, что в странах жарких нормально или даже обязательно.

Кондиционер стал королем рынка электротоваров. Их ящики выставились в окна фирм, и теплая капель с фасадов кропила прохожих, оставляя неопрятные потеки на тротуарах.

На верхние этажи вода доходила только ночью. Набирали кастрюли и ведра для готовки, наполняли ванну – сливать в унитаз, мыться из ковшика над раковиной.

В связи с повышенной пожароопасностью лесов были запрещены выезды на природу, станции и шоссе перекрыли млеющие пикеты ГАИ и ОМОНа. Зыбкий желтоватый смог тлел над столицей.

В этих тропических условиях первым прибегают к маркизам (забытое слово «маркизет»!) Мак Дональдс. Жалюзи помогали мало и закрывали витрины – над витринами простерлись, укрыв их тенью, навесы ткани. И спорые работяги на телескопических автовышках монтировали металлические дуги на солнечные фасады – Тверская и весь центр расцвелились, как флагами, пестрыми матерчатыми козырьками.

– О черт, да когда ж это кончится... ф-фу, Сахара...

Появились объявления: «Прачечная временно закрыта по техническим причинам». «Баня временно не работает в связи с ремонтом водопровода».

– Небывалая засуха поразила Подмоскovie. Пересыхание источников привело к обмелению многих водоемов. Уровень воды в Москва-реке понизился до отметки два и семь десятых метра ниже ординара.

При 40 реальную нехватку воды ощутили заводы. Зеркала очистных сооружений и отстойников опускались, оставляя на месте водной глади бурю вонючую тину, под иссушающим зноем превращающуюся в шершавую слоеную пленку.

Караванами поперли многотонные фуры с прицепами воду в пластиковых канистрах из Финляндии и Германии, канистры эти с голубыми наклейками продавались во всех магазинах и ларьках.

А градусник лез, и был создан наконец Городской штаб по борьбе со стихийным бедствием, который возглавил мэр Москвы Юрий Лужков. Жесткий график почасовой подачи воды в жилые кварталы. Советы в газетах: носить только светлое, двигаться медленно, не выходить на солнце, много пить, употреблять холодную пищу, и веселая семейка в телепередаче «Семейный час» деловито делилась опытом: ка-ак только дают воду – муж быстро моет полы, жена шустро простирывает (не занасивать!) белье, дочь резво споласкивает (не жрать жирного в жару!) посуду – двадцать минут, потом по очереди скачут в душ, семь минут на человека, вытираться уже в коридоре – еще двадцать минут, и еще двадцать минут наполняется ванна на предстоящие сутки: час – и все в порядке, все чисто и свежи.

Раньше плана и вообще вне плана вставали предприятия и конторы на коллективный отпуск. Все равно работать считай бросили. Устали. Ждали спада, дождя, прохлады.

И появились голубые автоцистерны-водовозки. Загремели ведра. Активисты из жильцов собирали деньги по графику: машина заказывалась по телефону, фирмы развернулись мигом, возили из Шексны и даже Свири, дороже и престижней была ладожская вода, но очереди на вызов росли, машин не хватало.

И вышла на улицу ветхая старушка с забытым в истории предметом – довоенным солнечным зонтиком. Гениально – идти и нести над собой тень! Цены прыгнули ажиотажно, крутнулась реклама, контейнеры бамбуковых зонтов с росписью по синтетическому шелку поволокли челноки из Китая.

– Слушайте, это ж уже можно подохнуть! Что делается?! Ничего себе парниковый эффект пошел.

– Ну, не надо драматизировать. Для Ташкента – нормальная летняя температура.

Здесь был не Ташкент, и при сорока трех градусах стали жухнуть газоны. Ночами поливальные машины скупно обрызгивали только самый центр. Листва сворачивалась и шуршала сухим жестяным шорохом.

Духота верхних этажей под крышами стала физически труднопереносимой. Городской штаб изучал опыт Юга и изыскивал меры: крыши прогонялись белой, солнцезащитной, краской – эффект! Любая белая краска вдруг стала (еще одно забытое слово) «дефицитом» – граждане самосильно защищались от зноя.

Не модой, но формой одежды сделались шорты. Модой было, напротив, не носить темных очков и настоятельно рекомендуемых головных уборов. Отдельная мода возникла у стриженных мальчиков в спортивных кабриолетах – белые пробковые шлемы.

Первыми на ночной график перешли рестораны – те, что и были ночными, просто закрывались днем за ненадобностью. С одиннадцати до пяти дня прекратили работу магазины, наверстывая утром и вечером. И очень быстро привычным, потому что естественным, стало пересидеть самую дневную жару дома, отдохнуть, вздремнуть – вошла в нормальный обиход съеста. Замерла дневная жизнь – зато закипела настоящая ночная: в сумерки выползал народ на улицы, витрины горели, машины неслись – даже приятно и романтично, как отдых в Греции.

На сорока пяти все поняли окончательно, что дело круто не ладно. Ежедневно «Время» информировало о поисках учеными озоновой дыры и очередном климатическом проекте. Информация была деловито-бодрой, но причины феномена истолкованию не поддавались.

В пожарах дома полыхали, как палатки. Пожарные в касках и брезенте валились в обмороки. Пеногонов не хватало, воды в гидроцентралях не было, телефонные переговоры об аварийном включении не могли не опаздывать. В качестве профилактических мер отключили газ; плакаты заклинали осмотрительно пользоваться электроприборами и тщательно гасить окурки. За окурки на сгоревшем газоне давали два года.

На сорока семи потек асфальт тротуаров и битум с крыш. Под кондиционером дышать можно было, но передвигаться днем по городу – опасно: босоножки на пробковой подошве (иная обувь годилась плохо) вязли, а сорваться босиком – это ожог, как от печки.

Опустели больницы. В дикой сауне палат выжить не мог и здоровый. Одних забрали родственники, другие забили холодильники моргов.

Ночами экскаваторы еще рыли траншеи кладбищ. Стальные зубья ковша со звоном били в спекшуюся камнем глину.

И перестал удивляться глаз трупам на раскаленных улицах, которые не успел подобрать ночной фургон. Газы бродили в их раздутых и с треском опадающих животах, кожа чернела под белым огнем, и к закату тело превращалось в сухую головешку, даже не издающую зловония.

Но и при пятидесяти город еще жил. По брусчатке старых переулков и песку обугленных аллей проскакивали автомобили, на асфальтовых перекрестках впечатывая глубокие черные колеи и швыряя шмотья из-под спаленных шин. Еще работали кондиционированные электростанции, гоня свет и прохладу деньгам и власти. Прочие зарывались в подвалы, дворницкие, подземные склады – в глубине дышалось.

Еще открывались ночами центральные супермаркеты, зовя сравнительной свежестью и изобилием, а для бедных торговали при фонариках рынки. Дребезжали во мгле автобусы, и пассажиры с мешками хлеба и картошки собирали деньги водителю, когда путь преграждал поставленный на гусеничные ленты джип с ребятками в белых балахонах и пробковых шлемах, небрежно поглаживающих автоматы.

Днем же господствовали две краски: ослепительно белая и безжизненно серая. В прах рассыпался бурьян скверов, хрупкие скелетики голубей белели под памятниками, а в сухом мусоре обнажившегося дна Москва-реки дотлевали останки сожравших их когда-то крыс, не нашедших воды в последнем ручейке.

Дольше жили те, кто собирался большими семьями, сумел организовать, сообща заботиться о прохладе, воде и пище. Ночами во дворах мужчины бурили ручными воротами скважины, стремясь добраться до водоносных пластов. Рыли туалеты, строили теньевые навесы над землянками. По очереди дежурили, охраняя свои скудные колодцы, группами добирались до рынков, всеми способами старались добыть оружие.

Спасительным мнилось метро, не вспомнить когда закрытое: передавали, что там задохнулись без вентиляции; что под вентиляционными колодцами властвуют банды и режутся меж собой; что спецхрана защищает переходы к правительственному городу, стреляя без предупреждения; что убивают за банку воды.

Градусники давно зашкалило за 55, и в живых оставались только самые молодые и выносливые. Телевизоры скисли давно, не выдержав режима, но держались еще древние проводные

репродукторы, передавая сообщения о подземных стационарах, где налаживается нормальная жизнь, о завтрашнем спаде температуры – и легкую музыку по заявкам слушателей.

Свет и огонь рушились с пустых небес, некому уже было ремонтировать выгнутые рельсы подъездных путей и севший бетон посадочных полос, и настала ночь, когда ни один самолет не приземлился на московских аэродромах, и ни один поезд не подошел к перрону.

Последним держался супермаркет на Новом Арбате, опора новых русских, но подвоз прекратился, замер и он, и ни один автомобиль не нарушил ночной тишины.

С остановкой последней электростанции умолк телефон, прекратилось пустое гудение репродуктора, оборвали хрип сдохшие кондиционеры.

Днем город звенел: это трескались и осыпались стекла из разошедшихся перекошенных рам, жар высушивал раскрытые внутренности домов, постреливала расходящаяся мебель, щелкали лопающиеся обои, с шорохом оседая на отслоенные пузыри линолеума. Крошкой стекала с фасадов штукатурка.

Температура повышалась. Слепящее солнце пустыни било над белыми саркофагами и черными памятниками города, над рухнувшей эспланадой кинотеатра «Россия», над осевшими оплавленными машинами, над красной зубчаткой Кремля, легшими на Тверской фонарными столбами, зияющими вокзалами...

5.

Место хранения: Центральный Архив КГБ СССР – ФСБ РФ, Москва, Лубянская площадь д. 1, этаж 02, ком. 0252, отдел 4, стеллаж Е8, полка 6.

Личное дело № КА XII 713 Г.

Лл. 1 – 308.

Фамилия: Юровский

Имя: Генрих

Отчество: Иванович

Год рождения: 20.III.1911 г.

Место рождения: г. Могилев губернский.

Пол: мужск.

Национальность: русский.

Происхождение: из рабочих.

Отец: Юровский Иван Абрамович, 1880 г.р..

слесарь локомотивного депо.

Мать: Шкиркова Татьяна Маньевна, дом. хозяйка, 1887 г.р.

Партийность: член ВКП (б) с 1930 г.

Образование: общеобразовательная единая трудовая школа 1 ступени. Школа НКВД С.С.С.Р.. Высшие курсы НКВД СССР.

Место работы и должность: уполномоченный Гуляй-Польского районного ОВД Черниговской обл.; зампредела председателя продовольственной комиссии Черниговского ОКВД; начальник оперативной группы Ленинградского ОУВД; старший следователь 2 ГУ НКВД; начальник отдела «Г» 2 ГУ НКВД-МВД СССР; начальник ИТК № 4719 «л» МГБ СССР.

Служебные характеристики: Характер иудео-славянский, управляемый. Спортсмен, значкист ГТО 1 степени. С товарищами по работе поддерживает дружеские отношения, способен выпить литр не пьянея. Удовлетворительный стрелок, личным оружием владеет, при необходимости неоднократно исполнял обязанности исполнителя. Нетерпим к врагам народа. Будучи замечен в порочащих связях, неизменно разоблачал врагов народа.

Правительственные награды: орден Боевого Красного знамени, орден Красной Звезды, медали: «20 лет РККА», «За оборону Москвы», «За Победу над фашистской Германией», «30

лет Советской Армии», нагрудный знак «Почетный чекист». Неоднократно отмечался личными благодарностями наркома.

Семейное положение: женат, имеет двух дочерей.

Уволен из кадров по болезни как инвалид 1 степени (облитерирующий эндартериит).

Удостоверение личности № 20713 Г сдано 10.VI.1947.

Паспорт ЛА № 697640 выдан 29.VI.1947 Ленинским РОВД г. Магадан.

Ф.И.О. паспорта: Васильченко Евгений Иванович 1910 г.р.

Каведо любит вспоминать о трудностях и опасностях своей службы. Подписка о бессрочном неразглашении здесь никого не колышет: информацию можно считать не только затухающей, но и практически полностью заблокированной, изъятой: кто сюда попал, не разгласит уже ничего.

Тяжелее всего, тем паче по молодости, было людоедство во время голода на Украине, когда он работал уполномоченным. Расстрелов не боялись – все равно вымирать, от голода сходили с ума. Серые скелеты брели по дорогам, ложились в пыль и канавы и замирали. Въезды в города перекрыли нарядами НКВД. По ночам с павших, которых не успевали свезти на телегах в балки и закидать землей, тихие тени срезали сухие полоски плоти с бедер и ягодич. В 31 году он арестовал женщину, которая через полчаса умерла в машине. Она съела своего четырехлетнего сына, причем сварила мясо ночью, «чтобы запахом приготавливаемой пищи не привлечь внимание соседей». Отрезав кухонным ножом сыну головку, поставила ее на стол на его детскую тарелочку, умывала по утрам, причесывала, разговаривала с ней, какой он хороший мальчик, вкусный, мамочка его любит, мамочка его всего скушает, он послушный, хорошо себя ведет, умничка, и не надо плакать, мыло не ест глаза, сейчас мамочка смоем водичкой, вот так. На вопрос, зачем она покрыла головку газетой, она удивленно ответила, что ведь мухи, они же щекотятся, мешают, а у мальчика же теперь нет ручек, чтоб их отогнать.

Вот тогда Каведо начал сидеть и начал пить.

Не легче было и в конце тридцатых в Ленинграде. Приказ производить аресты ночью был гуманным и разумным – меньше шума, слухов, фактор неожиданности. Но отдавать приказы очень легко, а проводить их в жизнь очень трудно... Все отлично знали, что означает ночью шум мотора и хлопанье дверей под окнами. После этого надеяться было уже не на что, звонок в дверь был приглашением на казнь, и не быструю и легкую, а в пытке и душевной муке: ты предавал перед смертью все, что было тебе дорого.

Поэтому даром жизнь никто не отдавал. Спать ложились, удобней пристроив рядом одежду, проверив в карманах все ценности и документы, чтоб одеться мгновенно, заранее наметив маршруты и адреса, куда скрыться на первую ночь и куда пробираться дальше. И, выключая свет, спускали предохранители дробовиков и наганов, пальцем проверяли лезвия топоров и кухонных тесаков, привезенных из деревни кос.

На звонок не отвечали. А приказ выполнять надо!.. Ломали дверь – и получали пули в грудь, топоры крушили черепа, ножи полосовали по горлу, заряды дробовиков вырывали живот у подневольных, верных долгу и присяге оперативников. Каждую ночь свозили своих убитых в отделения, и мемориальные доски с фамилиями навечно внесенных в списки части все плотней занимали стены вестибюля.

Когда мы говорим Каведо, что все это его дикие фантазии, и никто сопротивления чекистам не оказывал, он только усмехается нам, как больным детишкам. Вы что ж думаете, люди – это бараны? Кто ж это добровольно и без всякого сопротивления пойдет на смерть ни с того ни с сего, э? А вы как бы поступили на их месте? Загнанная в угол мышь – и то кусается, вот мы здесь – и то люди, сопротивляемся, такие дела делаем. Так что бросьте, граждане, бросьте эту вашу пропаганду о безопасности палачей и беспомощности жертв, у меня два состава группы полностью сменилось за полтора года в оперативке.

Просто про Семен Михалыча Буденного известно – уж больно фигура заметная – что он поливал с чердака из пулемета, две бригады искрошил, и не звонок Сталину его спас, а милосердие Ежова, который умолил вождя пожалеть людей, нельзя же класть две бригады на каждого арестованного, и так состав за составом в кадрах меняется, нет больше резервов на эту ночь.

А вот про случаи типа комполка Оловьяненко никто не знает, комполка – не маршал, не фигура, их две тысячи взято было... и на каждого – несколько убитых, ребята... Комсостав сменил наганы на автоматические ТТ, перезаряжаются они быстро, дверь прошивают, как бумагу, и ворошиловский стрелок Оловьяненко (а все они были ворошиловские стрелки) положил первую бригаду – старшего и младшего сквозь дверь, шофера из окна, – вызвал к себе штабной взвод, вторую бригаду они превратили в решето, отбыли в полк, и пока не заменили назавтра после вечернего развода охрану штаба своими людьми, взять его не удалось, и то потеряли еще пятерых в скоротечном ночном контакте...

– Откуда ж вас, гадов, столько бралось... – без злобы, раздумчиво произносит Жора.

– Скажешь ты тоже – «га-адов», – нисколько не обижается Каведе на чужую глупость. – Тебя бы призвали – и ты бы пошел.

– Не пошел бы.

– А кто б тебя спрашивал. А куда б ты делся.

– Застрелился бы.

– Ой, держите меня, я падаю. Прошел бы обучение, принял присягу, получил чин, пошел бы выполнять приказ на арест врага народа. Ну, так чего стреляться?

– Не понимал, скажешь? Верил, да? И когда был на Колыме начальником лагеря – тоже верил, да? Людей морил пачками – что, и не знал ничего?

Вот упоминание о лагере Каведе неизменно задевает.

– У них, так или иначе, были срока – закон есть закон, – говорит он. – Солдаты – те отслуживают срочную службу. Но почему никто – нет, ты мне скажи: почему *никто* не сказал, не написал никогда, как тяжела, трудна, опасна ежедневная служба офицера на зоне? Он *всю жизнь* живет в той же тундре, его летом жрет тот же гнус, зимой секут те же метели, кругом та же Арктика, снежная пустыня, ест те же крупы и консервы, в доме холод, детишки болеют от этого авитаминоза, недостатка солнца, недостатка кислорода в северном воздухе, жена стареет, ни тебе культуры, ни развлечений никаких, ни общества, ничего, врачей приличных нет, одеться некуда. А на мужа блатной в бараке нож точит, вор походя волком позорным оскорбляет, политический за человека не считает, а на кухне у тебя воруют, и на складах воруют, от работы все косят, а норму выполнять надо, не то недолго и самого – в барак, и вот тянешь ты лямку, и ведь никогда слова доброго не услышишь ни от кого, только от своих, чужой этого не поймет... Думаешь, когда со мной несчастье случилось – хоть кто пожалел меня?

Несчастье заключалось в том, что получив медаль «30 лет Советской Армии» (и все они получали армейские награды!), он устроил обмывание, все, ясное дело, нажрались, и решили устроить катание на тройке, благо лагерных лошадей было ровно столько. Март, закат, 20 – тепло, да под баян, да со свистом, – и вывалился из набитых саней, и не сразу заметили в сумерках. В хлам бухой, в сапожках, без оружия, перчатки потерял – споткнулся, дреманул – готов подснежник! что может быть обычнее. Пока хватились, пока искали, пока снежный заряд из-за сопки дунул, собака не чует ни фиги, – отморозился. Лучше б, думал потом, замерз вообще, да и дело с концом, – но нашли еще живым, терли-грели, пока то-се, пока в госпиталь, пока думали... У врачей так и называется – «пьяное обморожение».

Больше всех он дружит со Стариком. Ага. У них много общих тем для воспоминаний.

А Каведе его окрестил молчальник-Чех со своим скупым юмором. Сократил на одну букву энкаведе, и одновременно получилось – кожно-венерологический диспансер. Глумливое

прозвище, несносное, но значение быстро растворилось в привычке, и уже никаких обид, никто смысла худого не вкладывает, ну, вот так зовут человека, только и всего.

[6]⁸

. . . . громные красавицы белые сиси кач. . . . чу подержаться, какой твер . . ааааааах! . . .
рячая, тугая, вверх-вниз . . натягивай до конца! . . ай мне в ротик глуб молочко брыз . . .
..... нежн втык !!! чу ебаться, мил уй

7

..... зор!

. . славы и денег . . выразить себя . . донести мысли и чувства

ЯЩИК ДЛЯ ПИСАТЕЛЯ

..... Явить свое произведение и скрыть себя – вот задача художника, сказал Уайльд: оделся с неподражаемой элегантностью, напوماдился, подвел глаза, вдел в петлицу цветок ромашки, собственноручно выкрасив белые лепестки зеленой краской, чтоб изысканно смягчить крикливый природный цвет, и поехал в большой свет, законодательствовать меж денди, где с изяществом и трахнул сына маркиза Квинсбери, и уж тогда надежно скрылся в Рэдингской тюрьме, явив миру «Балладу» и «Из бездны зываю».

Нужно хлебнуть рабства сполна, чтобы выдавить из себя раба до капли: постичь и проповедать суть свободы, скрыв от мира и истории свое имя под уничижительным паче гордости псевдонимом Эпиктет; пусть влюбленный и на лучшее не годный Арриан молитвенно вносит в скрижаль мысли учителя.

(Так что если посадить всех писателей в тюрьму с правом переписки – литература могла бы и расцвести. Те, кто пытался это сделать, были не вовсе лишены понимания сути искусства, и с подчеркнутым вниманием следили за его развитием и связью с жизнью.)

Когда из номера в номер ведущие газеты Франции гнали бесконечными подвалами по главам «Три мушкетера» и «Граф Монте-Кристо», роман-фельетоны были для массовой публики, в отсутствие кино и телевидения, тем же, чем сейчас являются мыльные оперы. Это давало максимум славы и денег писателю. Имя! «Рукопись, подписанная Дюма, стоит десять франков за строчку, Дюма и Маке – один франк».

Кино и комикс прикончили театр и книгу, ТВ прикончило все. Каждому свое, один телевизор для всех. Рожа в радужном экране – это слава и деньги. Легальный взлом двери и черепной коробки. Так чем же ты недоволен, Хитрая Жопа?

Писатель полез в телевизор, как домушник в форточку – за законной добычей. Павлиний хвост посылно блещет в жюри конкурсов красоты, показов мод и КВН; письменник ведет викторины, потешает зал на светских капустниках и свадебным генералом представляет на всевозможных мероприятиях. Он протаскивает, пропихивает, протаранивает на ТВ собственные регулярные программы – про историю и про литературу, про политику и рок-музыку, нравственность, экономику и образование. Он внемлет с грузом ответственности в одном глазу

⁸ На фото пленке нечетко, даже при большом увеличении, текст трех страниц смазан – дефект любительской проявки. И по закону подлости, разумеется, на самом интересном месте. По поводу этой накладки Жора докладывает анекдот: – Война, госпиталь, раненный в промежность матрос после операции отходит от наркоза, ну, и с тревогой: «Доктор, ну что там у меня... член... целый? – Не волнуйся, все цело, после войны еще женишься на своей Оле, детей настрогаешь! – Доктор, я не понимаю... какой Оле? – Да ладно, шутник! Той самой. – Доктор, простите... у меня там татуировка была... вы не посмотрите?... – Говорю же, только по кончику чиркнуло, цела твоя татуировка! – Что там написано? – „Оля“! – Э-эх, доктор... Там было написано: „Привет революционным матросам Кронштадта от героических военморов Севастополя!“

и благодарности в другом на встречах Господина Президента со вверенной последнему интеллигенцией, нороя возгласить в камеру что-нибудь запоминающееся (чтоб отметили) и краткое (чтоб не вырезали) – так что умельцы пера и топора быстро научились кидать мазок яркого грима к своему имиджу одной хлесткой фразой (вовсе не связанной с сутью разговора, вполне беспредметного). Но в присутствии Государственного Лица позвоночник писателя вьет неподконтрольный любовный прогиб, голос льет сладкозвучной нотой бельканто, и лакейская сущность подлого (под-лог, под-лежать) сословия явна каждому, имеющему глаза и уши.

Но – «в королевских приемных предпочитают попасть под немилостивый взгляд, нежели вовсе не удостоиться „Взгляда“.

Если б тем взглядом аудитории можно было забивать гвозди /бы делать из этих людей/, ЦДЛ давно бы выглядел кованой сапожной подошвой, где вместо стальных шляпок торчат творческие лысины.

И наплевать. Что главное? – имидж. Какой? – у которого высокий рейтинг. А без паблисити – хоть шуйзом об тэйбл, хоть тэйблом об фэйс.

Они правы! Писать умеет любой дурак, а судьи кто? ценность написанного определяют два других дурака – критик и книготорговец. Критик глуп и продажен, как ты, и предпочел бы быть писателем, а торговец предпочтет торговать нефтью и автомобилями, да крутизны не хватает: президент? проститутка? скандал? – о'кей книга, продам. Все равно никто ничего не читает, а кто читает – ни хрена не понимает, пусть неудачник платит, и пусть будет стыдно тому, кто плохо об этом подумает.

Итого.

Творчество писателя стало приложением (чаще – бесплатным) к его имиджу и рейтингу. Наличие чегой-то там за кадром написанного есть повод и оправдание головы в кадре, которая проповедует, как нам реорганизовать и обустроить Россию и Рабкрин, как надо любить и как сохранять любовь и семью вместе и по отдельности, как зарабатывать деньги и беречь душу, повышать свою культуру и преумножать народную, знать темную историю и верить в светлое будущее; также писатель готов рассказывать бородатые анекдоты, хихикать шуткам начальства и телеведущего, подобострастно улыбаться мэру и министру, и с обольстительным остроумием благодарить вора-банкира, который в смокинге перед камерой подал писателю чек на тысячу баксов.

Вот тебе неньюфар! Вот тебе альбатрос! Вот вам тамтам!

И в сущности, всем глубоко насрать, что этот писатель написал, или вовсе ничего не написал.

Писатель стал телеведущим, конференсье, и жутко этим доволен, и коллеги ему завидуют, и заискивают попасть в его передачу.

Он, так сказать, реализует себя не в области и формах литературы – а напрямик: вот я, мои лицо и фигура (о Господи!), мое остро/тупо/умие, мои суждения по разным вопросам.

Функция его неоднозначна. Из литературы он изъят, пустота, после смерти наработанного итога людям не останется. Млеет гордо, что (см. выше – слава и деньги) из ящика своего может менее телевизиорного писателя прославить, рядом посадить (взятки дают, услугами льстят!) – а может и полить, и замолчать. Самоутверждение! власть! Сорный цвет на литературной гидропонике...

Одновременно он самим своим сидением в ящике делает рекламу междупрочимной скорописи: ляжет книжка на прилавок – а! дак это же Гена, ну, который М-Ж-клуб, там, че ты, так жрут наперегонки, оборжес-ся!..

Он напоминает зрителю, что есть еще на свете литература и даже живые писатели. Надо же. Вероятно, кто-то из них что-то еще пишет.

..... и уйду в ночную мглу, никем не принят и не понят, щекой к холодному стеклу в дрожащем мчащемся вагоне, примите же в конце от нас презренье наше на прощанье: неуважающие вас покойного однополчане.

Глава VI

1

Рентген был мировой гений и легендарный хам. Сотрудники рыдали от его грубости, и держались только из научного фанатизма и поклонения таланту шефа. Когда Шведская Королевская Академия Наук известила его о присуждении Нобелевской премии, Рентген лишь пожал плечами: не препятствовать. Нобелевский комитет официально пригласил лауреата на торжественное вручение. Рентген велел передать через секретаря, что занят вещами более важными, нежели шляться в Стокгольм без всякой видимой цели; дали, и хрен с ними, могут прислать по почте, если им приспичило. Шведы оскорбленно пояснили, что эту высшей престижности награду вручает на государственной церемонии в присутствии высших лиц лично Его Величество король Швеции. Рентген раздраженно велел передать, что если королю нечего больше делать, а видимо так и есть, так пусть сам и приедет в Вену, а он, Рентген, ученый, а не придворный бездельник, сказал же, что занят, и у него никаких на хрен дел к шведскому королю нет. Премию переслали.

Да. Так вот. Рентген занимался исследованием своих лучей полтора года, и описал двенадцать их свойств на четырех страницах. После чего заявил: все, исчерпано, больше тут делать нечего. И перешел к следующим проблемам. Сотрудники же, захваченные открывшимися перспективами, вцепились в так самонадеянно и поспешно оставленное шефом золотое дно. И через энное время все из них скончались от лучевой болезни, еще неведомой. Но главное – с тех пор прошло уже сто лет – к свойствам лучей, описанным Рентгеном, никто так и не сумел добавить ни строчки.

Так это я к чему. По мере всяких экспериментальных наблюдений над нами и теоретических исследований выяснилось то, что еще чуть не два века назад понял хирург Вестхуз: энергетическое поле организма, не расходуя себя на функционирование отсутствующих конечностей и все связанные с этим действия жизни, и объединяясь с находящимися рядом себе подобными, при правильном подборе способно взаимопроникать и сливаться с ними в единое над-поле. Ничего хоть сколько-то странного здесь нет: в любом общении, когда люди *по натуре* тянутся друг к другу, симпатичны без корысти и сближаются без расчета, происходит подобное. Каждый это испытывал: в компании с кем-то чувствуешь в себе больше жизни, даже если это человек паршивый и взгляды у вас разные, и этого общения хочется, от него лучше, – а в компании с другим / и фигово тебе, какая-то тягость, пустота, упадок, хотя люди могут быть вроде хорошие и интересные. Попроще это можно назвать контактом биокаркасов, или энергополей. Главное, как говорят турки, это объяснить себе происходящее и дать ему название, – а там хоть ковер из мечети выноси.

В общем так из отдельных батареек складывается секционная. Но здесь не простое сложение, имеет место прогрессия. Для примера: два муравья вместе нароют раза в три больше песка, чем работая по отдельности. Или другое: если с другом у вас полный контакт, резонанс и симпатия, то вместе вы можете выпить водки вдвое больше, чем по отдельности, причем пока вместе – никогда не окосеешь по-настоящему, а расстаньтесь сразу после выпивки – и быстро сломаетесь с ужасного перепоя. Проверено, мин нет. А это что значит? А это уже значит влияние контакта на уровне физиологии. Изменение возможностей организма и его взаимодей-

ствия с окружающей средой. Так что понять в жизни можно все, что угодно, из наблюдений и размышлений над любыми подручными мелочами: надо только уметь видеть и думать.

Вы думаете, наши койки стоят традиционно, в два ряда с проходом? Да нет... Койки в палате стоят подковой, головами наружу, почти сходясь задними спинками. А иногда мы сдвигаемся гребенкой-валетом, плотный рядок головами попеременно в разные стороны. Койки на колесиках. Маша или Зара катают по первому знаку. Перепробованы все комбинации. Плюс время года и суток, фаза Луны и ориентация по сторонам света. Тоже элементарно: любой тибетский врач, любой китайский иглотерапевт это учитывают.

И когда *идет*, суммируется не только собственно умственный результат (мозговой штурм), но плюс к тому в сложении эмоционального резонанса поле становится одним из энергетических факторов непрестанно происходящей перемены реальности. Иначе: если такая, сыгранная и притертая, команда имеет коллективно достаточное количество исходной информации, она не только предсказывает будущее, то есть проводит анализ и делает заключение, но и непосредственно влияет своим анализом и выводом на то, что именно произойдет.

А точнее и детальнее мы сами не знаем. Во-первых, нам не докладывают, а во-вторых, какая разница...

* * *

Первые неупорядоченные, стихийные симптомы процесса начали проявляться еще в период нащупывания и комплектования группы, меня здесь тогда не было, в 85 году. 23-го Февраля, на День Советской Армии, персонал нажрался, и Маша вместе со всеми. Патриотично-оргиастические звуки веселья были слышны через двери и коридор, ну, и народишко озверел. У озверелого народишка, который числился еще в резерве и сидел на общем, а не рабочем пайке, оформились мысли злобные и мстительные мечты. Потому что выпить не дали, хотя могли бы в святой день наркомовскую стопку в горло влить, а сами гуляли, и вся страна гуляла вместе с ними, а самовары, значит, и так обойдутся.

Вот тогда у Старика, Каведе и Гагарина стал возникать план, как не дать этой суке, Родине неблагодарной, выпить, и что для этого следует сделать. Опыта у них еще не было, настоящее знание не пришло, боевая сработанность еще не возникла, и результат был не стопроцентный. Но тоже не слабый. Результатом был законодательно введенный, близкий к абсолютному, сухой закон. Вот тогда узнаете, падлы, кому водочку пить, а кому в утку писать! Они распределили роли и обязанности, составили текст закона, расписание работы торговых точек; прикинули длину очередей, количество потерянных в них человеко-часов, горы пущенных на самогон сахара, свеклы и зерна; а одеколон, а окномой, а тормозная жидкость, а реанимация. Внешне грамотно представили обоснование: без всяких дополнительных вложений средств резко – до 15% (!) – возрастает производительность труда и выход национального валового продукта вследствие сокращения простоев и травм на производстве, снижения процента брака, уменьшения отходов сырья.

Они расписывали агитационную кампанию и шкодливо гоготали: «Советская Армия – самая трезвая в мире!», «Рабочий класс против пьянства», «Спасибо Партии за возвращенного мужа».

Итог известен: Горбачев и Лигачев таки задвинули Закон о борьбе с пьянством, водочные линии демонтировали, виноградники вырубил – и, чтоб процесс (который п о ш е л) не останавливать раньше времени – действительно за счет уменьшения пьянства производительность труда на многих предприятиях подскочила на 10, 12, 13%! И стали процесс *дожимать*...

И мгновенно хрупнул и рухнул бюджет. И мигмом понадобились кредиты у Запада, иначе стопорилось товарно-денежное колесо и вставал ВПК, святая святых, бесперебойная работа которого и была как бы целью акции и сутью существования государства И для оживляжа тупо

и хмуро трудящихся масс понадобились «гуманизация» и хоть какие-то стимулирующие экономические пряники. «Пошедший» процесс размытыми наплывами и судорожными дергами переходил в скачку на тигре. Научно это можно назвать так, что одно из следствий Второго закона термодинамики гласит: любые колебания неустойчивей системы увеличивают ее энтропию. По-простому: если ты сползаешь по песчаной осыпи – то чем больше барахтаешься, тем быстрее сыплешься. По анекдоту: если уж попал в дерьмо – то сиди тихо и не чирикай. Еще не оформленная, не узаконенная группа поняла это быстро.

И вот тогда-а... Это можно считать наращиванием мускулов; а можно разведкой боем.⁹

Когда в 86-м рванул Чернобыль, утонул «Нахимов» (логичные цепи диких и примитивных ошибок), впервые в истории пароход столкнулся с паровозом – на Волге, воткнувшись в пролет моста и обрушив на палубу гремящую гармошку вагонов, когда грохнул вытекший газ во впадине под Уфой и вспышка сожгла два поезда с пассажирами, – направление определилось однозначно. «Нахимов» был разработкой Жоры, Чернобыль – Чеха: группа складывалась. Группа осознала свою силу.

2.

Парашюты рванули и приняли вес, земля покачнулась едва.

Брно, ребята, в августе 68 года брала Витебская воздушно-десантная дивизия. И заняла она город – в лучших традициях. Лихо, молниеносно, по расписанному.

Хорошая дивизия, отборная. Элитные части.

Еще в 56 ее бросали на Будапешт. Бросали в буквальном смысле – десантировали с воздуха. Взять городские узлы и держаться до подхода танков.

Нашу роту тогда выбросили на вокзал. Два десантных взвода по тридцать, шестьдесят человек десантников в роте.

Ну, половину перебили еще в воздухе, пока спускались на парашютах. Секли снизу из автоматов. Видишь – летит в двадцати метрах от тебя, мы плотно десантировались, фактически точечный объект, наша задача была – захватить и держать здание вокзала.

Вот летит он в двадцати метрах от тебя, переговаривались в воздухе, звуки все снизу слышны – что ты, – и вдруг дернулся, и обвис мешком в подвеске, голова на грудь упала. Опустился – упал мешком, и лежит. Готов, убит.

И такое зло, такая злоба берет, когда видишь, как рядом твоих ребят убивают – прямо звереешь. Уже даже не боишься, все равно деваться некуда, страх забыл, чувство одно – ну держись, суки!!! пиздец вам пришел!!!

Опускаешься только, еще даже ногами не коснулся – и сразу: рожок веером от живота. Тут уже не смотришь, кто там тебе подворачивается – просто в стороны очищаешь сектором пространство. Только своих не задеть.

Погасили купола, отстегнулись – и в вокзал. Очередь в потолок, ложись, на хуй!! Все вон!! Бегом!!!

Осталось нас живых-боеспособных, когда приземлились, человек тридцать. А вокзал огромный!

Заняли оборону у окон. На все четыре стороны. Двери скамьями и киосками забаррикадировали. А вокзал выходит на площадь. С нее улицы расходятся. Чего-то кричат там, бегают.

⁹ – Здесь не движется действие.– Вы мне нравятся. Обрубки лежат неподвижно и двигаться не могут, а действие при этом должно двигаться.– Да ничего себе не движется. В чем заключается действие&то? Вот именно... Так посмотрите по сторонам! – действие&то вот именно движется, причем в бешеном темпе; все меняется каждый день, повороты неожиданны, молниеносны: какой к черту театр, какой сюжет, какая литература – жизнь прет, как сумасшедший поезд мимо рельс: вот вам действие! а вы говорите... Это все равно что рассуждать о неподвижности пилота в кабине «формулы» на гонках. А у него пульс полтора, давление двести, дорога вихрем и смерть стережет в каждом миге.

И – длинными очередями, у каждого полмешка патронов, вымели площадь. Тут уж не смотришь, кто там. Рядом свои убитые ребята лежат.

И вот трое суток мы держали этот вокзал. Стреляли – по силуэтам. Кто мелькнет там в улице – очередь. Сначала они пытались там дергаться, потом бросили. Один с автоматом с чердака, из слухового окна высунулся – так мы им этот чердак со всем фасадом размолотили в решето.

Рации ни фиги нет, понял, одного радиста в воздухе убило, у второго она не работает, побилась. Где наши, что делать – ничего не известно. Телефоны тоже не работают. Наши, видно, заняли телефонную станцию и отрубили. Электричества тоже нет. Ночью спим в две смены, ракеты пускаем. Ракет мало.

Забаррикадировались, ночью, когда темно – бьем на шорох.

И воды нет, вот что хуево. Водопровод тоже не работает. Пить охота дико. В буфете там было какое-то пиво, лимонад, его в первый день все выпили.

А в городе стрельба, но не очень. И никаких наших не видно.

Ну че. Жить захочешь – все сделаешь. Дело, вообще, пахнет керосином. Помереть готов, но об этом не думаешь, потому что это тут само собой разумеется. Один там, правда, пытался на второй день из-за угла к нам с белым флагом вылезти: сдавайтесь, мол, вам ничего не будет, вы не виноваты. Раз-змолотили на хуй суку вместе с флагом. Будем мы ему сдаваться.

Ну соображаем: че? последний патрон себе, что ли? Как-то не верится. Потому что, ребята там говорили, мадьяры такое с нашими делали, кого живым захватывали, что, знаешь, лучше десять раз самому застрелиться.

Ну че. Сухпак в глотку не лезет, пить нечего, перевязочные пакеты все на раненых извели. Да все, в общем, ранены: кого щепкой или кирпичной крошкой по роже задело, кто ушибся там, вывихнулся, кого в воздухе зацепило. Грязные, падла. И воды нет.

И патроны кончаются. Стали думать: ну что, отходить ночью, что ли: без патронов все равно сидеть без толку, зайдут и перебьют спокойно, сколько нас тут есть-то. А куда идти-то? никто не знает. Выйдешь – и нарвешься. Офицерам здесь чего командовать, все вместе сидим.

Вот на третий день подошли наши танки. Увидели мы их – блядь, заплакали. Вот веришь ли, хер его знает, вроде теперь уже и отлично все, а плачешь, буквально. Такое нервное напряжение, что ты, конечно.

Ну че. Привезли в солярной бочке воды, дали они нам всем попить первым делом; а потом нас всех – в бэтээры – и на аэродром. Раненых – в госпиталь.

И ни хуя мне даже медали не дали. Ни отпуска домой, ни хуя. Нескольким ребятам дали «За отвагу», летёхе – Красную Звездочку, а большинству – ни хуя. Благодарность в приказе. Всему строю. И подписку о неразглашении.

...Это все нам рассказывал наш сундук-сержант, каптерщик полковой. Четырнадцать лет в армии. Мужик за тридцать, уже лысеет, брюшко такое отрастил, а здоровый – что ты. Две двухпудовки берет ручками вниз – и двадцать раз жмет.

Так что когда объявили десантуре боевую готовность – очко, конечно, сыграло. Кто их знает, куда сунут. Нам ведь только что все время внушается? что кругом враги, разговоры, агрессоры, верить никому нельзя, жди чего угодно.

Выдали паек на три суток, триста патронов, пять гранат.

А нам в танковой роте – полную боеукладку, баки под пробку, две двухсотлитровых бочки солярки – на бортовые подвески снаружи на броню. Пэтэшки.

На аэродром, по две машины – в Ан-12, и сутки там сидим.

Потом оказалось:

С вечера по международному воздушному коридору проходил наш рейсовый Ан-24 Киев – Берлин. И на подлете к Брно он передал на диспетчерский пункт: прошу срочную посадку, на борту острый больной, нуждается в срочной операции. Чехи дали добро.

Самолет сел, к нему сразу вызванная скорая помощь, больного погрузили и увезли. Пока то да се, аэропорт большой, работает, самолет зарулил на стоянку, пассажиры вышли и отправились в аэровокзал. Все больше молодые ребята, со спортивными сумками, тренер покрикивает, у них соревнования срываются, бросились звонить в Берлин в оргкомитет, экипаж звонит в Киев: в общем, отложили вылет до утра. Самолет вне расписания, его надо воткнуть в график, пассажиры пока разбрелись, кто дремлет, кто пиво пьет.

И вдруг в три часа ночи диспетчеры видят на экранах, что входит в зону и приближается целая воздушная колонна, армада в звено по три... Что такое?! Кто такие?!

А на запрос командуют по-чешски: срочно очистить полосу, прекратить выпуск и прием любых самолетов, в экстренном порядке принять колонну.

Кто, откуда, почему?! – Правительственный приказ, особое задание, исполнять.

Тут есть над чем задуматься, но думать им оказалось некогда. Потому что ребята с вечернего Ан-24 оказались уже вооруженными группами именно в тех местах, где надо. Блокировали вокзал и аэродромную технику, все выходы на поле и подходы к полосе, а первым делом ворвались в радиоузел и диспетчерскую. Полностью взяли аэропорт под контроль, чтоб, значит, никто уже не мог помешать. Четкая работа.

Чехи, однако, ребята ведь тоже ничего, когда-то они и немцев били, на топот насторожились, черт-те чем пахнет! тревога! Устроили в дверях свалку, успели аппаратуру разбить, рубильники замкнуть, предохранители сгорели, погасло везде, темнота полная, никакого навигационного обслуживания, никакого наведения – умер аэропорт.

А небо уже гудит, ломится, первый Ан-12, огромный пузатый транспортник, заходит прямиком на полосу, посадочные фары включены – и спокойно садится.

Первым бортом садился лично командир дивизии, генерал-майор Остапов, и следом – интервал одна минута! – садится вся дивизия.

Из первой машины тут же выкатываются «газоны» с десанниками и мчатся к зданиям, из второй выезжает электростанция и врубает прожектора, заливают все светом, и через сорок минут вся дивизия уже на земле, машины заруливают на основную стоянку, на запасную, на рулежную площадку – каждый экипаж знает свое место и очередь, отработывалось, и очищают место следующим, открываются аппарели и бэтээры несутся в рассветный город – занимать телевидение, радио, железнодорожный и автовокзалы и тому подобное. Последний самолет еще садится – а с первого уже мчатся по городу указанным на подробной карте маршрутом, благо улицы пусты.

Через два часа город был взят – без единого выстрела. Вот так это делается – если понастоящему, всерьез и с подготовкой. Так что – не надо: умели, умели.

Тот Ан-24 был летающим диспетчерским пунктом. Он ко времени вырулил в перспективу полосы и давал пеленг по радиомаяку, обозначившись бортовой подсветкой. А четверо с фонарями обозначили начало посадки и направление.

Блестяще была операция спланирована, и блестяще проведена.

Ну, а наутро чехи просыпаются – ах! что такое: город занят русскими. Что, как? вот так... уже все, и совсем не больно.

На самом деле больно им было, конечно. Плакать стали, плакаты писать: «В 45 – освободители, в 68 – оккупанты». Поначалу на тротуарах собирались, в дискуссии пытались вступать, листовки совали. Я говорю: «Какой же я оккупант. Если б я был оккупант – я бы спал в твоём доме с твоей женой, а ты бы спал на улице. А так ты спокойно спишь в своём доме со своей женой, а я сплю на голой земле под танком».

Потому что в Чехословакии была контрреволюция, у них уже было готово обращение к НАТО, и если б мы туда не вошли – через сутки вошли бы западные немцы. И дело могло запахнуть Мировой войной. Вот потому так это было в секрете подготовлено и спланировано, и

четко и молниеносно проведено. Мы вошли, все заняли, а соваться на открытое столкновение с нами ФРГ, конечно, уже не могла – это война с нами сразу.¹⁰

А ведь это – немцы. Лучшие вояки в мире. Там ведь не только мы были – и румыны, и венгры, и немцы из ГДР. И когда пошли все беспорядки, бучи, бутылки с зажигательной смесью кидали, листовками закидывали – только в немецкой зоне был абсолютный порядок.

Немцы с ужасным удовольствием произносили (как это есть немецкое специальное такое слово?): «Мы *вторглись* в Чехословакию». Вот входит немецкая колонна – откуда-то выстрел. Шар-рах из всех стволов в этом направлении – только брызги летят в стороны! Тихо? то-то; поехали дальше.

Заходят – вот им нужна водоклонка. Вокруг колонки проводят по асфальту белый круг: это – запретная зона. Где-нибудь сверху торчат часовые. Кто приближается – «Щурюк!». Заходит за черту – очередь.

И все. Полный порядок был в немецкой зоне. Это они умеют.¹¹

– Ну? а ты чего?

– Чего-чего... Прострелили бочки с соляжкой, что на броне, мать их еб. Потом еще накинули одеяло на триплексы. А потом еще сука какая-то кинула бутылку, бля. Ну, и загорелись. Встал я, все равно ничего не видно, дым в машине, горим на хуй. Стреляют ни стреляют, выскакивать надо. Я люк открываю, на нем одеяло, стягиваю его, а там стреляют. Ну, мы еще сколько-то времени дым поглотали внутри – выскочить-то недолго, может наши отгонят их, наконец. А ни хуя-то, бля.

Выскакиваю – а кругом асфальт горит. Солярка на него хлещет со всех дыр и горит, и асфальт уже плавится и горит: озеро.

Ну че. Прыгнул – и прилип с ходу. Прилип – и упал на четыре кости. И у меня сразу сапоги горят, и руки горят, и комбинезон горит.

А на руки сразу асфальт налип комьями – и горит, и ноги тоже, и сапоги, колени, все. Напалм, понял!

Ну, жить захочешь – пойдешь. Быстро! горишь! давай! вот я в запале, встать сразу трудно, то ли как, то ли на четвереньках, с рук мясо горящее с кусками асфальта отрывается, пошел тягом-скоком. До тротуара, газон, давай по траве кататься.

А там бабы визжат, страшно все же, как люди так горят живьем, и сам я ору, где уж ребята – не знаю, не до того. Ну, стали они гасить меня сами, все же не такие звери, чтоб вот так, когда увидишь-то рядом, хотеть нас живьем сжигать. Ну, погасили...

Вот такой историей знакомился с нами Чех. Это у нас он Чех, а звали его в миру Санька Колбовский. Безвреднейшее существо. Механик-водитель плавающего танка.

Плавать ему в том танке не пришлось ни разу, даже на учениях, а погореть довелось. И то, танкисты знают: танк сделан, чтоб гореть, а не плавать.

Рук и ног у него не осталось, но мозги от этой термической обработки, похоже, получали. По совокупности сих двух причин из живых его, естественно, списали.

Теперь-то ему немного стыдно за свои взгляды. Не то чтобы раскаивается – солдат есть солдат, и кто солдатом не был, тот солдата не поймет. Да даже не стыдно. Обидно. «Суки, что вы со мной сделали. Я же пацаном был, я ж не понимал, что я мог...»

Примечательно: чехов он любит, и за врагов их не считает.

«Они нас знаешь как любили. Что ты. Плакали. Мы, – говорят, – вас любили, как братьев, а вы что?», Легко, думаешь, такое слушать? Они ведь к нам не лезли, в конце концов. И пусть бы себе жили, хули нам за дело“.

¹⁰ Именно такова и официальная версия событий, распространявшаяся тогда в СССР помимо печати на собраниях и политинформациях, и пользовавшаяся пониманием и доверием большинства народа.

¹¹ Как тут не вспомнить «Записки» Цезаря: «В битве галл боится взглянуть в глаза германцу». Уваж-жали мы их солдата.

- Что ж ты тогда на их сторону не перешел?
- Да пошел ты... Я че был? – я солдат.
- Вот и досолдатился.
- Ты на себя-то погляди, обрубок.

.....
Все старухи были красавицы, все старики – удалыцы.

Что, интересно, сказал бы милый наш Санька-Чех, если б ему сказали, что ни в каком танке он не горел? ни в какую Чехословакию не вступал? а заснул по пьяни на трамвайных путях.

Будущее неопределенно, настоящее диктуют обстоятельства, а вот над прошлым человек волен – думает-думает, вспоминает-вспоминает, грезит-грезит, и в результате устраивает себе такое прошлое, какое ему больше всего хочется, как ему роднее по нраву и уму.

Потому что прошлого он уже лишен – в том смысле, что бывшие события остались существовать только в его сознании. Конечно, в реальности есть каждый миг их следствия, но причины можно всегда подогнать под них, как условия задачи можно целым рядом вариантов подогнать под готовый, имеющийся ответ. Абы сошлось.

Спи спокойно, милый Саня. Сладко ль видеть неземные сны?

Одно время нас подтирала учебником современной истории для вузов. Да в любом учебнике истории сейчас можно прочесть, как все было на самом деле.

Товарищ Дубчек был товарищем что надо¹². В свое время из венгерских событий он извлек хороший урок. И общение с товарищем Андроповым тоже не прошло зря.¹³

Весь пакет документов он подготовил лично, самостоятельно и сохраняя полную тайну информации. Все было устроено заблаговременно.

Документы были сделаны в двух экземплярах, и один с предельной степенью секретности вручен чехословацкому послу в ФРГ.

В ту самую минуту, как ошеломленное и восторженное собственной храбростью политбюро ЦК КПЧ на закрытом заседании утвердило документы, Дубчек по прямому проводу позвонил послу. Через полчаса посол был принят вице-канцлером и министром иностранных дел ФРГ Билли Брандтом по чрезвычайной важности и не терпящему ни малейших отлагательств делу.

Политбюро сутки сидело в кабинете под охраной – во избежание преждевременной утечки любой информации: пользовались туалетом задней комнаты отдыха, пищу вносили в дверь.

В течение этих суток обращение к ФРГ и НАТО было рассмотрено в Бонне; Джонсон провел совещание в Овальном кабинете, госсекретарь вылетел в Европу; в разведках началась вибрация. Пентагон представил доклад. Решение было принято. Тяжелые военно-транспортные «Геркулесы» поднялись в воздух. Танковые дивизии прогрели двигатели и по трем главным направлениям – через Маркт-Редвий, Швандорф и Деггендорф – двинулись в Чехословакию, в течение часа пройдя соответственно – Рудные горы, Чешский лес и Шумау. Через три часа после перехода границы быстроходные «Леопарды» входили в Прагу.

Правительство объявило новый курс. Армия была приказом приведена в боевую готовность и вышла на северные и восточные приграничные рубежи, чтобы воспрепятствовать продвижению войск братского еще час назад Варшавского Договора в случае, если они вознамерятся выполнить свой интернациональный долг.

Контрреволюция приветствовала антикоммунистическое вторжение.

¹² В переговорах с чехословацкой стороны участвовали г. Дубчек, г. Гусак и г. Свобода, с советской стороны: г. Брежнев, г. Косыгин и Т-62.

¹³ Ю.В. Андропов – в 1956 г. – посол СССР в Венгрии, в 1968 г. – председатель КГБ СССР.

Простой народ, оболваниваемый пропагандой, пытался протестовать, но был разобщен и неорганизован.

Компартия была объявлена распущенной и оказалась под запретом.

Возвращение государственных предприятий старым довоенным владельцам, реставрация капитализма.

Именно этой вопиющей империалистической акцией Вилли Брандт наработал себе политический капитал и легко победил на выборах, став с 1969 года канцлером ФРГ и провозгласив программой объединение двух германских государств.¹⁴

Разумеется, кое-чего в учебниках сказано не было.

О первом знали только те, кому полагалось. Скрытые репрессии потрясли ГРУ и ПГУ КГБ: погоны и головы летели. Одновременно реформированному ПГУ Андропов выбил средства, и был построен новый, большой и современный комплекс в лесочке у кольцевой дороги, в Ясенево.

О втором вскоре знали все. В 72 году мир уже говорил о «чехословацком экономическом чуде» – уровень производства и потребления подскочил выше австрийского и английского и уступал только ФРГ. Она же (вместе с американцами) и инвестировалась в чехословацкую экономику.

«Эй-рула, терула, терула-терула: песенку эту другим передай!» – пел по радио наш любимец, золотой тенор Карел Готт¹⁵.

3

Оленя на Севере бьют так.

Пясины, как всякая тундровая река, мелководна и медленна: разливается до километра. Олень переправляется через нее в сезон дважды: в начале июня мигрирует на северо-восток к побережью, где ветры с океана сдувают губительный гнус – а в конце августа – сентябре возвращается в глубь материковой тундры зимовать. Из года в год вожаки водят табун той же тропой.

Плавают он прекрасно. Надутое перевариваемой жвачкой брюхо и пузырьки воздуха меж шерстин ненамокающей шкуры держат на плаву. Ноги под водой бьют поршнями – только волны расходятся от задранный головы.

Табун втягивается в воду колонной. Бывает и тысяча, и две тысячи голов – тогда получается «мост»: передние уже выходят на берег, а задние еще на противоположном.

На переправе его и бьют. Подлов беспомощного. Охотничья точка ставится чуть ниже тропы по течению. Видит олень плохо.

А выше по течению с утра прячется под берегом дюралька с мотористом и стрелком. Стрелок следит в бинокль за тем берегом – если есть бинокль.

Когда табун пересекает середину реки – или, если табун большой, середину прошла его головка – моторист дергает шнур своего «Вихря», и легкая плоская дюралька на подвесном моторе с ревом мчится к оленям, которые теперь судорожно торопятся достичь ближнего берега.

Головку надо от берега завернуть и, гоня лодку вокруг поворачивающих от нее оленей, закружить и сбить табун (или большую его часть) в кучу каруселью. Моторист (сидит в корме,

¹⁴ В 1967 г. Пентагон проанализировал степень боеготовности трех основных военных группировок в Европе: ГСВГ, американских войск НАТО и Бундесвера – на уровне танковой и мотострелковой дивизии, с охватом всех возможных показателей. Результат слегка озадачил: уровень готовности американской дивизии оказался 0,7 от условного оптимума 1, советской – 0,9, немецкой – 1,1. Немцы понимают в организации и войне. Так что ничего удивительного в происшедшем нет.

¹⁵ Какова фамилия! кстати. Каждое лыко в строку.

румпель мотора подмышкой) даст малый газ. Со скоростью пешехода скользит моторка вплотную к закруженному табуну. Стрелок встает с двухстволкой, раздвинутыми ногами сохраняя равновесие на колеблющемся днище. Сдергивает клеенку (защищала от брызг) с кастрюли с патронами, стоящей перед ним на банке: работать надо быстро.

Бить надо в основание черепа, повыше, чтоб дырой в шее не уменьшить потом вес туши на килограмм-полтора: при разделке рубят ниже раны, туше положено иметь товарный вид.

Стреляют в упор: с шести метров, с четырех, с двух. Моторист маневрирует, подводя лодку к ближним оленям и уравнивая скорость, чтоб стрелку было удобно. Промануться на таком расстоянии практически нельзя. Дробь летит плотным кулаком. Поэтому госхоз выдает отстрельщикам что подвернется, обычно ходовой третий номер, утиную: все равно сплошная дыра. И прикидывают количество из расчета три патрона на двух оленей: ну, промах, добить, подмокли.

Голова убитого оленя падает, он ложится в воде на бок и медленно сплывает с течением. Не тонет, на чем все и основано.

Ружье с эжектором, отстрелянные гильзы вылетают при переломке, правую руку – в кастрюлю, хватаешь пару патронов, вгоняешь, закрываешь, вскидываешь, еще два выстрела, бах! бах! Быстрее, убитые уплывут, потом не соберешь! Ватник скинут, мешает, жарко!

С большого табуна на широком месте одна лодка (а бывает и две) может отстрелять полтысячи оленей, но этого никогда не делают, бригаде не успеть столько обработать, да и тебе не прибуksировать их к берегу. Берут штук полтора (на бригаду в десяток человек, численность ее зависит заранее от обычной «густоты» тропы). Маленький табун выбивают весь – или сколько сумеют, олени прорываются за круг и уходят, это зависит от сноровки моториста и стрелка.

Полагается отстреливать в пропорции: столько-то быков-рогачей, столько-то важенок, столько-то телят первого и второго года. Чтоб стадо сохранялось в своей естественной, оптимальной пропорции. На деле, конечно, никто не смотрит. И не потому, что некогда или плевать. Бригада зарабатывает с добытых килограммов готового мяса. Телята невыгодны – возня, а веса нет. Быки – неудобны: тяжелы, трудно ворочать, плохо обдирается. Выбивают важенок: обдирается легче, ворочать сподручнее.

Отстреляв, начинают вязать плотики. Стрелок откладывает ружье и берет со дна вязки – метровые веревки с петлями на обоих концах. Лодка идет от туши к следующей: стрелок на коленях перегибается за борт и надевает на рог или ногу затяжную петлю – в противоположную петлю продевается общая веревка, скрепляющая десяток туш – это и есть «плотик». Толкают туши носом перед собой – это проще и легче, чем волочь на буксире. Сбив в плотную кучу десяток, начинают вязать следующий, а готовые пока сплывают.

Поэтому стреляют всегда выше точки по течению. Выталкивают плотик только вбок. Против течения не вытолкаешь – мощности мотора не хватит. Надо рассчитывать.

Когда связаны все, лодка по одному толкает их к своему берегу, к вешалам.

Вешала ставятся от жилого балка метрах в пятидесяти, чтоб не воняло. Это наскоро сколоченный сарай-навес, открытый со стороны берега. Сплошной дощатый настил тянется от него в воду.

Подтянув резиновые сапоги, бригада развязывает прибуksированный плотик и втягивает туши на доски. Штук тридцать раскладывают в два ряда. Остальные плотики, полувытащенные, чтоб не уплыли, ждут своей очереди; в трудные (удачные) дни ждут до суток: работа идет без перерывов, наскоро перекусить-перекурить.

Северный олень невелик, крупный бык ростом тебе под грудь, весит килограмм полтора, чистая туша – вдвое меньше; важенка – половину от этого.

Начинается собственно работа (стрельба – это так...) – обработка.

Передний проходит с подкладной чурочкой-плахой и топором рубит головы. Двое вдоль рядов ножами, аккуратно зажав небольшую часть лезвия меж пальцев, распускают животы от паха до грудины. «Бутор» – кишки и желудок – вынимаются обеими руками и кладутся рядом. Снизу, через взрезанную диафрагму, вырывается трахея с головой-горлом и крыльями-легкими. Это все – в носилки и в яму, специально вырытую, потом ее надо будет засыпать. Сердца в один мешок, почки – в другой, печень с осторожно отрезанным желчным пузырем – в третий: субпродукты. И вычищенная туша наклоняется – слить на настил кровь изнутри.

Дальше: вдвоем за ноги – спиной книзу в станок из двух параллельных брусьев. Круговым движением подрезают камус – прочную шкуру на ногах и сдирают чулком. Отдельно. Камус идет на торбаза – унты: прочен, непромокаем.

Ножи точат то и дело: жесткая шерсть тупит быстро.

Отрезают ноги по колени, проходя лезвием сухожилия и связки сустава – в бутор, на выкидку. Вдевают два крюка над суставами задних ног – вдвоем, хоп! – вешают на железные трубы, положенные вдоль под крышей, чтоб туша не доставала пола. Обдираешь – подрезаешь шкуру и отделяешь от мяса толчками кулака под нее. Потом шкуры кладут в стопу, посыпая солью с лопаты – чтоб не загнили.

Вывозят их вертолетом. Ми-8 берет в фюзеляж навалом тонну.

Привыкнув, понимаешь, что палач – это работа, и точно так же можно разделить чело-века, только его гораздо легче обрабатывать.

Любая неизбежная царапина на скудном северном воздухе при этой потрошащей работе начинает гнить и расплзаться, руки постоянно болят, пальцы не гнутся.

Вереницы гусей на Юг, свинцовая вода, сентябрьский снег, поясница трещит, питание отличное, олени языки и филе, вонь уже не чувствуешь, эмоций ноль, олень не идет – радость: отдых.

Мясокомбинат на выезде.

Запись в трудовой: «Бригадный стрелок». Вашу мать...

4.

...мать мать мать мать мать мать мать мать мать

Вселенская Воронка вихрем кружится безостановочно стекая острием в сознание
стрелять с двух рук из пистолета в зажим станком

кастрируют

испанская пластинка испанская карта по-испански лезвием к себе дублон галион

херня рокот меди поражение бессмертие

степь конь качает простор песня

тяжело вдавливаешься спиной в спинку кресла лежа давит мягко плотно все сильнее

ракета тяжело убыстряя гремит вверх сквозь облака

древком алебарды подбивают ноги

разворот скольжением газ руль тормоз занос на шоссе

заходят в хвост выжимая все из истребителя

пулемет на Куликовом поле

роса на стали на траве

нержавеющая сталь ножовки вгрызается с влажным шорохом в бедренную кость желто-

розовые стружки крошащимися завитками

голые смуглые белые зады груди застенчивые бесстыжие улыбки счастливо морщат

уголки губ

мама

когорты шеренги сурово чеканный шаг черное и багровое

по выжженной равнине
Маруся раз два три калина
слякоть водка бульк свои горячее и острое врежем
строен тверд тяжел упруг опасен страшен победен
о-о-о я все знаю все понял постиг я мудр мудр
хуй хуй
зачем-зачем-зачем-зачем-зачем?
ветер в лицо во втулки винтов миллион на миллион двадцать лет вперед дорога ветер
усталость в свежее постельное белье
парсек нет конца
не боюсь познал сделал фрам
счастье полное широкая рукоять ход полнота горечь принять камни трещать потери
любовь пронзительно горло режет вершины камень тяжесть обрести ход вес всегда
барабан грохот трап-трамп трап-трамп трап-трамп
труба

5.

...лый крахмальный халат распахивается и летит в сторону. Ничего красивее и сумасшедшее голой Маши невозможно себе вообразить. Она остается в белой шапочке на вороной гриве, и густой треугольник внизу смуглого литого живота у нее тоже вороной.

– А-ах-х, – она потягивается, поднимая руки, большие тяжелые груди выпячиваются, и мы смотрим, как на них собираются в изюмины и твердеют крупные коричневые соски.

– А на что мы закроем дверь? – заговорщицки спрашивает она.

– На палку, – срывающимся шепотом говорит Мустафа.

– А у кого ж у нас, мальчики, есть такая длинная твердая палка? Ай-я-яй, бесстыдники, вот мы сейчас проверим...

Она берет стоящую у стены швабру и зажимаем между бедер, как ведьмино помело. Нежно и откровенно оглаживает в кулаке торчащий вперед конец.

– Во-от бы нам какую палку, – мечтательно тянет она, наблюдая внизу свой треугольник и движения руки. – Длинную, твердую, всегда стоит... только потолще, потолще, и теплую, живую...

И, повернувшись, вставляет швабру в ручку двери. Округлые массивы ее ягодиц перекачиваются в движении. Она нарочно расставляет ноги, цокая каблучками, туфли на каблучках удлиняют ее ноги, мускулистые, крепкие, прямые, и между ног сзади нам виден черный курчавый островок.

– Кто сегодня хочет сладкого, мм-м?.. – мурлычет она. Закладывает руки за голову, чтоб подтянулась талия на прогнутом стане, выпуклее выдались груди и зад, и делает шаги по палате, нежась и млея под нашими безумными взглядами.

– Не слышу-у, – капризно поет она, оттопыривая губку.

– Машенька, какая у тебя красивая большая круглая попочка, – задыхаясь, говорит Чех.

– Какие у тебя большие круглые красивые сиси, – сглатывает Каведо.

– Какие у тебя округлые литые красивые ляжки, – выдавливаю я.

– Какой у тебя литой нежный красивый животик...

– Какие у тебя полные гладкие стройные красивые ноги!

– Какие у тебя пушистые вороные красивые волосы между ними...

Она жмурится, медленно поворачиваясь из стороны в сторону:

– А еще? М-м?..

– Ой, Машенька... какая у тебя смуглая, горячая, узкая, красивая *пизда*...

- Ва-ам нравится, ма-альчики?
- До безумия...
- Правда?
- Ой, Машенька, покажи скорее...
- А вы будете себя хорошо вести?
- Да!!
- А вы мне сначала покажете?
- Да!!
- Ну, кто мне покажет первый?
- Я!

Маша выбирает тягучим дразнящим взглядом. Одеяла стоят шалашами. Она подсаживается к Чеху и тихонько трогает возвышение:

- А что это там у тебя такое?
- Это для тебя...

Она откидывает одеяло и задирает ему рубашку. У Чеха стоит, как деревянный.

- Уй какой, – толкает пальчиком. – Это что?
- Это мой член, – с улыбкой блаженного бесстыдства говорит Чех.
- Не-ет, – возражает Маша капризно, – это не член.

И трогает Мустафу:

- А у тебя что там такое, мм?
- Это мой... фаллос...

Стягивается одеяло. Его обнаженный торчит и вздрагивает в возбуждении.

- Не-ет, это не фаллос.

Обход продолжается. Мы дышим ртами. В горле пересохло.

- Что это у тебя такое? А вот я сейчас проверю.
- Это мой пенис.

Маша сдергивает покров, берет твердую плоть двумя пальцами и покачивает:

- Неправда, это не пенис!

Переносит зад на соседнюю кровать. Стоячий извлекает наружу и бережно сжимает в руке. Она крупная рослая женщина, но руки у нее небольшие. На запястье серебряный браслет, на среднем пальце тонкое золотое колечко с красным камушком, и этой красивой женской рукой, которую украшения делают как бы одетой, приличной для воспитанного общества, она сжимает твердый, большой, смугловатый, и торчащий из мягкого с ямочками кулачка закругленный конец с раскрывшимся темно-розовым бутонем делается еще толще.

- А это у тебя что стоит такое?
- Ой, Машенька... это мой большой твердый красивый ХУЙ!
- Бесстыжий мальчик, – воркует она, не сводя глаз. – А зачем это у тебя такой большой красивый хуй? Ах, гадкий, как он на меня уставился. Надо его за это наказать.

Она наклоняется и берет свои массивные груди руками:

- Сейчас я его отшлепаю, чтобы он вел себя хорошо.

И грудями шлепает по нему слева и справа:

- Вот тебе. Вот тебе.
- Машенька, и мне!..

- Нет, мои сиси устанут, они очень нежные. Сначала они должны сделать зарядку.

Выпрямившись в стойку с руками на поясе, она делает повороты торсом, груди перекачиваются, мотаясь из стороны в сторону. Прыжки на носочках: ее восхитительные шары скачут упруго и весомо вверх-вниз.

- А теперь наклоны, – чуть запыхавшись от спортивности и самовозбуждения, Маша наклоняется, ее буферища отклоняются книзу, и теперь они совсем здоровенные... у нас уже

плывет в глазах... Она размеренно нагибается, и совершенные баллоны берут раскачку вперед-назад, сладкий вожделеющий сон, а потом болтает ими влево-вправо, они мягко сталкиваются, складывая нежную ложбинку, два живых мяча, две сферы душистой желанной плоти с коричневыми кругами крупных стоячих сосков.

– Вдох-выдох!.. – командует себе Маша и, раздвинув ноги на ширину плеч, потягивается на носочках, прогнувшись назад.

И между налитых бедер, в ровной и густой черной поросли, становятся видны темные нежноморщинистые губы и топорщится вылезший стоячком там, где они начинают раздвигаться.

– Ой, Машенька... а что это там у тебя такое?..

– Это? А ну-ка, что это у меня такое?

– Это твои крупные красивые половые органы.

– А вот и не-ет.

– Это твоя вульва.

– Неправильно, это иностранное слово.

– Это твоя заветная срамная щель.

– Неправда, это лучше. Ну?..

– Это твоя нежная, узкая, упругая пизда молодой спелой дамы.

– Ах безобра-азник... разве можно говорить такие слова?.. Вот за это я тебя ею накажу.

– Накажи!

– Машенька, накажи ею меня!

Нас трясет. Нет сил терпеть. Чертова нимфоманка. Сводит с ума. Всунуть, познать все и умереть сытым счастьем. Цирцея была брюнетка. Танталу не давали. Отдать за это жизнь.

– У, какие у меня семь пароходов с трубами, целая флотилия. Сейчас мы поплывем... в большое плаванье. А ну-ка, как у нас кораблики раскачиваются на волнах?

Лежа на спине, мы раскачиваемся с боку на бок, подсакиваем на пружинных сетках, маша своими трубами.

– А у кого у нас самый беленький... самый тверденький... с самым розовым кончиком...

– Машино придыхание снижается до полусшепота, ее жадный взгляд обладает всеми семерыми.

Чех блондин, почти альбинос, выбор сделан. «Машенька, только раздвинь ножки, чтобы нам тоже было видно.»

Она отгибает рычаг Чеха к самому животу и отпускает – он с силой шлепает в ее подставленную ладонь. Рука сжимается раз, еще, и медленно сдвигается к основанию, стягивая кожицу и обнажая взбухшую головку с прозрачной дрожащей капелькой.

– А зачем это тебе такой большой, такой твердый, такой горячий, мм-мм? – мурлычет она, и пальчиком тихо-тихо размазывает капельку по головке, щекоча самую нежную часть.

– Чтобы показывать его такой красивой девочке, как ты, – еле лепечет он.

– А еще?

– Чтобы давать тебе подержать его в руке.

– А мм-еще? – Она легонько катает пальцами его яйца.

– Чтобы ты клала его между своих замечательных огромных красавиц грудищ... – он задыхается.

– А еще-о?

– Ой, Машенька, чтобы ты брала его прямо в ротик.

– Как ты, оказывается, много знаешь... А еще-о?

– Чтобы ты зажимала его между своими большими круглыми шарами половинками белой попочки...

– А еще?

Чех без сознания. Сердца колотятся в ребра. Слизываем пот с губ.

– Чтобы ты брала его между своих замечательных полных бедер.

– А еще?..

– Чтобы ты ласкала им свою горячую нежную раздвоенную смуглянку.

– Как хорошо-о... – Ее вишневые глаза расширились и лучатся влажным огнем. – А еще!..

– Чтобы ты вкладывала его в свою упругую тайную дырочку в самом низу твоей заветной теплой щелочки между ног...

– А еще? – шепчет и велит она.

– Чтобы ты натягивала на него свою красавицу узкую горячую пизду... до конца, до самого доньшка, и чувствовала его весь. – Чех бледен, на шее бьется жилка.

– А еще он зачем? – умирает она...

– Чтобы им с тобой *ебаться!* – в отчаянье и восторге освобождает он из себя.

Маша неслышно вздыхает с неуловимой счастливой улыбкой в уголках рта, глаза прикрываются, она почти в оргазме, бедра движутся конвульсивными толчками.

– За то, что вы такие хорошие мальчики, я вам сейчас все покажу... – Она справляется с собой, усилием подавляя нарастающее возбуждение, и откидывается к спинке кровати, широко распахнув колени, устроив лодыжки по краям постели.

Глаза Чеха выкатываются, мы тянем головы.

Ладонями Маша гладит и стискивает свой вороной, мягкий, обильный пах. С женским имуществом у нее и там все очень в порядке. Средним пальцем водит вкруговую по краешкам смуглых губ, ее ночная бабочка, кофейная лилия, раскрылась полностью, блестит любовной росой, она аккуратно раскладывает вылезшие лепестки в стороны, как раздвоенный прожилкой лист.

– Вот это мой лобок... мяконецкий, выпуклый, мохнатый, хороший, большой... – Она мнет его, прижимает, теребит. – А вот это мои большие половые губы, они заросли черными курчавыми волосками, густыми, плотные, полные, такие толстенные складочки, это они так туго заполняют трусики между ног... – Она зажимает их пальцами, тянет, подергивает, пошлепывает по своей остро-овальной лодочке ладошкой. – А вот это мои маленькие губки, мои лепесточки, мои нимфочки... – растягивает их в стороны, поглаживает, расправляет, и снова водит кончиком пальца по краям, как по венчику бокала, который сейчас зазвучит под скользящим прикосновением. – О-ох... если еще немножко, я сейчас кончу... хватит... А вот это, где они сходятся в верхнем уголке, это мой клитор, – осторожно трогает: – ах-х... он стоит... потому что я вам его показываю... потому что я его ласкаю... ах-х!.. потому что я хочу ебаться... вот какой он у меня большой, почти три сантиметра, стоит, упругий, горячий, тверденький... он у меня для того, чтобы его драть... тихонько, нежно, вот так... а-ах!

Она сжимает зубы и дышит часто, левая рука колышет и шупает большие груди, теребит и крутит виноградины сосков, правая движется плавно и безостановочно в выставленном бутоне в черной заросли между сливочных бедер:

– Во-от... видите... – как большая красивая тетя мастурбирует... как я красиво занимаюсь онанизмом... – Протяжно вздрагивает и убирает руку. Она не кончит по-настоящему, пока не получит все.

– Сначала мы возьмем самый беленький, – и невинно улыбается. Меняет позу и склоняется над Чехом. Высовывает язычок и проводит им по головке. Берет зубами ствол сбоку и легко покусывает, и, широко открыв рот, надвигает сверху до половины. Вишневые губы смыкаются кольцом, плотно скользят вверх... Он ахает и стонет. Она ложится удобнее снизу и смотрит ему прямо в глаза. Лицо ее движется вверх-вниз, растянутые губы округлены, белый и твердый у нее во рту кажется толстенным, огромным, иногда она передвигает его за щеку и он там ясно обозначается, ходит во рту, оттягивая щеку вбок, она крепко проводит снизу головки языком и снова сосет, лижет; крепко скользяще трет, вверх-вниз... судорога, толчок, она чуть сдвигается и белая струя выстреливает прямо в приоткрытые пухлые резные губы,

перламутровые тягучие капли стекают по подбородку, еще брызгают в щеку, в шею, стекают по лицу, она слизывает их, и пальчиками выдавливает последние капли себе на язычок. Лижет и закрывает.

– Бесстыжий мальчик, – шепчет она. – Спустил моловью из своего стоячего хуя прямо красивой тете в рот, все красивое лицо забрызгал тете своей горячей сметанкой.

Он хрипит и свистит, как кузнечные мехи. Катится пот, рубашка мокрая.

Маша утирает щеку в плечо, переводит дух, и морщит нос:

– А у кого у нас, мои любимые любовнички, – смешливо шуруется, – сегодня самый твердый? А во-от, прямо железный, прямо кованый, непобедимый боец! – и хватает за шток счастливо обмершего Мустафу. – У, какой ребристый... чтоб лучше тереть внутри, мой умничка, – подкачивает его. – Хватит, а то выстрелит сейчас, как пушка, правда?

– Да, – беззвучно шелестит Мустафа.

– А ну-ка, вот какие у тети красивые большие сиси, они хорошие, они тоже хотят, правда... их тоже надо выбать...

Она подвигает его к краю и встает рядом с кроватью на колени, подложив сложенное одеяло, чтоб было повыше и удобней. Выкладывает свои шары так, что его торчащий обнят ложбиной между ними, и прижимает их с боков руками.

– Вверх-вни-зз, – начинает она, – во-от так, вверх-вниз!

Соски вылезли меж растопыренных пальцев в стороны. Она двигает и качает руками свое мощное вымя, плоть груди колеблется волнами, массирует и оглаживает твердый, напряженный, он выскакивает над двумя округлостями и скрывается обратно.

– Вот так, вот так! а правую сисю приложим плотно сейчас к пушистым шарикам, круглые яички, милые, катаются там... а сосочком потрем прямо по дырочке, вот здесь... а теперь сильнее, быстрее, еще, еще! так, так!

Молочный фонтан бьет вверх и опадает ей на груди каплями и ручейками.

– Это называется «салют», – объясняет она, и размазывает по их шарам тягучие теплые потеки.

– Сегодня мальчику на сладкое дали сиси в сметанке, – говорит она, звучно пошлепывая груди снизу, и смотрит вместе с возвращающимся к жизни Мустафой, как они подпрыгивают.

Машка, кобыла золотая, вынослива и ненасытна. Конечно, одного и даже двоих при любом раскладе ей мало; наше счастье. Пружина бедрами, поводя глазом – абсолютная свобода, абсолютная власть! – она прислушивается к своим желаниям: сейчас.

– А сейчас нам нужен самый маленький, ему тоже найдется работа, и не слишком твердый, просто плотный. Сейчас мы ему тоже сделаем хорошо.

И встает перед Жорой, повернувшись спиной. Он тянется, она слегка приседает, и он целует ее в попу, жадно вдавливая лицо в спелое податливое полушарие.

– Ой, колется! – взвизгивает и смеется она. – Сильнее, еще... безобразник, поставил девочке засос прямо на попку!

Берет из тумбочки вазелин и смазывает «запасной вход». И пристраивается на корточки над Жорой, задом к нему, занося крутые холмы-половинки над его стартующим снарядам.

– Это называется бильбоке – насаживание шара дырочкой на палку, – заведя руку назад, берется за него и приставляет к темной лучистой звезде в глубине ложбины своей сногшибательной женской задницы.

– Так-так-так-так... – прищептывает она, насаживаясь мелкими осторожными движениями на его конец.

Спинка ее прогнута, узкая талия круто и плавно переходит в круглый здоровенный зад, он ходит вверх-вниз, принимая в себя член до основания и снова выпуская, а Маша двигает и вертит своей чемпионской попой во все стороны, качается над ним, не отпуская вовсе, встав-

ленный упруго мотается в прихвате, помпа наяривает! В маленьких малиновых ушах отчаянно скачут сережки.

– Машка, сука, я люблю твою роскошную красавицу женскую жопу, – сбросив все тор-моза, цедит Жора, – ты же ее выставила прямо передо мной... ты двигаешь ею вверх-вниз... твой литой круп... какая она здоровенная и круглая... насаживай ее на мой хуй, моя золотая девочка... хорошо, туго, крепко... выебал мою милую девочку прямо в попку... обожаю твою бесстыжую жопенцию! еще!!!

Он рычит, оскаливается и содрогается. Маша слезает на пол и обматывает сникший военно-морской вымпел белой капитулянтской салфеткой из той же тумбочки.

– Безде-ельники, – томно укоряет она. – А работать кто будет? Кто у меня записался в кружок «умелые руки»? Сейчас будет урок ручного труда.

Перебирается к Каведе, берет его полувялый меж указательным и средним пальцами на манер сигары и болтает им. Подергивает за кончик крайней плоти, тянет кверху и крутит его банан за этот эластичный тяж, как скакалочку. Он распрямляется, увеличиваясь: пальцы вжимаются в его бока и туго массируют.

– Это называется фелляция, – комментирует Маша. Обхватывает буроватый ствол в кулак и гоняет быстрее и крепче.

– А это называется фрикции. – Вторую руку кладет на мошонку и потряхивает в такт. Ее вороная грива разметалась по плечам.

– Ох, девочка, что ж ты делаешь... – у Каведе раздуты ноздри, мутные глазки закатываются.

– Дою моего бычка. А что, не надо? – невинно интересуется она.

– Надо! – поспешно говорит он. – Ох.. Боже... еще!.. Машка, Машенька, Машутка, милая, ты мне делаешь хорошо... что ты делаешь, распутная разнузданная девка!

Маша делает благовоспитанное лицо:

– Я взяла парня прямо за его большой красивый хуй и стала его драть. – Накачивает бешено. – А сейчас я подрочу побыстрее, и ты спустишь мне в ручку.

И когда он кончает ей в сложенную ковшичком розовую ладошку, она умело и аккуратно, наклонив убоготворенный орган, выжимает все до капельки и, глядя вниз на себя, сливает белый ручеек на низ живота и курчавую черную рощу. Жемчужные матовые капли повисли и дрожат на вороных завитках.

– А вот теперь я хочу наблюдаться по-настоящему, досыта, – с напором неотвратимым, как лавина, произносит она.

С хрипом и свистом Старик призывает в экстазе:

– Иди ко мне, моя поблядушечка, – прерывисто вибрирует он. – Иди ко мне, моя титястая царица, моя толстожопая повелительница, моя обольстительная стерва...

– А заче-ем? – капризно тянет Маша. – Разве ты можешь сделать хорошо такой большой девочке?

– Зацелую мою девочку прямо в пипочку, поставлю моей девочке засос прямо в смуглые губки, пососу моей девочке ее большой вставший клитор, ее нежный похотник, ее заветный маленький девичий хуй.

Маша счастливо опускает веки и встает на колени, раздвинув их, над его подушкой. Его голова скрывается в объятии сливочных полных бедер. Верхняя губка Маши вздернута, ротик приоткрыт.

– О-о-о-о-о-о... – стонет она, когда ее лепестки тянутся взасос в его рту, горячий быстрый язык оглаживает и щекочет возбужденный клитор и круговыми толчками проникает внутрь, туда, в глубину. – О-о-о... соси еще... целуй ее... лижи ее... быстрее... м-м-м!.. горячо... засоси в рот всю мою красавицу нежную пиздищу... а-ах!!!

Она содрогается, атласная кожа блестит от выступившего пота, прерывистый вздох вздымает тяжелые груди.

– А у кого самый длинный, толстый, здоровый, – шепчет она. И уже в полубессознательном состоянии овладевает мной.

Она нависает на корточках здесь, рядом, надо мной, вплотную, ее лоно выставлено откровенно, части снаружи крупны и в этой крупности грубоваты, и в сочетании этой откровенной плотской грубоватости с нежной чистотой ее лица и совершенного тела красота ее делается беспредельной, непереносимой, пронзительно драгоценной больше всего в мире.

Медленно-медленно приближая... вот! касание... она насаживает свою лодку на мой столб. Я смотрю, вижу, плыву, нечем дышать.

Она умеет сжимать ею сильно, он входит глубже, глубже, в плотную горячую глубину, туго, дальше...

– Выебу моего мальчика, – беспамятно приговаривает Маша, раскачиваясь надо мной. – Почему ты молчишь? говори мне, слышишь? я кончаю, когда мне хорошо говорят.

– Умру за мою красавицу-блядищу... – еле выговариваю я.

– Нет, – учит она, – сначала надо попросить разрешения.

– Тетя Маша, можно я вас выебу?

– А чем ты хочешь меня выебать?

– Хуем.

– Да! А куда? куда?

– В пизду...

– Ох-х... А ты засадишь тете Маше до донышка?

– Да-а... всуну... большой... весь... засажу... до конца...

Круглое, стройное, теплое, плотное, спелое, ласкает, мучит, нежит, трет, легко, сильно, быстро, глубоко, бешено, мягкая попа податливо накрывает раз за разом мои яйца, с корточек становится на колени, наклонясь, огромные шары груди мотаются, живот кругло сбегает книзу и его нежная плоть шлепает шлепает шлепает по мне... Боже мой... она, на мне, голая, вся, с раздвинутыми бедрами, волосы под животом, насаживается, насаживается...

– Да! да! да! – рыдает она. – Достал!.. да! Боже! Я – люблю – твой – хуй!

– Еби меня еще! Еби меня!!!

.....

Разметанная грива убрана под шапочку, халат туго подпоясан. По две затяжки из ее рук. И уплываем в сиреневый туман, зыбкое забвение, дневной сон. Мы счастливы.¹⁶

6.

Дорогой ДБ¹⁷.

Здравствуй, брат, писать трудно, особенно письма, и трудности эти начинаются с обращения: покуда эпистолярный этикет не сделался меж адресантами незамечаемой служебной фигурой – все стараешься нагрузить графику дозированной интонацией, взглядом, жестом, мерой времени и дистанции... о, это обстоятельное интеллигентское занудство с первых слов! здорово, понял.

¹⁶ Лимон-Миллер. Успокоился и добавил: «Я вам покажу Бильдера».

¹⁷ ДБ – дальний бомбардировщик. На таком (ДБ-3ф) в июле 1941 года совершил свой знаменитый подвиг капитан Гастелло, направив горящую машину с экипажем на колонну немецкой техники; хотя есть известная натяжка в формулировании подвига того, что рекомендовал в приказном порядке действовавший Боевой устав ВВС (от 1940 г.): «В случае подбития машины и невозможности продолжать вылет направлять ее в скопление вражеской живой силы, техники, укрепления, склады или постройки, нанося врагу максимальный урон».

Вообще жанр эпистолы есть рудимент-полупроводник: никто не любит писать письма, но все любят их получать. Для конкретики есть телефон, факс и модем, а для души – взгляд, бутылка и вечер, переходящий в ночь, имеющую результатом банальную отраду, что кореш тебя уважает, бед у него тоже сверх видимого, и предшествует это головной боли с утра, если бутылка была некачественная – что безусловно лучше головной боли с вечера, если некачественным был собеседник.

И остались письма для а) бедных, не имеющих денег на телефон и билет до друга; б) смешных тщеславолюбцев, заботливо пишущих для истории последних, дополнительный том полного академического собрания своих сочинений: «Письма». Послания первых трогательны в своей искренней бедной графарианности, вторых же – сугубо предназначены штатным литеатуроведам грядущего, и читать их можно только ради зарплаты.

Тем более странно, что я давно собирался тебе написать. Что, собственно? Что я тоже подстригаю свои яй... тьфу, розы? Мы и знакомы-то, подумаешь, три года, и виделись считанные разы и часы. Нет, конечно, родство душ и взглядов, эстетика и симпатия, актеры и зрители смахивают слезы, скупое слово крепче булата, и друг благоговейно поднимает уроненный старпером пистолет, иначе как же. Странность для меня лично заключается в том, что мне сорок семь лет (блядь!!). Служили два товарища, ага, в нашем полку, пой песню, пой, птичка, шипи, змея. В ноте сентиментальности некий бла-ародный смысл.

Двадцать лет разницы между нами – это много, это примерно до хрена. Пожалуй что не так много, как думаешь ты, но больше, чем думал я. Понимаешь, смотришь-то на разницу сразу, а наживаешь-то ее постепенно... я ясно излагаю?

И вот шо, сдаецца мне, из этой разницы следует.

В двадцать пять, и двадцать восемь, и тридцать – я был пожалуй что ничего, как сейчас понимаю. «Ну, кое-как ничего», – мне страшно нравится, по доброй старой крутой флотской этике, высшая боцманская похвала. Об меня можно было ножи точить. Не было прав, обязанностей, долгов, репутации и публикации – была только перспектива и работа: работа была сейчас и до упора, а перспектива с идеальной полнотой сияла шедевры, славу, богатство, судьбу. Сладкое слово свобода. В прорыв без обзоров.

Я был отменно нищ и самодостаточен, и разумеется никому не нужен, как неуловимый Джо. Был и мне не нужен никто.

То были специальные времена. Государство с неудовольствием оценило размер пирога, выданного письменникам, и вперило в них с требовательным ожиданием. Вам хочется песен? их есть у меня! – рапортовали творцы, оттачивая засапожные ножики. Генерал КГБ Юрий Верченко присматривал за этим крикливым кагалом дармоедов, чтоб не давились в три горла и соблюдали субординацию. Несоразмерность лимита яств безграничным аппетитам нервировала едоков, которые зорко и злобно следили за тарелками и ртами соседей. – И тут некто на горизонте, судя по дыму, скорости и силуэту, прет в радостной готовности, что его позовут, подвинутся, дадут стул, отрежут смачный кус и ну ласкать, пока не позовет к священной жертве Аполлон.

Да ты и есть священная жертва, дурак. Ты и есть тот мелкий козел, которым по мановению свыше заменяется под алтарным ножом родной сын. Пирожком мы сынка угостим, публично продекларировав, что из веры и верности Богу нашему не пожалеем и сына. Но поскольку кого-то же резать надо, вот ты, козел, и пригодишься. Для упорядочивания этого процесса и была создана в тот достославный момент Комиссия по работе с молодыми авторами.

Вкруг литпирога образовался застой.

Молодой писатель сразу стал отличаться от просто писателя, как член от почетного члена. Это была категория не возрастная – но качественная: знак социальной принадлежности. Нехитрый умысел заключался в том, чтоб удержать молодого в назначенном русле лет до сорока пяти. По ихней географии Волга впадала непосредственно в Пик Победы, и шлюзы построили,

и паровыми свистками награждали, но по дороге надо было озеленить Кара-Кумы, тут-то все и испарялось. Клиентов стригли, раздевали, выдавали мыло, строили в походную колонну и конвоировали в баню, непосредственно из которой можно было уже не торопиться в крематорий.

К медвежьему реву охотники со временем привыкли, но к пулям с мягкими кончиками медведи привыкнуть так и не смогли.

Я не играл в их игры. Кот гуляет сам по себе (см. Брэма).

Однако хэд зэ дрим. Дрим состоял в том, что и.о. литературных величин таки заметят, оценят, проникнутся – и, небрежно отстраняя лавровые осыпи, воссяду я в сияющих чертогах врезать стопаря одесную от Одина. И буду я кумиром мира, подруга бедная моя. Мне плевать на признание, но сначала все же воздайте, чтоб было на что плевать.

Мой любимый анекдот – про меч для Волобуева: «А вот те хуй!!!»

(Если держишь удар, то чем больше тебя бьют – тем больше умнеешь; пока мозги не вышибут.

...Студенты-филологи давали вечер поэзии в общаге физиков своего Ленинградского университета. В школе я любил физику, да и сейчас физики мне симпатичнее декламаторов, но в той встрече я, будьте уверены, крепил ряды стихосказателей. Спор физиков и лириков вылился в гуманитарный вопль: если мы идиоты, то что такое по-вашему вообще умный человек? Очкарик-ядерщик рассудительно ответил, ум – это способность из минимума информации выводить максимум заключения, при прочих равных – в кратчайшее время и простейшим анализом.¹⁸

Лучшего определения я и сейчас не знаю.

То есть: умнее с возрастом, разумеется, не становишься, способность твоя к анализу не увеличивается. Но увеличивается ресурс опорной, дополнительной информации, увеличивается время анализа и количество попыток. И приходишь для себя к решениям: пониманию проблем.

Вообще преимущество работы писателя в том, что задним умом все крепки, так у тебя этот задний ум – основной и рабочий: думаешь себе передумываешь спокойно и бесконечно, пока не найдешь сказать наилучшее всего.

И среди понятых мною нехитрых вроде вещей, которым нас никто никогда не учил, было и насчет зависти как аспекта самоутверждения, и насчет создания нового как затенения и отрицания старого самим фактом нового, и сопротивления вообще окружающей среды любым изменениям – инерция как закон бытия, и мельница господ бога мелет медленно, всему свое время: тебя давят, а ты гни свое.)

(...Над небом голубым, под солнцем золотым, я пишу тебе это письмо в Иерусалиме, в лоджии на пятом этаже, угол Бен-Гилель и Бен-Иегуда, пешеходки суперцентра. Внизу прут и галдят сабры. Это аборигены сами себя так называли. Слэнг – кактус: снаружи колючий и противный, а внутри сладкий и сочный. Привет от Фрейда. Самоназвание им льстит. Счастье Израиля в том, что врагами он имеет арабов, призеров раздолбайства, а не серьезный народ. Но упрямство сверхъестественное, нечеловеческое: из века в век повторять заходы в одну и ту же воду. Мне представляется интеллигентнее – конструкция бронебойной пули: мягкая оболочка и закаленный сердечник: при встрече с броней оболочка оползает вокруг точки удара и сплюскивается, не давая

¹⁸ Очень близко к Конфуцию.

пуле закусываться и рикошетить – и зафиксированный тем самым твердый сердечник, деваться некуда, втыкается в броню и пробивает ее.)

Итак, я жил в Ленинграде и писал рассказы. Никто, ничто и звать никак. Суммарный вектор отзывов указывал на фиг: иди гуляй, Вася. Это выглядело все мрачнее. Невпротык.

Из атмосферы Ленинграда исчез кислород.

Боже мой. В это время ты пошел в школу. Тебе купили первый портфель. Ты учился читать и писать. Тебя приняли в октябрята. Ты был самолюбивый мальчик и придавал большое значение отметкам. Ты был заносчив и слабоват, тебя били, и дома ты не говорил об этом. Зато ты умел мечтать, любил читать, у тебя был подвешен язык, развитой был мальчик. Звонки, перемены, строем, пионеры, физкультура, контрольная.

А я варил чифир из вторяка, сшибал ночью окурки на автобусных остановках, отрезал на кухне от соседского хлеба, в комнатухе на Желябова не грела батарея, и я напяливал всю одежду на себя. И по абзацу в день работал свое.

Я писал для тебя, сынок. (Только не зарыдай от умиления, я тя умоляю.) Вот так оно «исторически сложилось». Рассказы ждали, когда ты повзрослеешь и вы встретитесь.

Прошло много-много лет. Пацаненок стал подростком, юношей, мужчиной, выпускной вечер, армия, свадьба, развод, стихи, редакции, статьи, первая книга, слава столичного журналиста, тюрьма, стажировка в США, – огромная жизнь в главном, основном своем периоде.

А я уже жил в маленьком, тихом и на хрен не нужном мне Таллине, был в третий раз женат, выпустил вторую книгу рассказов, вошел в ихний Союз писателей. Черт возьми, я был еще жив, и неплохо чувствую себя до сих пор.

И вот – поколение спустя – я встретил тебя, того, кого хотел встретить, будучи в твоём возрасте. Двадцать лет спустя. Ровесник меня, тогдашнего, принял написанное мной так, как оно полагалось верным. Мой ровесник, золотое перо, элита нового времени. Какая же эпитафия может быть выше этой, славный Портос!..

Я зашел в редакцию к ребятам таким же, как я сам, и песок из меня еще не сыпался. Разве что дешевую водку из граненых стаканов давно я не пил за редакционным столом. И обратившись ко мне на вы и по отчеству, ты закричал в телефон: у меня тут сидит, живой!.. И обнаружился возраст. И впервые мне пришлось осознание, что вот так и становятся старперами. (Тут старику-ветерану подобает, небрежно поиграв железной мышцей, не удержать одинокую скупую слезу по рубленой мужественной морщине, и подумать, что его сыну могло бы быть столько же лет, сложись его суровая жизнь иначе и счастливее... Я те поржу, сука!!)

Литературная аллюзия. Обликом, жизненным аппетитом и темпераментом ты очень похож на д'Артаньяна, который вдобавок бы любил поесть и выпить. Ну, скажем, на д'Артаньяна, который племянник Портосу. Так вот, насчет дружбы д'Артаньяна с Атосом, носившей со стороны последнего отцовский оттенок. Подумалось, понимаешь, что когда Дюма писал «Трех мушкетеров», ему и его сыну было столько же лет, как нам, когда мы встретились. И в отношении Атоса к д'Артаньяну, при всей изящной галльской ироничности Дюма, есть что-то присущее именно чувству сорокапятилетнего мужчины к двадцатипятилетнему. (Хотя допускаю, что это я задержался в развитии, и вместо законных сорока семи ощущаю себя на тридцать.)

Вот таким образом угрюмый рубака объяснился в любви своему молодому другу.

Отчего мы не современны? Зачем мы стойкие гетеросексуалы, как это сейчас именуется? Каким полным могло бы быть наше счастье, объемля также половую близость. Майн Готт, только не это. Будем любить женщин, и лучше разных. Я уважаю Перикла и даже могу стать гоплитом, но не кажи гоп, пока тебя не вдели. Как справедливо тормознул голубым армией генерал Шварцкопф, солдат в бою должен быть спокоен за свою спину, прикрытую товарищем, а не бояться повернуться к нему задом. Стирание граней между мужчиной и женщиной посредством притирания передних органов к задним есть энтропия общественной энергии: а всеоб-

щее и полное равенство суть просто конец времен, который подкрался весьма заметно к белой цивилизации. Виктук не мой режиссер, а Лоуренса Аравийского испортило общение с арабами. Возможно, таким способом он гнал их в бой. Во всяком случае, ни до ни после него даже англичанам, этим признанным мастерам по использованию туземного материала, не удавалось заставить арабов воевать хоть с каким-то положительным результатом.

Я имел тебя (тьфу!) за талантливую журналиста и умного человека, обаятельного и на редкость тактичного. А после радиодома, когда ты напугал меня намерением читать свои стихи (мать моя, ужаснулся я, так ведь все было хорошо, и за что вдруг такое несчастье) – за блестящего поэта. Я человек терпимый, но не хороших стихов не терплю. Особенно не люблю, когда меня пытаются заставить их слушать Ты единственный лет за двадцать, чьи стихи я слушать могу, хочу, а после помню их и люблю.

Так дай тебе Бог.

Я думаю о тебе чаще, чем ты можешь представить. Как бы ты для меня – больше, чем просто и только ты, но: тот, кто пришел. Для кого писалось, кто сделал себя сам в новые времена, гнул – не кланаясь, улыбался – не лстя, восходил – не пролизывая стезю сквозь вышезагораживающие задницы; кто взял свое талантом и энергией – не высиживая благонамеренный срок на очередной ступеньке.

(В Израиле рекомендую водку «Кеглевич»: пять долларов флакон 0,75 – и душа открыта другу и письму: мы росли совсем не так, нас держали, как собак, – журчит на домбре пьяный Джамбул. Смотрите, кто пришел! Давайте, мальчики! Дрожите, дряхлые кости! Вы думали, что будете поучать и сношать нас вечно?! Юность – это возмездие. Так подышайте теперь в соплях под забором, нет вам моего сочувствия. Не тянете условия открытой игры? По дармовому пирогу только для себя тоскуете? Пришли молодые, талантливые, энергичные, не ровня вам по тому, что могут делать, и не можете вы им перекрыть, запретить, руководить, заставить ждать, и не тянете с ними честной конкуренции, бездарные и умелые в прошлом подлые твари. Да здравствует революция, которая смела стариков, – это еще Асеев. Не все коту масленица, не наш черед плакать, ступайте разводите курей, записывайтесь в очередь в лакейскую, выключивайте подачку у власти.) Вот за одно уже за это – благодарность и любовь тебе: твоему поколению. Мужик, я тебя уважаю.

Богатство таланта делает тебя независтливым, щедрым и добрым. Ты горд, зная себе цену, и чужие удачи и вершины тебя не умаляют. Своих достает. Соседство с чужим успехом тебя не затеняет – напротив, чего ж не покурить в приличной компании (а то люди скажут: ну и шайка у этого Тома Сойера, одна рвань).

Дистанция общения таланта – отдельный предмет. По определению единичность и уникальность, талант совместим с кем-то и сколько-то надолго лишь при достаточной дистанции комфорта (бокс – вытянутая рука плюс сантиметр), с запасом люфта, свободным зазором. Но темп/ерамент молодости прет в ближний бой.

Именно витальный темперамент заставляет тебя регулярно ругаться и расходиться с друзьями: народ за тобой не успевает. Поводы к ссорам неважны. Со своим самостоятельным напором жизнерадостности – ты способен к гонкам в тандеме только на отдельные этапы. Сближение, сцепление, подстройка в ритм, рывок хода – и скорая десинхронизация и разнорядность: слишком ярка и требовательна собственная индивидуальность.

Кстати же о бабах, ага... Вот и у пчелок с бабочками точно то же самое.

И еще уж одно (по праву стариковства): ты хороший сын. А это из главных вещей в человеке. Я приемлю только нормальных людей. Все эти вывихнутые конгении, паразитирующие на ближних, пусть какают на головы своим исследователям и апологетам: не верю. Если кто чего-то стоит – то стоит во всем главном.

А посему:

– я крепко жму тебе руку, благодарю, что ты есть, не дай купить себя, парень, и не дай себя продать, не смей быть преданным, чтоб собаки твои не сдали, чтоб спички твои не отсырели, и да будет тебе во всем удача, и выпьем за нас с вами – и за хрен с ними!

Ерушалаим, год 5755 от Сотворения Мира

7.

...и когда схема работы сложилась, мы поняли все.

А кто, ребята, помнит, как звали Хулио Хуренито?

А кто знает, что такое телекинез? ага, перемещение полена в пространстве етицкой силой воли воображения: знание в общем сводится к тому, что крокодил летаэ, тильки низэнько. А между прочим еще Юнг, Карл Густав, фигура в науке равнозначная Фрейдю, проанализировал и обосновал это в своих «Тэвистокских лекциях».

В другой жизни, в своей нормальной здоровой молодости, я не читал Юнга. Я пил водку. Но не всегда, а только когда были деньги.

И вот зима, Невский, Елисеевский гастроном, а денег нет. Стою в очереди за студнем: сорок шесть копеек полкило. А передо мной мужик. А в сеточке у него запотевшая с мороза «Столичная» И смотрю я на нее с завистью, а больше с ненавистью и злобой. Очередь двигается, и мужик передо мной двигается, а я двигаюсь за ним, и смотрю упорно.

И тут бомж, ханыга, останавливается рядом со мной. Прослеживает направление моего сосредоточенно-злобного взгляда – и впериывается в бутылку точно с тем же ненавидящим и сильным выражением, оторваться не может...

И тут – кр-рак! – лопается бутылка. Пополам! И невольно мы с ханыгой, переглянувшись, разражаемся диким смехом, счастливым и обидным. Вот так-то!!

Мужик услышал, почувствовал, посмотрел – ханыга мигом испарился – а мужик мне в ухо! Подрались. Я клялся – он не верил: разбили, гады, и все тут.

А ведь я никакими особыми способностями не отличался, и жизнь моя была обычная и нормальная. Воображение, эмоция, суммирующий эффект. И любой, порывшись в памяти, может припомнить у себя один-два подобных случая. Недаром же давно сказано – «судьба благосклонна к тем, кто твердо знает, чего хочет». Умей хотеть!

Когда вся жизнь сосредотачивается исключительно в мыслях и чувствах, и ничто не отвлекает от думанья, от воспоминаний, размышлений и мечтаний, начинаешь со временем куда как много понимать...¹⁹

¹⁹ Ужасный и непредвиденный случай произошел 9 сентября 1968 года в Ленинграде, во время выступления по ленинградскому телевидению в пресловутом прямом эфире Первого секретаря Ленинградского обкома КПСС товарища Толстикова. Через несколько минут после начала передачи товарищ Толстиков почувствовал себя плохо, потерял сознание, трансляция была прервана; товарища Толстикова поразил тяжелый инсульт, и он умер на полу в студии, не приходя в сознание, несмотря на все усилия реанимационной бригады. Случай вышел вопиющий, недопустимый: смерть руководителя такого ранга должна была подаваться народу такой же абстрактной тайной Высших сфер, как кончина китайского императора. Из политических соображений был создан слух о его смещении и назначении послом СССР в Китай, и даже пущены анекдоты на эту тему. Это сравнительно известно. Менее известно и почти не памятно, что на следующий же день его первый зам и второй секретарь товарищ Грищенко выступил по тому же телевидению, дабы зачать то же обращение, программное и необходимое: сентябрь 68 – точка поворота политического курса после многих событий в мире и стране. И его постигла точно та же участь!..А вы говорите...Со всех работников телевидения и бригады реанимации была взята строжайшая подписка о неразглашении. КГБ с отчаянной силой перетряс ТВ, столовую Смольного, штат помощников и референтов, шоферов и механиков обкомовского гаража, проверил все контакты, выдал сок из патанатомии и биохимической лаборатории Свердловки, допросил семью: тщетно; инсульт, все симптомы, и все тут. Искали теракт! На Ленинградский КГБ пришел в генералы полковник Калугин! Гребли всех: рвением горели, помнили Кирова, не шутки. И когда выжали все, осталась крупница в осадке: телевидение. И выяснилось: В августе ЛенТВ, Чапыгина 6, получило в порядке перехода с ч/б на цвет новую французскую аппаратуру в системе SEKAM (очень малоупотребимую в мире по сравнению с ПАЛом). Прижимистое и нищее государство (нефтяной кризис еще не настал, нефтедоллары не притекали) тратилось сверх крайне необходимого лишь на две статьи (а в сущности на одну): оружие и идеология. Поэтому грохнули деньги в ТВ – главное орудие идеологии и пропаганды. Уже существовали западные ста-

К этому относится и одно генеральное, принципиально важное для нас и всей нашей истории понимание. А именно: что бы ты ни делал, о чем бы ни думал, ни мечтал, ни воображал себе – в результате это все равно, любыми путями, в сумме, ведет к исполнению того главного, что ты был предназначен сделать в жизни.

Здесь нельзя по своему разумению и хотению что-то отбрасывать, выводить за скобки, пренебрегать, не обращать внимания, – а на другом сосредотачиваться, всматриваться преувеличенно, придавать значение большее, чем оно занимает в твоей жизни пропорционально со всем прочим.

Люди просто пьют чай, а в это время рушится их счастье и складываются их судьбы; ага. Ты моешься или обедаешь, ковыряешь в носу или чистишь ботинки – а в это время рассыпаются миры и творится История. И это движение невозможно без всех-всех мелочей, из которых состоит то, что ты называешь своей жизнью.

Все связано со всем: истина древняя. А новая наука о ней называется синергетика. Создали ее всего-то лет двадцать назад конечно американцы, большинство из которых были конечно советские евреи. Ребята они ограниченные, но копнули в верном месте.

И если ты отбрасываешь что-то ненужное, излишнее, ложное, никчемное, не ясно для чего наличествующее, – тем самым ты искажаешь себя, мир и историю. Но не волнуйся: ты все равно сделаешь все, что надо, никуда не денешься. Карма, Рок, Фатум, Судьба, Предопределение – лишь разные и условные имена для обозначения одного: твоей Сущности.

Поэтому абсолютно все, что есть в нас (ого, весь мир), ведет к выполнению той задачи, которую мы и решаем. А что касается результата – разверните газету, включите телевизор, оглянитесь по сторонам – и судите сами: как мы справились со своим делом.

Блудница на семи холмах, горе тебе, Вавилон, город хлебный! Ну, почему же только Вавилон?.. Москва тоже хороший город.

.....

тистики: насколько цветное ТВ воздействует на зрителя эффективнее, сильнее, чем черно-белое. Поэтому и выбрали СЕКАМ. Не потому, что дешевле, – в идеологии за ценой не стояли. А (менее совершенно?! хе-хе...) краски были концентрированнее, активнее, неприродно контрастнее – сильнее ломили глаз и мозг. На то был ЦНИИ Связи. И когда диктор, или тем паче партийный руководитель, обращается к народу через цветной экран, КПД доходчивости его выступления существенно повышается. Цепь, по которой передается воздействующее изображение и звук, простая: выступающий – камера – кабель – монитор – кабель – пульт – кабель – усилитель – передающая антенна – эфир – принимающая антенна – кабель – телеприемник – зритель. Принципиально и в общих чертах так. Вот по такой цепи и идет воздействие. И еще как идет! Когда в конце восьмидесятых Кашпировский и Чумак действительно ведь усыпляли многих, болячки у некоторых и вправду заживляли, заряжали воду и т.п. – к этому быстро привыкли, миллионы людей ощутили эффект на себе, и никто уже особенно не удивлялся. Врачи в основном не верили и ругались, многие после передач обращались к ним с явным ухудшением здоровья, – но ведь это тоже эффект, отрицательный, но наиболее достоверный: его традиционная массовая медицина фиксировала. И не только гипноз, но только внушение: а тот американка, который по телевизору зрителям вставшие часы запускал? Многие смеялись, но ведь он – по телевизору же! – остановившийся Бит-Бен запустил! это факт абсолютный, масса свидетелей и журналистов. То есть: связь получается полупроводниковая, в одну сторону. Но: абсолютных полупроводников в природе не существует. Во-первых, сила противодействия стремится сравняться с силой действия. Во-вторых, если «принимающий» конец такой полупроводниковой связи сам энергетически заряжен, то в случае достижения им очень высокого, мощного уровня энергии возникает от него такой силы посыл, что он превышает как бы клапанно-запорные возможности полупроводника, продавливается навстречу в обратную сторону. Связь становится двухсторонней. Как если к водопроводному крану подключить мощный компрессор: или лопнут трубы, или слетит крыша с водокачки. А Ленинград люто ненавидел своих партийных боссов. Со ждановских времен говорили о жадности, подлости и жестокости хозяев Смольного. И рожи их внушали отвращение. И злая, негативная энергия миллионов телезрителей складывалась из капель – так струя гидромонитора под огромным давлением рубит гранитную скалу. Телевизор – кабель – антенна – эфир – антенна телевизоры – усилитель – кабель – пульт – кабель – монитор – кабель – камера – выступающий! И когда оператор наводил перекрестие визира камеры в глаза боссу – это равносильно наведению оптического прицела, гарпунной пушки, телеуправляемого ПТУРСа. Вот после этого были в спешном порядке форсированы работы по внедрению на ТВ видеоманитофонов, а эпоха передач в прямом эфире кончилась надолго. А в качестве административных мер сменили руководство и поставили председателем Госкомтелерадио прожженного комитетчика, железного и бессменного Лапина. Никто, разумеется, не обратил внимания в потоке официальной информации, что Ленинскую премию за 1969 год в области техники получила «группа сотрудников» ЦНИИ Связи «за внедрение в эксплуатацию оригинальных технологий нового поколения». И никто не задавался вопросом, почему никогда Первый секретарь Ленинградского обкома КПСС, член Политбюро ЦК товарищ Романов не выступал по телевидению в прямом эфире. Так что все было давно известно кому надо, учитывалось и использовалось.

Мы не знаем, как именно настанет конец. Он может прийти в любой миг и принять любой облик. Это может быть обеденный компот, или драже витаминов, или открытый кран в ванне, или просто подушка на лицо. Ну и что? Каждую весну в Москве нескольких человек пришибает сосулькой с крыши: не думал не гадал он, совсем не ожидал он, ага. Без разницы. Ты не вейся над моею головой, знать не можешь доли своей – до смерти живы будем, на миру и смерть красна, за компанию и жид повесился, помирать так с музыкой, никто не забыт и ничто не забыто, наше дело правое, мы победили. Гремя огнем, сверкая блеском стали рванут машины в яростный поход, когда нас в бой пошлет товарищ Сталин, и первый маршал в бой нас поведет!

Но это случится не раньше, чем мы сделаем свое. Волк умирает, сомкнув челюсти на горле врага, и многие уйдут вместе с нами. Я вас научу любить жизнь. Прорвемся.

С кухни доносится звон посуды и пахнет варевом. Судя по запаху, щи. Стопарь бы под тарелочку щец! Да ломтик салца с чесночком на закусочку, да огурчик соленый хрусткий!

По доброму-то и хорошему давали в старые времена приговоренному перед казнью выпить и закурить. Я бы отказался: пусть все знают, что не цеплялся жадно за последние мелкие жалкие удовольствия жизни, не принял подачки, ушел достойно и с усмешкой. А может нет: на лобном месте, пред толпой народа, поклониться в пояс на три стороны, принять у всех прощение, опрокинуть чарку за их здоровье, закурить спокойно и с удовольствием, со свободным вдохом и улыбкой:

– Я сейчас встречусь с Богом, ребята. Передам ему, что вы хорошие ребята, и попрошу для вас счастья.

И опуститься на плаху – только чистую, свежеструганую, – откинув с затылка волосы, подмигнув на прощание палачу, – и отправиться в самое далекое и неизведанное путешествие.

Да вот только нет в этом деле романтики. Романтика – это воображаемое в противовес реальному, желание иного: лучшего и интересного. Иностранное слово «романтика» по-русски звучит здесь «работа».

Люди, я любил вас. Будьте бдительны, идиоты.

Но пока еще – я еще успею все пережить, все перечувствовать, все вспомнить и рассказать вам.

Вращается и плывет *сививон*, ханукальный волчок, праздничная игрушка, священное гадание, рулетка и оракул, сливаясь в огненный узор горят летящими разноцветными кругами прорези древних букв, знаки каббалы, и поют в замкнутом движении предопределенную им мелодию: там грохочет самый тяжелый и мощный из пистолетов «Дезерт Игл» – «Орел Пустыни» – своим сокрушительным .44 магнум; там воет клаксоном летающий с трассы Москва – Петербург «Ягуар» пахана, миллиардера и кандидата в президенты Брынцалова; там точат брусками мечи русские гладиаторы, должники мафии, отрабатывая кровью и зрелищем в саду замка нового русского, карточного каталы, последняя мода самых крутых; там дрожит голос Мэрилин Монро, угодившей под заговор наших ребят из четвертой палаты, когда ГБ закорешилось с ЦРУ баш на баш и убрали Кеннеди и Хрущева в подъеме военного равновесия, работа была по классу экстра.

... как возили каждого из нас на кресле из палаты в палату, тасуя компании и приглядываясь, о чем мы разговариваем и как ладим друг с другом.

Как в процедурной мерили давление, брали анализы, снимали энцефалограммы, раскладывали тесты с картинками и словами.

Как не до конца, а потом до половины, а потом вообще только начало, крутили фильмы и читали книги, и задавали угадать, чем все продолжится и закончится.

Как Маша, до пояса подоткнув халат, под которым не было трусов, меняла перед кандидатом порнографические картинки и измеряла эрекцию.

А Зара увозила ночами как бы тайком в ординаторскую, и давала выпить, и покурить, и втягивала в разговоры о задушевном, и мы выкладывали ей все. Вот такое у них разделение

ролей. Одна заводит, а вторая раскручивает. Мы это отлично понимаем, ну и что, почему нет. Они там давно вычислили, что с женщинами самовары работают лучше...

– Сарынь на кичку!!! Лондонская симфония Гайдна.

Они – это простые мужики с добрыми, открытыми и усталыми лицами, с грустноватыми понимающими глазами. В обычных костюмах под обычными, не новыми и не старыми халатами. Сотрудники той самой группы, которая нас курирует. Было их двое, и посещали они нас по очереди – Сергей Иванович и Семен Борисович, блондин и брюнет.

Они и ставили задачу. Приходили с бутылкой и закуской, и с сигаретами, и рассказывали о своих войнах, и показывали шрамы, и мы, опять же, отлично понимали, кто они такие и что им от нас требуется – ну так и плевать, они-то лично нам нравились, и сотрудничали мы не с некоей секретной до неведомости службой «Н» проклятого и страшного КГБ, не входящей ни в какие управления и подчиняющейся только и лично Андропову, а потом вышедшей и из-под его власти, и ставшей работать сама на себя, и убравшей самого Андропова, – а как бы исключительно и именно с ними, хорошими ребятами, с которыми мы подружились, и полюбили друг друга, по-человечески друг другу доверяли и испытывали приятность сделать что-то хорошее, взаимно услужить. Вот так и происходит настоящая, душевная вербовка. А вы как думали.

Они говорили верные, справедливые вещи: о всеобщей прогнилости строя, о дерьмизме номенклатурного класса, о необходимости обновления государства. И мы, понимаешь, как-то увлекались, энтузиазм поднимался – было для чего жить, и еще как: мы не обрубки, мы не куски скверноодушевленного мяса для превращения пищи в дерьмо – мы важные, ценные, могущественные – люди, работники, хозяева жизни! Конечно, мы стали работать с ними – еще бы нет.

Мы видели их лезть и нехитрый расчет – и все равно пыжились и с удовольствием гордились собой: своим умом, памятью, расчетливостью, проницательностью и воображением.

Все правильно: в тоталитарном государстве только тайная полиция имеет средства и возможности произвести переворот.

Но это тонкий, тонкий вопрос – на кого же в конечном итоге мы работаем.

Нас-то на нитке держит закукленная структура, по идее, внутри КГБ: кто нас создал – тот и отрыл, кто отрыл – тот и использует; кто использует – тот и зароет. Это с одной стороны.

С другой стороны – это реформаторы, желающие блага стране и власти себе. Ан знаем мы эти революции, кушающие своих устроителей на завтрак и детей на обед.

С третьей стороны, Запад, США, спят и видят, как бы вся эта Империя рассыпалась и провалилась. А что невозможного – ломя деньгой и покупая все и всех подряд, выйти на группу – и грохнуть крепость изнутри? Кому это выгодно? Элементарно. Модель отработана – хоть немцы и большевики в 17 году.

С четвертой стороны, народишко притомился, придавлен до крайности, ни рыкнуть ни пикнуть, как клетки-ячейки в сотах. Ну-ну. Цель американского конгресса – благо советского народа. Тоже мило.

А когда складываются четыре стенки, получается ящик. Что говорит стенка стенке? «Встретимся на углу».

А только с пятой стороны – вот вам крышка сверху: хрен мы им сделаем именно то, чего они хотят. Мы не пролетарии, и цепей нам не терять – нам их носить не на чем. Так что еще кто на кого работает. Побачимо.

И уходя, мы хлопаем дверью так, что у всех надолго заложит уши.

Но есть еще одно, еще одно. Мы ведь сами себе аналитический отдел. Рабочий день у нас не нормированный, уж куда как. Мы считаем, обкатываем и прокачиваем все варианты, все узлы, все повороты. А для того, чтобы все учесть, надо все понять. Так что, кроме прочего, —

все мы здесь – *пониматели*.

А если уж ты начал действительно думать и понимать, то неизбежно происходит вот какая штука. Над чем бы ты ни задумался, над какой бы малостью – в конечном итоге ты обязательно придешь к тому, как же вообще устроено все на свете. Вот такой побочный продукт нашей деятельности.

Но это он им – побочный, а нам – ого! И за все за то, ребята, что мы вам натворили и что вы сейчас расхлебываете, мы – как бы бесплатную премию от магазина за покупку (ха-ха!) – кидаем вам это знание.

Проверено – мины есть. Кантовать!

Нам это стоило жизни.

Без него – нет смысла ни в нашей жизни, ни в этой книге.

Что вы с ним будете делать? А я почему знаю. Крутитесь сами.

Часть вторая Пониматель

Сюда неотъемлемой частью и полностью входит содержание книг

«Все о жизни»

и

«Кассандра».

Они не могли быть включены в это издание по причине объема, но в любой момент доступны читателю, изданные отдельно.

ЕЩЕ НЕ КОНЕЦ

еще не конец